

**Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена**

На правах рукописи

**МАРТЫНОВ
Василий Львович**

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**Специальность –
25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора географических наук**

**Научный консультант:
доктор географических наук,
профессор Ю.Н. ГЛАДКИЙ**

**С.-Петербург
2002**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.....	7
§ 1.1. Взаимодействия и взаимосвязи в общественном развитии .	7
§ 1.2. Кольцевые структуры: развитие, свойства и функции.....	23
§ 1.3. Основные теоретико-методологические подходы к исследованиям пространственной самоорганизации общества	29
Выводы	41
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ	44
§ 2.1. Методика исследований	44
§ 2.2. Кольцевые структуры глобального и континентального уровней.....	49
§ 2.3. Кольцевые структуры регионального и локального уровня	60
Выводы	64
ГЛАВА 3. КИЕВСКАЯ РУСЬ, МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: РАЗВИТИЕ КОЛЬЦЕВЫХ СТРУКТУР .	67
§ 3.1. Формирование контуров (IX - XVIII вв.).....	67
§ 3.2. XIX в.: территориальный рост и качественная трансформация	71

§ 3.3. Начало XX века: апогей и финал естественного развития	79
Выводы	86
ГЛАВА 4. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: РАЗРУШЕНИЕ И САМОВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛЬЦЕВЫХ СТРУКТУР	88
§ 4.1. 20-е – 30-е гг.: попытки восстановления и переход к нуклеарным структурам	88
§ 4.2. 40-е - 60-е гг.: линейные структуры	103
§ 4.3. 70-е гг.: начало самовосстановления кольцевых структур	108
Выводы	120
ГЛАВА 5. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА	122
§ 5.1. 80-е: перед кризисом.....	122
§ 5.2. 90-е гг.: кризис.....	128
§ 5.3. Перспективы трансформации кольцевых структур и региональная политика России	137
Выводы	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Проблемы пространственного (регионального) развития являются приоритетными для подавляющего большинства государств мира, особенно обширных по территории. Этим проблемам посвящено множество отечественных и зарубежных географических, экономических, социологических исследований, авторы которых не только описывают региональные различия, но и объясняют их на основе различных теорий и концепций пространственно-временной трансформации общества, каковых к настоящему времени предложено достаточно много. Большая часть этих теорий и концепций разрабатывалась в условиях индустриального общества, потребности которого они и призваны были обеспечивать. Невзирая на то, что изучение процессов пространственной самоорганизации общества проводилось и проводится представителями различных наук на протяжении всего XX в., перемены, происходившие и происходящие в обществе на рубеже веков и тысячелетий, требуют не только совершенствования старых теоретико-методологических подходов, но и создания новых.

Современный этап развития человечества характеризуется переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, от иерархических управляемых систем, в которых система взаимодействия и взаимосвязей была направлена «сверху вниз», к самоуправляющимся системам, формирующимся «снизу вверх». Но если идеология «управляемого мира» империй и «сфер влияния» разрабатывалась на протяжении практически всего XX в., то для «самоуправляющегося» (или, во всяком случае, стремящемуся быть таковым) мира XXI в., мира регионов, экономических союзов и «сетевой экономики», такая идеология находится ещё в стадии разработки. Но при разработке этой идеологии не следует упускать из виду пространственную составляющую общественного развития. К сожалению,

этой стороне развития уделялось и уделяется относительно мало внимания. Однако без выявления и анализа тенденций трансформаций пространственной структуры общества невозможно прогнозировать его дальнейшее развитие.

Целью исследования является разработка и апробация концепции кольцевых структур как одного из возможных теоретико-методологических подходов к исследованиям пространственной самоорганизации общества.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить теоретические основы и методологическую базу концепции кольцевых структур;
- 2) предложить методику анализа трансформации кольцевых структур;
- 3) выявить возможности применения концепции кольцевых структур на разных пространственных уровнях;
- 4) охарактеризовать особенности трансформации кольцевых структур на территории СССР и России;
- 5) дать прогноз развития кольцевых структур, сформировавшихся на территории России.

Объектом исследования является пространственная самоорганизация общества, рассматриваемая и как структура, и как процесс.

Предмет исследования – взаимодействия и взаимосвязи, которые, с одной стороны, определяют пространственную самоорганизацию общества, а с другой - определяются ею.

Научная новизна исследования: предлагается новая концепция пространственной самоорганизации общества - концепция кольцевых структур.

Теоретическая ценность: определяются теоретические основы и методологическая база концепции кольцевых структур, характеризуется их

состав, свойства и функции, предлагается методика исследования их состояния и развития.

Практическая значимость. Теоретико-методологические основы, а также методика исследований кольцевых структур, предлагаемые в диссертации, могут быть использованы государственными органами, экономическими структурами и общественно-политическими организациями. Кроме этого, материалы диссертационного исследования могут найти отражение в учебном процессе ВУЗов при изучении ряда предметов.

Апробация основных положений и выводов диссертации. Основные положения и выводы диссертационного исследования сообщались на XI съезде Русского географического общества (РГО) (Архангельск, 2000), заседаниях Отделения экономической и социальной географии РГО (С.-Петербург), а также конференциях и научных семинарах в Архангельске (1996), Воронеже (1998), Иркутске (1996, 1997, 2001), Курске (1999), Липецке (1997), Москве (2001), Нижнем Новгороде (1999), Орле (2001), Петрозаводске (1997), Пскове (1997, 1998, 1999, 2000, 2001), Саранске (2000), С.-Петербурге (1998, 1999, 2001, 2002), Смоленске (1996, 1998, 1999, 2000, 2001), Таллине (1998), Якутске (2001).

Глава 1. Пространственная самоорганизация общества: основные положения

§ 1.1. Взаимодействия и взаимосвязи в общественном развитии

Объектом исследований общественной (социально-экономической) географии являются пространственные закономерности развития общества. Такое понимание объекта исследований общественной географии опирается на предложенное А. Геттнером определение географического исследования как «пространственного познания земной поверхности» [42]. Полагаем, что пространственное познание земной поверхности заключается в изучении, во-первых, объектов, слагающих земную поверхность (или, в более современной терминологии – географическое пространство), и во-вторых, процессов, определяющих размещение этих объектов в пространстве, а также формирующих, и в то же время формируемых, системой взаимосвязей и взаимодействия между ними. «Процесс неотделим от движения, география же по своей сути призвана рассматривать процессы и формы их протекания с пространственной точки зрения» [159].

Пространственные закономерности общественного развития определяются двумя основными процессами – организации и самоорганизации. Трактовок этих понятий (организации и самоорганизации) множество (см., например, [155]). Более того, организация и самоорганизация могут рассматриваться не как два различных, пусть и взаимосвязанных, процесса, а как две стороны одного процесса. «Так как процесс организации и процесс самоорганизации происходят самопроизвольно и обусловлены имманентными свойствами системы ... для обозначения естественных антиэнтропийных процессор упорядочения, имеющих другую природу, чем процесс равновесной организации (например, кристаллизации), стал применяться термин самоорганизация. Здесь приставка само - одновременно подчёрки-

вает и имманентные причины явления и наличие различий природы неравновесного и равновесного упорядочения, связанных с активной или пассивной их ролью в становлении соответствующего порядка» [155, с. 65]. Исходя из этого определения, организация представляет собой деятельность системы, направленную на установление равновесного упорядочения, а самоорганизация – деятельность, направленную на неравновесное упорядочение. Но в случае общественного развития деятельность, направленная на достижение равновесного упорядочения, можно полагать лишь внешней по отношению к системе, особенно в современных условиях. Со времён Великой Французской революции 1789 г., провозгласившей лозунг «Свобода, равенство, братство», идеалом общества считается такое, в котором нет существенных различий между индивидуумами (равенство ли это в богатстве или в бедности). Процесс «стирания различий», таким образом, является процессом внешним по отношению к обществу, представляющим из себя сложную систему. Но сама эта система стремится к неравновесному состоянию, обеспечивающему возможность взаимодействия между его социально и пространственно различными частями, что и представляет собой процесс самоорганизации. Таким образом, в данном случае под самоорганизацией понимается развитие социальной системы вследствие внутренних по отношению к данной системе процессов, под организацией – внешних.

Такое определение в целом вполне соответствует положению, высказанному одним из основоположников синергетики – Г. Хакеном: «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную и функциональную структуру. Под специфическим воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системе структуру или функционирование. В случае же самоорганизации система испытывает неспецифическое воздействие» [184]. Определение процессов территориальной самоорганизации даёт Н.Б. Култашев: «Под территориальной самоорганизацией будем понимать процесс формирования территориальной структуры за счёт внутренних факторов системы без внешнего воздействия» [97]. В.Д. Сухоруков

высказывает следующее мнение: «В случае обычной организации система испытывает влияние внешних сил. В результате внутренних процессов образуется самопроизвольный порядок – самоорганизация» [175, с. 38].

Любые процессы, в том числе и процессы общественного развития, представляют собой взаимодействие определённых («простых») элементов и структур, из которых формируются новые элементы и структуры. Чередование периодов упорядоченности и хаоса свойственно временной структуре в пространстве и пространственной структуре – во времени. То, что упорядоченность и хаос во времени чередуются, очевидно. Примеры этому можно найти в истории любого государства. Но очевидно, что не существовало и не существует периодов «абсолютного хаоса» или «абсолютной упорядоченности». Порядок и хаос в общественном развитии представляют собой относительные категории, и отнести ту или иную эпоху ко времени хаоса или времени упорядоченности можно лишь сравнивая её с предшествующими или последующими периодами развития общества. То же относится и к определению хаоса и упорядоченности в пространстве – установить принадлежность части пространства к «зонам хаоса» или «зонам упорядоченности» можно лишь путём их сравнения. Но можно утверждать, что большая упорядоченность и предсказуемость присуща системам, развивающимся под воздействием процессов самоорганизации, а большая хаотичность и непредсказуемость – под воздействием процессов организации. «Особое значение при возникновении «порядка» из «хаоса» приобретают так называемые диссипативные (сильно неравновесные) структуры, которые только и существуют за счёт того, что соответствующие открытые системы диссипируют (рассеивают) непрерывно подводящую к ним энергию...Появление соответствующих вихревых структур определяет взаимную «информированность» этих элементов относительно друг друга в сложном распределении их движений как коллективного сообщества» [158]. Как это ни парадоксально, по мере выравнивания уровней регионального развития хаотичность в развитии мира в целом и его отдельных частей будет возрастать (свидетелями этого процесса мы сейчас являемся). «Для ответа на вопрос, по какому пути будет развиваться про-

цесс, надо иметь критерии самоорганизации... Более важным является сравнительный анализ относительной степени упорядоченности (или хаотичности) различных состояний рассматриваемой открытой системы.» [79]. Для выявления критериев самоорганизации можно принять определение А.И. Перельмана: «В общем случае самоорганизация тем выше, чем больше надо приложить усилий для ... нарушения обратных связей» [130].

Таким образом, для временного развития общества свойственно сочетание процессов организации и самоорганизации, которое приводит к цикличности процесса развития. Но, наряду со свойством цикличности, время обладает и ещё одним важнейшим свойством – линейности, или необратимости. «Ныне мы знаем, что необратимость приводит к огромному множеству новых явлений, ... каждое из которых иллюстрирует конструктивную роль стрелы времени» [135]. Иными словами, если «вертикальная» проекция процесса временного развития общества будет представлять собой ломаную или кривую, то «горизонтальная» (если только можно представить себе наблюдателя при «начале» или «конце» времён) – спираль с изменяющимся диаметром. Такое представление о процессе общественного развития сходно с понятием об эволюции развития, предлагаемым Н.С. Мироненко: «Мы будем использовать понятие эволюции как поступательной траектории мирового развития и цикличности как повторяющихся фаз подъёма и спада на траектории эволюции...» [114]. Учитывая неразрывность пространства-времени, можно утверждать, что подобная структура должна быть свойственна не только временному, но и пространственному развитию общества. «...Под пространством в философии понимается всеобщая форма бытия материи, неотделимая от другой формы – времени...» [44]. Проекция спирали на плоскость представляет собой либо кольцо (в случае, если все витки спирали одинаковы), либо сочетание колец (в случае, если витки спирали различаются между собой по диаметру и протяжённости). Прямую аналогию между временными и пространственными структурами провести достаточно сложно. «В науках о Земле ... проблема пространства-времени – это в первую очередь хронологическая оценка осуществления каких-либо ... процессов, происходящих в разных частях

пространства» [163]. Тем не менее можно утверждать, что циклическим структурам во времени соответствуют кольцевые структуры в пространстве. Применение в данном случае термина «структура» определяется тем, что это понятие более широкое, чем понятие «система». «Под системой понимается обычно взаимообусловленная совокупность элементов, возникающая благодаря определённому типу взаимодействия её частей... Структура в широком смысле – дифференцированность, расчленённость, разнородность целого» [72, с. 86]. По мнению Б.Б. Родомана, «Территориальной структурой следует называть множество материальных элементов, обладающими в любой момент времени определёнными горизонтальными и географическими и геодезическими комбинациями» [148, с. 114]. Несколько иначе трактуют понятие «структура» А.М. Трофимов, А.И. Чистобаев и М.Д. Шарыгин: «Суть понятия структура – в самом общем виде под структурой понимается совокупность устойчивых связей и отношений объектов, обеспечивающих их целостность» [178, с. 15], но и в случае принятия этой трактовки использование термина «кольцевая структура» предпочтительнее, чем «кольцевая система».

Ввиду того, что поверхность земной суши, пределами которой до настоящего времени ограничивается расселение человечества, отнюдь не является однородной, на формирование и развитие этих структур большое и даже во многих случаях определяющее влияние оказывают природные условия. «Не определяя истории развития человеческого общества в целом, естественные законы и природные условия в ряде случаев... играют решающую роль, определяя возможность конкретных взаимодействий между обществом и природой» [9, с. 64]. Контуры кольцевых структур, размеры и границы «зон упорядоченности» и «зон хаоса» связаны как с расположением природных объектов, ограничивающих или определяющих возможности расселения, так и с объёмом природных ресурсов и ресурсов, необходимых для обеспечения существования данной структуры и поддержания в ней процессов самоорганизации. Объём (особенно удельный объём) ресурсов определяет, во-первых, размеры кольцевой структуры, а во-вторых, соотношение в её пределах зон упорядоченности и зон хаоса. Зоны хаоса

являются производителями ресурсов, которые потребляются в зонах упорядоченности. Чем меньше удельный объём ресурсов, тем больше зоны хаоса и меньше – зоны упорядоченности. В целом зоны упорядоченности и зоны хаоса можно выделить, исходя из достигнутого ими уровня развития. «...Основным предметом внимания при анализе территориальной дифференциации экономических явлений является дифференциация уровней развития, т.е. по существу пространственный аспект эволюции технологической цивилизации...» [12, с. 36]. Но эволюция технологической цивилизации заключается в сменах этапов цивилизационного развития – от присваивающего хозяйства к производящему, от аграрных цивилизаций к торговым, от торговых к индустриальным, от индустриальных к постиндустриальным.

Переход от одного этапа цивилизационного развития к другому заключается в том, что в размещении населения всё меньшее значение имеют природно-ресурсные факторы и всё большее – общественно-географические (ресурсный фактор замещается коммуникационным, или фактором общественного взаимодействия). Таким образом, чем выше зависимость пространственной структуры общества от размещения природных ресурсов, тем выше уровень хаотичности, и по мере преодоления, снижения этой зависимости возрастает уровень упорядоченности. «Зоны упорядоченности» и «зоны хаоса» в нашем понимании близки к строго- и слабоорганизованным пространствам, различия между которыми Е.Е. Лейзерович определяет так: «К строгоорганизованным пространствам могут быть отнесены ... территории, ... когда они подверглись настолько сильному антропогенному воздействию, что стали практически представлять собой искусственную среду обитания населения, или в том случае, когда они ... строго охраняются от стихийного антропогенного воздействия. ... Слабоорганизованные пространства ... тихо «дремлют» вместе с расположенными в их границах ресурсами или без таковых, ожидая своего будущего» [105, с. 67,70].

Развитие кольцевой структуры зависит также от разнообразия используемых ресурсов. Чем больше видов ресурсов, тем более устойчивый

характер имеет кольцевая структура. Объяснение этому представляется следующим. Если используется один вид ресурсов или небольшое их количество, то число их сочетаний невелико, и они используются в процессах общественного развития без остатка, после чего структура утрачивает динамику, становится стационарной и постепенно разрушается. Взамен её может формироваться новая кольцевая структура, с существенно иным расположением зон хаоса и зон упорядоченности, при этом составные части бывших кольцевых структур могут в том или ином виде интегрироваться в состав новых. Примером такого развития событий могут служить древние цивилизации Средиземноморья. Ресурсы, которые использовались всеми этими цивилизациями (египетской, финикийской, критской, греческой, карфагенской, римской) были в принципе одинаковыми, вследствие чего эти цивилизации одна за другой приходили в состояние упадка. По мере истощения ресурсов Западного Средиземноморья центры кольцевых структур смещались на восток, и борьбу Рима и Карфагена можно рассматривать как борьбу за освоение ещё не «вовлечённых в оборот» территорий Восточного Средиземноморья. Римская цивилизация в поисках новых ресурсов перешагнула рубежи Средиземноморского региона. Но с исчерпанием требуемых Риму видов ресурсов на тех территориях, до которых он мог «дотянуться», римская цивилизация рухнула.

В случае, если видов ресурсов много, то в ходе реакции они соединяются в различных сочетаниях, и по мере исчерпания одних ресурсов формируются другие, используемые в процессе дальнейшего развития. В качестве примера такой структуры можно привести русскую цивилизацию, которая по мере своего территориального роста использовала новые ресурсы роста, приобретала новые черты и формировала новые системы взаимодействия (кольцевые структуры). Простейшим примером этого является отсутствие в Северной и Азиатской России крепостного права, характерного для Центральной части страны. К сожалению, в XX в. в нашей стране предпринимается попытка «унификации» системы социально-

экономического взаимодействия, с распространением её по всей территории государства, что в целом закончилось неудачей.

Определить, что же такое взаимосвязи и взаимодействие, достаточно сложно. Н.С. Мироненко характеризует мировое хозяйство как мировую систему, отражающую всемирную взаимосвязь, в первую очередь экономическую [114, с. 24]. В.М. Четыркин ещё в 1957 г. писал, характеризуя проблемы развития экономических районов – «комплексов», по его определению: «...Представляя собой определённую форму движения материи, комплекс, разумеется, претерпевает непрерывные изменения... Но их надо искать в изменении и функциях отношений между всеми компонентами, находящимися в закономерно изменяющихся причинных связях между собой и с внешними условиями...» [186]. В то же время Сунь Цзин Чжи, один из ведущих географов КНР того времени, утверждал, что «...исследование какого-либо района имеет целью ... изучить рациональность взаимодействия всех производительных сил...» [173, с. 25]. Однако если в 50-е гг. проблемы взаимодействия рассматривали только в приложении к экономическим явлениям, то к 80-м гг. отношения (а не только объекты как таковые) стали признаваться важными и в социально-географических исследованиях. Н.А. Аитов выделял регион как «социально-территориальную общность, характеризующуюся локализацией ... общественных отношений...» [5]. По мнению А.Ф. Асланикашвили, «...Предметом географической науки является универсальный процесс пространственных отношений универсальных явлений обмена энергией, веществом и информацией...» [13], т.е. взаимодействие между географическими объектами.

А.М. Трофимов, А.И. Чистобаев и М.Д. Шарыгин полагают, что «Основной задачей современной географии состоит в обеспечении комплексного подхода к исследованию процесса взаимодействия общества и природы ... в пространственном аспекте» [177, с. 11]. В.Д. Сухоруков утверждает, что «...цивилизация образуется совокупностью компонентов и

компонентных связей, сбалансированных в пространственной суперпозиции в виде особой организации...» [174]. Э.Б. Алаев характеризует воздействие и взаимодействие следующим образом: «Воздействие – явление, когда изменение (движение) одного объекта вызывает изменение (движение) другого объекта; чаще всего это влияние бывает взаимным (изменяемый объект, характер его изменения воздействуют на изменяющий объект). В таких случаях говорят о взаимодействии» [8]. Иногда понятие взаимодействия заменяется понятием коммуникации. В.Д. Сухоруков [175] утверждает следующее: «Социально-экономическая коммуникация представляет собой движение знаний, идей, волевых устремлений, а также энергии и материальных объектов в геопространстве. Тем самым социально-экономическая коммуникация представляет собой разновидность взаимодействия геопространственных компонентов» (с. 85). Однако исходя из предлагаемого В.Д. Сухоруковым определения социально-экономической коммуникации явствует, что это понятие представляет собой синоним понятия взаимодействия, поскольку в ходе коммуникации осуществляется движение информации («знаний, идей, волевых устремлений»), энергии и вещества. Но важна не только сама система взаимодействия, но и то, с какой скоростью происходят «реакции взаимодействия». По мнению Г.А. Гольца, «Взаимная сопряжённость разнородных процессов, протекающих на конкретных территориях, обусловлена не только вещественно – информационным обменом и последовательностью... , но и их скоростью по отношению друг к другу» [48, с. 37]. Большое значение изучению пространственного взаимодействия придаёт не только отечественная, но и зарубежная географическая наука. Однако направления исследований пространственных взаимодействий, разрабатываемые зарубежными учёными, иногда кажутся неожиданными – например, вопрос о взаимоотношениях полов применительно к географии. Так, Д. Белл утверждает, что пришло время задуматься о значении секса, потому что пространственная политика все-

гда отражает отношения полов, и в тоже время политика в отношении полов всегда связана с пространством [196].

Исходя из приведённых выше определений, можно утверждать, что *общественное взаимодействие в пространстве представляет собой процесс формирования системы взаимной зависимости общества и создаваемых им объектов, а также отношений между ними*. Пространство и время в данном случае рассматриваются как преимущественно как относительное, а не как абсолютные измерения, т.е. оценивается главным образом использование ресурсов абсолютных пространства и времени, зависящее от культурной, идеологической, технологической и социологической организации [210].

Исходя из предлагаемого А.Ф. Асланикашвили определения предмета познания географической науки, как “...отношения отношений, протекающих в ландшафтной оболочке Земли повседневно и постоянно...” [13], можно утверждать, что взаимодействие, понимаемое как процесс формирования системы взаимозависимостей, и представляет собой “отношение отношений”, имеющее явно выраженную пространственную локализацию. Л.Н. Кудряшова и О.Ф. Тихомиров трактуют объект географии следующим образом: «Объектом физической географии можно рассматривать собственно биосферу как взаимодействие живой и косной материи..., объектом экономической географии – ноосферу как взаимодействие человеческого общества и созданной им материальной культуры, а объектом синтезированной, или общественной географии – взаимодействие нооэко-системы и геоэко-системы...» [98, с. 45].

Исходя из всего вышеизложенного, можно предложить следующее определение кольцевой структуры: *кольцевая структура - пространственное образование, с одной стороны, формируемое общественным взаимодействием, а с другой стороны, формирующее его. Кольцевые структуры высших пространственных уровней представляют собой цельные образования, но при этом они состоят из кольцевых структур*

более низких уровней, причём кольцевая структура более высокого уровня представляет собой среду для входящих в неё структур более низкого уровня.

Кольцевая структура является одной из разновидностей территориальных структур. Э.Б. Алаев утверждает, что «В принципе территориальных структур может быть много. Поиск территориальных структур – одна из задач современной географии» [8, с. 62 - 63]. Сама же территориальная структура, исходя из предлагаемого Э.Б. Алаевым определения, есть совокупность таких связей и между такими элементами, где обязательным условием их (связей) реализации является преодоления пространства (геопространства) [8, с. 62]. При этом границы территориальных структур не совпадают с административными границами. «В большинстве случаев границы устойчивых социально-экономических образований – экономических зон и районов территориально не совпадают с границами пространственного распространения социально-экономических ситуаций соответствующего масштаба» [139, с. 33]. А.М. Трофимов, А.И. Чистобаев и М.Д. Шарыгин утверждают, что «Территориальная структура как пространственная форма ... есть результат самоорганизации элементов и подсистем территориальных систем...» [177, с. 1].

Исследования подобного рода в последние десятилетия ведутся в рамках относительно нового научного направления – синергетики. «Термин «синергетика» получил достаточно широкое признание и распространение как некоторое общее название для междисциплинарной области, занимающейся изучением появления и развития упорядоченных во времени или в пространстве (или и то и другое вместе) процессов или структур..» [74]. Значение синергетических подходов к настоящему времени переросло рамки тех наук и научных дисциплин, где синергетика возникла первоначально и где были сформулированы её основные положения. «Философия синергетики выходит далеко за рамки приложений в физике и химии. Куда течёт история? ...Как экономически и политически правильно объе-

динять различные регионы? Какая доля хаоса и какая доля внешнего управления необходимы для устойчивого развития социальных организаций?... Синергетика даёт общее понимание характера эволюции социальных организаций, взгляд на историю и вероятные сценарии будущего развития...» [80, с. 59 - 60].

Синергетические подходы во всем мире, в том числе и в нашей стране, использовались и используются для анализа развития социальных и экономических процессов [30]. В.В. Василькова утверждает: «...В модели, которую упорно поддерживаем мы, основной акцент делается на процессах самоорганизации...» [30]. Л.М. Синцеров полагает, что «...Самоорганизация пространства – важнейший фактор международного географического разделения труда...» [165]. Но одним из недостаточно развитых в общественных науках, в т.ч. и в общественной географии, положений синергетики является положение о «следах прошлого, которые готовят будущее»: «Куда ни посмотри на окружающую нас среду..., мы всюду обнаруживаем следы прошлого. Эти следы отнюдь не являются чем-то вроде окаменелостей; напротив, они активно готовят ещё предстоящую историю...» [124, с. 48]. Можно утверждать, что «следы прошлого» представляют собой часть исходных условий развития, значение которых оценивается в последнее время очень высоко. По мнению К. Кенни, богатство и темпы экономического развития страны более определены начальными условиями, чем политикой [211]. Синергетика в данном случае не противопоставляется системному подходу, а дополняет его. «...Если системный подход делает акцент на вопросах целостности системы, то синергетику ... интересует эволюция этой целостности» [30, с. 188].

Использование синергетических концепций и подходов для анализа общественных явлений (развития идеального города) позволило уже на начальных этапах развития синергетики прийти к следующим выводам: «...Если в начальном состоянии переменные распределены в пространстве случайным образом, то постепенно наблюдается возникновение некоторой

организованной картины...Это спонтанное нарушение симметрии очень похоже на образование пространственных структур в гидродинамике и химической кинетике...» [124]. Эта цитата приведена здесь, во-первых, потому, что признаётся возможность применения синергетических подходов при исследованиях территориальной структуры общества (а в данном случае речь идёт именно о территориальной структуре), а во-вторых, выявляется принципиальное сходство процессов развития территориальной структуры общества и более простых структур, формирующихся в ходе гидродинамических и химических процессов. Но из вышесказанного не стоит делать вывод о том, что в исследованиях проблем самоорганизации вовсе игнорируются различия между неорганическими, биологическими и общественными структурами. «Сравним, например, кристалл и город. Кристалл – структура равновесная, которая может сохраняться и в вакууме, но если мы изолируем город, то он умрёт потому, что его структура зависит от его функционирования. Функция и структура неразделимы в том, что структура выражает взаимодействия города с окружающей средой» [135].

Может возникнуть вопрос - а каковы, собственно, процессы, формирующие гидродинамические и химические системы и обнаруживающие сходство с пространственными общественными системами? Безусловно, химические либо любые другие процессы проще, чем процессы общественного развития, но по аналогии с ними (с достаточно высокой долей условности, конечно же) можно описывать и анализировать процессы территориальной организации общества. Остановимся на одном из химических процессов самоорганизации - широко известной и часто упоминаемой в синергетических исследованиях химической реакции Белоусова - Жаботинского (реакции БЖ, или РБЖ). Некоторыми исследователями эта реакция называется реакцией Жаботинского, или процессом Жаботинского [167].

В этой реакции используются простые вещества, и в случае, если реакция БЖ протекает без перемешивания, формируются пространственные неоднородности, заключающиеся в регулярных пространственно-временных картинах в виде распространяющихся волновых фронтов. Волны бывают двух разных видов: кольцевые фронты, имеющие почти цилиндрическую симметрию относительно оси, перпендикулярной плоскости слоя, и напоминающие мишень для пулевой стрельбы, и спиральные фронты, вращающиеся в пространстве по или против часовой стрелки; можно также получить и многозаходные спирали. [124]. Таким образом, в ходе реакции БЖ происходит “самоорганизация пространства”, процесс которой продолжается до тех пор, пока сохраняются любые, самые небольшие количества исходных элементов. Однако следует отметить, что форма пространственных структур, формируемых в результате реакции БЖ, при сохранении ряда общих свойств может изменяться в зависимости от действия ряда факторов, в том числе и исходной концентрации веществ [167]. Зависимость реакции БЖ от различных факторов и условий подробнейшим образом была изучена К. Видалем [37]. Но процесс самоорганизации, так же, как и процесс организации, представляет собой работу, на которую должно расходоваться определённое количество энергии. Эта энергия образуется в ходе самой реакции двумя путями: путём прямого автокатализа, которые собственно и обеспечивает системе возможность самовоспроизводства, и путём гетерогенного катализа, приводящего к тому, что некоторые стадии процесса протекают с выделением энергии (экзотермические реакции). Высвобождение энергии способствует, во-первых, продолжению реакции самоорганизации, а во-вторых, приводит к нагреванию среды, что, в свою очередь, позволяет обеспечить поступление в систему дополнительной энергии, приводящей к ускорению реакции, и т.д. “...Вырисовывается потенциально дестабилизирующая конструкция, способная индуцировать переходы к новым типам поведения...” [124, с. 34].

Реакция Белоусова - Жаботинского выбрана нами в качестве примера самоорганизующихся систем просто потому, что в ходе её образуется легко выявляемая и описываемая пространственная структура. Но таких примеров можно привести множество. Следует отметить то обстоятельство, что полной аналогии между процессами формирования пространственных структур в ходе реакции БЖ и гораздо более сложными процессами трансформации территориальной организации общества не прослеживается. Реакция БЖ протекает в относительно однородной лабораторной среде, что в случае общества вообще невозможно. Характер территориальной организации общества во многом определяется природными условиями, воздействие которых не будет преодолено никогда. Это положение представляется крайне важным, в частности, для формирования территориальной структуры общества. В этом случае формирование пространственной структуры общества может проходить по разным сценариям, зависящим в первую очередь от природных условий территории, ибо именно они «приготавливают начальное состояние».

В данном случае большое значение приобретает понятие о межфазных границах - образованиях, формирующихся там, где обмен веществом и энергией осуществляется в неравновесных условиях. В случае территориальной организации общества можно утверждать, что границы между различными территориальными общностями людей будут отличаться от самих этих общностей по уровню освоенности, специфике хозяйственной деятельности и т.д. Очень большое значение имеет также характер взаимодействия фаз между собой. Трансформация пространственной картины определяется существованием межфазных границ, характер этих границ и их действие определяется сопряжением свойств и структуры граничащих фаз, и сами эти границы представляют собой неравновесное состояние вещества.

Неравновесие же это, как можно предполагать, возникает как результат чередования свойств или структур одной из граничащих фаз, при-

чём это чередование определяется флуктуационными, случайными, событиями. Наложение флуктуаций, способствующих преобладанию одной из фаз, приводит к тому, что межфазная граница либо прекращает своё существование вообще, либо смещается.

Но исследования подобного рода, использующие общие подходы и принципы синергетики, несомненно являются географическими. Это можно утверждать, опираясь на предлагаемые Э.Л. Файбусовичем критерии географичности исследований. Первым критерием является нахождение объекта в пределах географической оболочки, вторым – достаточно большие размеры и связанная с этим его абсолютная или относительная непремещаемость, третий критерий – преимущественный интерес к современности при обязательности генетического подхода, четвёртый критерий – различия от места к месту, пространственная дифференциация «по горизонтали», пятый критерий – различия от места к месту должны носить не случайный характер, а определяться условиями данного места; и шестой – пространственное совмещение в пределах какой-либо части трёхмерного пространства эпигеосферы более или менее гетерогенных объектов, образующих сочетания, комплексы, системы [180].

Изучение процессов пространственной самоорганизации общества позволяет объяснить многие особенности общественного развития, которые до этого объяснению поддавались с трудом. К таким особенностям относится, например, «феномен» сохранения региональных различий, невзирая на все попытки его ликвидации. Так, невзирая на все успехи, достигнутые нашей страной на протяжении XX в., сохраняется в целом устойчивым разрыв по уровню благосостояния между Россией и США. Данные С. Прокоповича свидетельствуют о том, что в 1900 г. народный доход на душу населения в США составлял 420,5 рублей, а в Европейской России 67,2 рубля, в 1913 г. – 511,1 и 78,7 руб. соответственно [137, с. 42]. Согласно сведениям, приводимым Н.Н. Баранским, национальный доход на 1 человека в 1913 г. в Соединённых Штатах составлял 680,2 золотых рублей, а в

России 101,4 золотых рублей [15]. По утверждению Л.Д. Троцкого, национальный доход в Советском Союзе в 1923 – 24 гг. составлял около 100 рублей, а в Соединённых Штатах 550 руб., причём иностранные источники давали для США душевую цифру национального дохода не в 550, а в 1000 руб. [179, с. 34]. В конце 90-х гг. валовый внутренний продукт на душу населения в США составлял 27590 долларов, а в России – 4280 долларов.

§ 1.2. Кольцевые структуры: развитие, свойства и функции

Одним из определений территориальной структуры, предлагаемых Э.Б. Алаевым, является следующее: «...это членение географического образования (страны, пространства, района) ... на пространственно чётко выраженные элементы, каждый из которых выполняет определённую функцию в развитии данного географического образования, и эта функция в той или иной степени связана с географическим положением элемента на исследуемой территории...» [8, с. 62]. Из того, что данное определение относится ко всем территориальным структурам, частный случай которых представляют собой кольцевые структуры, явствует, что кольцевым структурам должно быть присуще деление на «пространственно чётко выраженные элементы».

Зоны упорядоченности, или активные зоны, располагаются в центре (центральные активные зоны, ЦАЗ) и на окраинах кольцевых структур (краевые активные зоны, КАЗ). Взаимодействие между ЦАЗ и КАЗ обеспечивается за счёт радиальных активных зон (РАЗ). Зоны хаоса, или пассивные зоны, служащие источником ресурсов для развития активных зон, располагаются, во-первых, в пространстве, разделяющем ЦАЗ и КАЗ, будучи, в свою очередь, разделёнными РАЗ на отдельные сектора, и во-вторых, отделяют одну кольцевую структуру от другой. «Зоны хаоса», расположенные между ЦАЗ и КАЗ, представляют собой внутренние пас-

сивные зоны (ВнПЗ). Аналогичные зоны, отделяющие одну кольцевую структуру от другой, являются внешними пассивными зонами (ВшПЗ).

Центральная активная зона (ЦАЗ) представляет собой организующий центр кольцевой структуры, её наиболее развитую часть, где “реакция взаимодействия” происходит с наибольшей силой. Эти реакции являются автокаталитическими, они используют ресурсы внутренних пассивных зоны, частично потребляют, а частично трансформируют их, образуя принципиально новые виды ресурсов, и через радиальные активные зоны (РАЗ) передают их краевым активным зонам (КАЗ). Можно утверждать, что центральные активные зоны представляют собой процессоры. Термин «процессор», предлагавшийся Э.Б. Алаевым и в географии так и не прижившийся, обозначает основную часть системы, перерабатывающую ресурс в продукт и одновременно воспроизводящую всю систему в ходе её функционирования [8].

Краевая активная зона (КАЗ) - окраинная часть кольцевой структуры, где уровень связей соответствует преобладающей на данный момент времени стадии цивилизационного процесса. Реакции, происходящие в пределах краевых активных зон, потребляют ресурсы, но сами эти зоны в отличие от центральных активных зон, требуют привлечения вещества и энергии извне. Краевая активная зона может иметь значительную протяжённость, и её отдельные части могут существенным образом отличаться друг от друга по уровню развития и насыщенности связями. В этом случае можно говорить о *сегментах* краевой активной зоны. Краевые активные зоны представляют собой зоны контакта, в которых, согласно Э.Б. Алаеву, проявляется действие закона контактного взаимодействия (правда, следует отметить, что бесконтактное взаимодействие вряд ли возможно). Сам же закон контактного взаимодействия сводится к следующему: интенсивность взаимодействия (взаимовлияния) тел, будучи наиболее высокой в зоне непосредственного их контакта, понижается с увеличением расстояния между ними [8]. Повышение уровня социально-экономического развития на

границах кольцевой структуры и формирование тем самым краевых активных зон можно связать с известным биологам «эффектом краевых границ». «...Чем больше территорий с разными характеристиками включает данный географический контур, чем многообразнее условия внутри него - тем плотнее его пространственно-временная структура, тем выше его ёмкость...» [28]. «Принято считать, что именно маргинальные зоны несовпадения природных, экономических, этнокультурных, информационных и других полей служат источником энергетических импульсов» [44, с. 52].

Уровень развития **радиальных активных зон (РАЗ)** близок к уровню краевых активных зон. Если для краевых активных зон свойственно стремление к перемещению вовне, то для радиальных активных зон - к спиральному вращению, сопряжённому с движением краевых активных зон. Радиальные активные зоны служат для перемещения ресурсов между центральной и краевой активными зонами. По радиальным активным зонам перемещаются мобили, которые, по Э.Б. Алаеву, представляют собой «подвижный, перемещающийся по поверхности Земли объект (вещество, энергия, информация...)...» [8, с. 54]. Радиальные активные зоны сходны с «экономическими линиями» Г.М. Лаппо. «Экономические линии являются трассами повышенной плотности связей, концентрации взаимодействий как находящихся в них центров, так и лежащих по обе стороны от экономических линий территорий» [104, с. 362].

Пассивные зоны, как внутренние (ВнПЗ), так и внешние (ВшПЗ), представляют собой источник ресурсов для развития активных зон. Развитие пространств, входящих в состав пассивных зон, осуществляется лишь вследствие воздействия со стороны активных зон.

Положение региона в составе соответствующей кольцевой структуры определяется уровнем его социально-экономического развития, но отнесение территории к активным или пассивным зонам определяется главным образом не абсолютными, а относительными показателями. Пояснить это положение можно на примере из физической географии. Течение отно-

сится к тёплым или холодным, исходя из того, как соотносится его температура с температурой вод, чем которые оно протекает. Холодное Перуанское течение у берегов Южной Америки теплее тёплого Гольфстрима у берегов Скандинавии.

Кольцевые структуры формируются и развиваются под воздействием процессов самоорганизации. «...И в среде плазмы, и в живом веществе, и на поле человеческого сознания, и в теле культуры или в среде научного сообщества есть свои внутренние тенденции, стремления или предпочтения. И лишено смысла им противиться...» [80]. Процессы организации при этом могут как способствовать развитию кольцевых структур, так и препятствовать ему. В случае, если процессы организации препятствуют развитию кольцевых структур, пространственная структура общества может остаться на нуклеарной или линейной стадиях развития. Более того, под воздействием процессов организации уже существующая кольцевая структура может распасться на отдельные части. Но следует отметить, что при соответствующих условиях эти части вновь могут соединиться в кольцевые структуры (в этом проявляется действие одного из основных положений синергетики о «остатках прошлого, которые активно готовят ещё предстоящую историю»).

Последовательность формирования кольцевых структур представляется следующей. На начальной стадии формируются линейные системы взаимодействия, число которых постепенно увеличивается. Эти линейные системы представляют собой будущие либо краевые (в случае, если они оконтуривают территорию, на которой формируется кольцевая структура), либо радиальные (если они расходятся от уже существующего центра) активные зоны. В случае, если на первой стадии формировались краевые активные зоны, на второй стадии формируются радиальные активные зоны. Если же началом развития кольцевой структуры стало формирование радиальных активных зон, то на второй стадии образуются краевые активные зоны. В первом случае при пересечении радиальных активных зон начина-

ется формирование центральной активной зоны; во втором случае центральная активная зона формируется изначально. Следует отметить, что возможны варианты развития, при которых центральная активная зона не формируется, а её функции выполняет краевая активная зона или её часть.

Дальнейшее развитие как в первом, так и во втором случае происходит за счёт смещения вовне краевых активных зон, которым для роста постоянно требуется приток ресурсов. Но в движение вовне вовлекается не только внешняя, но и внутренняя граница краевой активной зоны. Смещение внутренней границы краевой активной зоны вслед за продвижением внешней приводит к расширению внутренней пассивной зоны. Другими словами, если продвижение вовне внешней границы краевой активной зоны приводит к переходу вовлекаемых ею территорий на более высокую стадию социально-экономического развития, то аналогичное продвижение внутренней границы приводит к стагнации и даже деградации оставляемых ею территорий. С поглощением внешней пассивной зоны возможности краевых активных зон к движению вовне оказываются исчерпанными. Прекращение роста приводит первоначально к усилению объёма и мощности связей внутри уже сформировавшихся сегментов краевой активной зоны, затем – их расширению в круговом направлении, а позднее, возможно, смещению в том же направлении, приводящему к одновременному смещению радиальных активных зон и связанному с необходимостью изыскания новых источников ресурсов происходящему вслед за вращательным движением краевой активной зоны. При этом инновационные импульсы поступают как через центральную, так и через краевые активные зоны – центр выполняет главным образом координирующие функции. Правда, следует отметить, что использование новых пространственных ресурсов начинается лишь в том случае, если общество осознаёт свою потребность в них и способно их усвоить. Если же цивилизация переживает своё время, то сформированная ею кольцевая структура распадается. Примеры этого – римская цивилизация, включавшая в свой состав всё Средиземноморье, и

«скандинавская цивилизация», началом которой можно считать VII – VIII вв. н.э., а концом – шведскую «Балтийскую империю» XVII в. Если пример история Древнего Рима хорошо известна, то история «цивилизации викингов», испытывавшая постоянное стремление к формированию кольцевых структур (на начальных этапах – побережья Северного моря, позднее – Балтийского моря), известна меньше. На всём протяжении своего существования как римская, так и скандинавская цивилизация не вышли из «присваивающей» стадии ресурсного развития, что и явилось одной из основных причин их распада. Но распад кольцевых структур представляет собой скорее исключение, чем правило – они расширяются, меняется соотношение их отдельных частей, но сами структуры сохраняются (так, Западно-Европейская и Восточно-Европейская кольцевые структуры, о которых речь пойдёт ниже, начали формироваться в начале второго тысячелетия нашей эры, Пиренейская – в середине второго тысячелетия). Чем выше уровень различий между активными и пассивными зонами, чем активнее происходит процесс взаимодействия между ними.

Но это вовсе не означает, что надо стремиться не к преодолению, а к консервации региональных различий. Процесс пространственного взаимодействия, а следовательно – и развития общества, может прекратиться не только вследствие выравнивания, но и слишком большого расхождения уровней развития. Если «общественный ландшафт» представляет собой однородную поверхность, то взаимодействие между его частями не может осуществляться (взаимодействовать нечему и незачем). Но оно не может осуществляться и в случае, если этот ландшафт разделён пропастями. «...Следует различать норму и аномалию процесса территориальной дифференциации, хотя и не совсем понятно, что считать границей между ними» [18].

§ 1.3. Основные теоретико-методологические подходы к исследованиям пространственной самоорганизации общества

В отечественных общественно-географических исследованиях до недавнего времени интерес к пространственным закономерностям развития общества был невысок. «Анализ различий в развитии регионов страны остаётся на сегодняшний день одним из малоисследованных вопросов» [26, с. 32]. В конце советского периода нашей истории констатировалось, что «...стратегия территориального развития современного советского общества проработана ещё хуже, чем общая концепция экономического и социального развития страны как целого...» [53, с. 8]. Хочется отметить, что в 90-е гг. положение не улучшилось, поскольку отсутствие стратегии развития России как целого определяет и отсутствие стратегических программ развития её регионов.

По мнению В.М. Котлякова и В.С. Преображенского, «...Особенно заметна ограниченность теоретического наследия в области общественной географии, отсутствие в ней ... ярких общих концепций» [91, с. 5]. Слабое развитие теоретико-методологического аппарата современной социально-экономической географии привело к тому, что она всё более теряет свои позиции. «География почти не участвует в анализе макропроцессов мир-системного развития, так как находится в определённом концептуальном вакууме, связанным с дефицитом комплексных ориентиров, отражающих натиск времени» [175]. Упадок отечественной социально-экономической географии привёл к тяжёлым последствиям. «В 90-е гг. в отечественной социально-экономической географии сложилась парадоксальная ситуация. Настало время, когда органы ... управления и власти не имеют ... теоретического и методологического обеспечения своей деятельности, а экономико-географы ... оказались в стороне от реального дела» [57, с. 38]. Резкое снижение значения экономической географии в нашей стране определялось двумя основными причинами.

Во-первых, утверждалось, что никаких пространственных закономерностей развития общества, для объяснения которых требуется создание

экономико-географических теорий, не существует. Даже в столь фундаментальном и передовом для своего времени труде, как «Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь» Э.Б. Алаева (2-е изд., 1983 г.), утверждается, что в «качестве основного механизма функционирования этих структур и систем (структур и систем пространственной организации элементов производства – прим. авт.) выступают господствующие производственные отношения...» [8, с. 32]. Из данного определения явствует, что в случае смены господствующих производственных отношений меняются и механизмы функционирования пространственной организации элементов производства. Но это, очевидно, не совсем так – как бы не менялись господствующие производственные отношения, на пространственной организации элементов производства это сказывается слабо. Во всяком случае, продолжается сосуществование этих элементов, созданных при господстве разных производственных отношений. В период расцвета советской социально-экономической географии во второй половине 50-х гг. В.А. Анучин утверждал, что «Размещение общественного производства представляет собой вечный процесс, неизбежный при любом способе производства» [10, с. 198]. В начале 90-х гг. примерно то же положение было определено следующим образом: «Необходимо признать, что принципиальное сходство в строении производительных сил порождает подобие пространственных процессов» [53, с. 5]. Однако признание сходства процессов формирования пространственной структуры общества в условиях социализма и капитализма происходило с большим трудом. В первые послевоенные годы теоретический опыт западной географии попросту отменялся. В одной из статей первой половины 50-х гг. с любопытным названием «Империалистические концепции современной американской лжегеографии» утверждалось следующее: «...В борьбе за мировое господство роль служанки агрессивной политики правящих кругов США выполняет лжегеография и её агрессивное направление – геополитика...» [110, с. 37]. В 60-е – 80-е гг. в нашей стране издавались труды зарубежных учёных, в которых анализировались процессы пространственного развития общества, но предполагалось, что в нашей стране выявлен-

ные зарубежными учёными закономерности не действуют, а пространственное развитие происходит по законам плановой экономики.

Во-вторых, внимание проблемам пространственной самоорганизации общества (там, где роль географии могла бы быть главной) уделялось явно недостаточно. Активно исследовались процессы организации, сводившиеся в сущности к освоению новых территорий. Но здесь социально-экономическая география резко «проигрывала» региональной экономике, представители которой с гораздо большим успехом могли рассчитать глубоко экономические последствия тех или иных решений. В.А. Анучин уже во второй половине 50-х гг. констатировал, что «часть экономико-географов, считающих себя таковыми, в действительности занята изучением не географии, а экономики ... Они делают полезное дело, но имеющее к географии лишь косвенное отношение» [9, с. 62].

Однако вряд ли есть основания для столь пессимистических выводов, как те, к которым приходят И.Г. Черванёв (по мнению И.Г. Черванёва, ситуация, сложившаяся в современной географии, не соответствует статусу фундаментальной науки, т.к. она исследует не законы, а природные объекты и мировое хозяйство [185]), и А.С. Эпштейн («Вот уже два десятилетия, как Россия живёт в условиях, когда экономическая география как наука перестала в ней существовать, не успев до этого стать настоящей наукой» [191, с. 8]). География ещё далеко не исчерпала возможности своего развития, подтверждением чему является восстановление её значения в других развитых странах.

На Западе постепенно утверждается мнения о том, что географические исследования имеют чрезвычайно большое значение для развития человечества: «...Особая заслуга географии состоит в том, что она представляет собой соединительную конструкцию для исследований времени, пространства и общества...» [210]. Но при этом предполагается, что география имеет не только мировоззренческое, но и прикладное значение: «В последние несколько лет возобновился и всё более возрастает интерес...к географическим аспектам экономических явлений. Это связано с нарастанием обратного эффекта роста и концентрации экономики, и необходимо-

стью изучения в связи с этим их внешних условий и «пространственных ограничений» [197]. Социально-экономическая география в зарубежных странах занимается изучением проблем общественного развития на всех пространственных уровнях. «Сегодня пространственный фактор играет активную роль в формировании процессов экономического развития, их динамике, направленности и структуре» [219]. Одним из проявлений возобновления интереса к экономико-географическим исследованиям на Западе явилось формирование научного направления, известного как «новая экономическая география». «Новая экономическая география появилась в последнее десятилетие, как средство изучения и моделирования пространственного агломерирования экономической активности... Ответы на эти вопросы можно найти путём изучения взаимодействия нескольких факторов: транспортных расходов, технологии и масштабов производства, и производственных фондов – основных и оборотных» [215]. Сравнивая более ранние экономико-географические теории и «новую экономическую географию», П. Кругман утверждает, что теории Кристаллера и Лёша направлены скорее на решение вопроса планировки, чем на рыночные результаты, в то время как новая экономическая география направлена на выбор места с целью максимизации благосостояния индивидуума [213].

В 90-е гг. исследования процессов самоорганизации геопространства и самоорганизующихся структур в отечественной географии велись активнее, чем в более ранние периоды. Широкую известность и распространение в нашей стране получила теория «центр – периферия», что во многом было связано с выходом книги «Центр и периферия в региональном развитии», написанной тремя российскими учёными – О.В. Грицай, Г.В. Иоффе и А.И. Трейвишем [53]. Во многих публикациях рассматриваются возможности использования теории центральных мест и экономического ландшафта, «диффузии нововведений» и полюсов роста. Усиление интереса к проблемам пространственной самоорганизации имело, безусловно, чрезвычайно большое значение для отечественной социально-экономической географии. Но здесь есть проблема – все упомянутые выше

теории были созданы в 30-е – 60-е гг. (самое позднее – в 70-е), и в значительной своей части современным потребностям развития общества уже не отвечают. И. Валлерстайн, считающийся основоположником теории мировых систем, признаёт, что социальные теории должны иметь короткую продолжительность существования, обеспечивая переход к новым концепциям, поскольку социальная действительность меняется и теориям больше не соответствует (по [222]).

Концепция кольцевых структур относится к числу динамических теорий и концепций, которые «...рассматривают не только структуру пространственных систем, но и движущие силы и этапы их эволюции, а также характер их функционирования» [53]. Прежде всего концепция кольцевых структур опирается на одну из основополагающих концепций современной географической науки - концепцией географического поля. «...Под реальным геополем мы понимаем весь географический материальный субстрат с самым существенным в нём - материальными географическими отношениями, взаимодействиями...Геополю присущи отношения разного характера, среди которых особо выделяются пространственные (отношения сосуществования, протяжённости) и временная (отношения следования, длительности...» [176, с. 37]. П. Хаггет высказывает следующее мнение: «...Концепция перемещений приводит нас к изучению естественных полей, создаваемых этим перемещением...» [182]. Кольцевые структуры разных уровней можно рассматривать как географическое поле, взаимодействия в котором наибольшей мощностью отличаются в центре и на окраинах. Более того, П. Хаггет утверждал, что «...Форма полей большей частью приближается к кругу и мы вполне можем справиться со случайными отклонениями ... с помощью теории, допускающей вероятностные искажения правильных форм...Некоторые поля сильно усечены, другие ...искривлены, третьи раздроблены» [182, с. 62].

В концепции кольцевых структур прослеживается связь с одной из первых экономико-географических теорий – теорией «изолированного го-

сударства» И. Тюнена. «В кольцах Тюнена отражается позиционный принцип – зависимость существенных свойств объектов от их положения в пространстве» [146, с. 418]. Концепция кольцевых структур обнаруживает сходство также с другой географической теорией – теорией «центральных мест», основные положения были разработаны В. Кристаллером в начале 30-х гг. [201], и дополненную в 50-х – 60-х гг. А. Лёшем [107]. На основе «классической» теории центральных мест была разработана также «релятивистская» теория центральных мест В.А. Шупера [189]. Более того, с известной долей условности можно утверждать, что концепция кольцевых структур развивает основные положения теории «центральных мест». Гексагональные кольцевой структуры Кристаллера, в центре которых располагается населённый пункт порядка N , а на окраинах – населённые пункты порядка $N-1$ собственно и представляют собой кольцевые структуры, где населённый пункт порядка N представляет собой центральную активную зону, система населённых пунктов порядка $N-1$ – краевые активные зоны, а разделяющие их территории – пассивные зоны. Существенное различие между концепцией кольцевых структур и теорией центральных мест заключается в том, что гексагональные кольцевой структуры рассматриваются Кристаллером как структуры в целом статичные, в то время как кольцевые структуры характеризуются чётко выраженной динамикой развития. Но в целом отличить же в реальных условиях гексагональную пространственную структуру от кольцевой вряд ли возможно. В то же самое время кольцевая структура собственно и представляет собой «экономический ландшафт» Лёша, с возвышенностями в центре и на окраинах, и впадинами – разделяющими их пространствами. Но концепция кольцевых структур обнаруживает сходство не только с сугубо экономико-географическими, но и с социально- и политико-географическими теориями и концепциями. Так, большой интерес представляет теория «культурного ландшафта» Ю.А. Веденина. По мнению Ю.А. Веденина, опорный каркас культурного ландшафта составляют центры новационной культуры, очаги

традиционной культуры и объединяющие их коммуникационные линии, деятельность которых координируется «центрами первого порядка» [31]. Из этого следует, что как центры новационной культуры, так и очаги традиционной культуры располагаются на «периферии» культурного ландшафта, коммуникационные линии соединяют их как между собой, так и с «центрами первого порядка». Коль скоро вообще существуют коммуникационные линии, значит, они проходят через некие территории, собственных потоков не формирующие, которые и представляют собой внутренние пассивные зоны в нашем понимании. В этом случае сочетание центров новационной культуры и очагов традиционной культуры представляет собой краевую активную зону, и «центр» первого порядка – центральную активную зону. Представляется, что с концепцией кольцевых структур сходна также концепция «маргинальной комплиментарности», предложенная украинским географом В.А. Дергачёвым [58, 59]. Исходя из этой концепции, наибольшей активностью развития («пассионарной энергетикой») в прошлом характеризовались столицы и пограничья, что вполне совпадает с трактовкой процессов регионального развития с точки зрения концепции кольцевых структур. Сейчас, по мнению В.А. Дергачёва, русское зарубежье стало новым полюсом пассионарности. «...Внешний и внутренний полюсы пассионарности создают энергетику высоких интенсивных взаимодействий...» [59]. Следовательно, эти взаимодействия проходят через территории, разделяющие внутренние и внешние полюсы пассионарности. В этом случае внутренний полюс пассионарности представляет собой центральную активную зону, а внешние полюсы – краевую активную зону. Правда, вряд ли внешние полюсы пассионарности располагаются лишь на территории стран нового зарубежья, они проходят и по территории России. Можно отметить также сходство кольцевых структур и «узловых районов» Б.Б. Родмана [147].

Теория «центр-периферия» исходит из того, что любая общественная территориальная система включает в свой состав две главные части - вы-

сокоразвитый и склонный к инновациям центр и периферию, отличающуюся низким уровнем развития и консерватизмом. В этом прослеживается её преемственность по отношению к теории «диффузии нововведений» Т. Хегерстранда [по: 182]. Исходя из этого, можно утверждать, что концепция «центр – периферия» является проявлением бинарной парадигмы, которая «...превращает картину мира в совокупность парных отношений, утрачивая тем самым перспективу развития целостности...Бинаризм – агрессивен...Диктуя схему «либо – либо», он порождает гибельную идеологию антагонизма...» [17, с. 353].

Но невозможность анализа развития человечества с помощью бинарную парадигму «центр – периферия» привела к неоднократным попыткам её усовершенствования. Широкую известность приобрела теория мировых систем (или мировой системы, или, если дословно перевести с английского – системы мира) И. Валлерстайна [229]. Правда, следует отметить, что основы теории мировых систем были разработаны за двадцать лет до выхода в свет основополагающего труда И. Валлерстайна «Современная мировая система капиталистического сельского хозяйства и зарождение мировой экономике в Европе XVI века [229] в трудах О. Кокса [202, 203], но тогда эти идеи, чрезвычайно сходные с более поздними идеями Валлерстайна, широкого распространения не получили [207]. Основы теории «мировой системы» в целом сходны с основами теории «центр - периферия» (утверждается даже, что теория мировых систем есть производная от теории «центр – периферия», см. [53]). В мировой системе, по мнению Валлерстайна, выделяются центр, периферия и полупериферия, но страны, относящиеся к каждой из этих частей, меняются в ходе исторического процесса. Понятие «полупериферия» было введено И. Валлерстайном, и призвано обозначать территории, соединяющие в себе черты центра и периферии. Полупериферия определяется как зона с неясными границами, расположенная на полпути между центром и периферией, но играющую специфическую роль в мировой системе [224]. Но неясность

границ полупериферии означает то, что центр и периферия также имеют неясные границы, и методика их выделения становится совершенно неопределённой. Конкретные характеристики каждой из частей системы анализируются Валлерстайном на протяжении всего периода истории человечества, который можно считать капиталистическим (с XVI в.). В нашей стране с использованием концепции Валлерстайна И.П. Рязанцевым была разработана концепция отношения центра и регионов, причём эти отношения трактуются как варианты социальной коммуникации, социального действия. К сожалению, в практической части своего исследования И.П. Рязанцев использует главным образом описательные методы [157]. Менее, чем теория мировых систем, известна разработанная в нашей стране теоретическая модель В.Л. Каганского, интересная тем, что в ней впервые (насколько известно автору) в отечественной науке предпринимается попытка отойти от схемы «центр – периферия». По мнению В.Л. Каганского, «Отношения «центр – периферия» описывают страну грубо и очень неполно» [73, с. 45]. Сам В.Л. Каганский предлагает членение территориальной системы на четыре составляющих: центр, «репрезентатор системы в целом», провинцию – «прицентральный периферию», периферия – «приграничную провинцию», и границу – «анти- и контр-центр» [73]. Следует отметить близость модели В.Л. Каганского и концепции кольцевых структур в отношении региональных различий – насколько можно судить, В.Л. Каганский также полагает наиболее развитыми частями любой территориальной структуры центр и окраины («границу»).

Концепция кольцевых структур не отвергает существования отношений «центр – периферия». Они действительно есть в географическом пространстве, и значение их весьма велико. Так, активные зоны (центральная, радиальные и краевые) неизбежно будут играть роль центров для пассивных зон, которые в данном случае можно считать периферией. Основные расхождения концепции кольцевых структур и теории «центр – периферия» (но этот русский перевод словосочетания «core – periphery» не

вполне адекватен; «core» - ядро) заключаются в трактовке системы общественных взаимосвязей и взаимодействия в пространственной самоорганизации общества. По мнению одного из основоположников концепции «центр – периферия» Дж. Фридмана, территория переживает четыре уровня трансформации. На стадии 1, в доиндустриальную эпоху, территория страны сравнительно однородна и представляет собой систему локальных ядер с зонами их влияния. На стадии 2, в ходе индустриального развития, наиболее благополучное и динамичное ядро формирует вокруг себя поляризованный район, окружённый обширной периферией. На стадии 3 в ряде периферийных районов созревают условия для более активного развития региональных ядер поляризации. На стадии 4 самым динамичным звеном этой структуры становится межметрополитенская периферия [по: 53]. После чего, как можно предположить, должно происходить выравнивание уровней развития, а следовательно – прекращение взаимодействия, а тем самым и развития общества в пределах данной части геопространства. Затем функции ядра-«центра» переходят к какому-либо из бывших «периферийных» ядер, и формируется новая пространственная структура. Таким образом, теория «центр – периферия» исходит из того, что пространственные структуры, формирующиеся по схеме «центр – периферия», возникают и исчезают, вслед за чем возникают новые структуры с совершенно иным расположением центров и периферии, и трансформация эта, насколько можно судить, определяется главным образом развитием производительных сил.

Однако, во-первых, серьёзные сомнения вызывает утверждение об относительной однородности территории страны в доиндустриальную эпоху (во всяком случае, для доиндустриальной России подобное утверждение представляется абсолютно неверным). Во-вторых, не совсем понятно, каким образом «вызревают» новые ядра на периферии, и какие условия нужны для такого вызревания? В третьих, на каком этапе межметрополитенская периферия становится самой динамично развивающейся ча-

стью той или иной территории? Может быть, Россия представляет собой исключение, но «... Социально-экономическое пространство, сформировавшееся в ходе развития России между двумя её историческими столицами, по степени хозяйственной освоенности выглядит на общем фоне социально-экономического «рельефа» Русской равнины впадиной с двумя пиками по краям - Москвой и С.-Петербургом...» [134]. Исходя из этого, весьма любопытным представляется утверждение О.В. Грицай и А.И. Трейвиша о том, что «...четырёхстадийная модель Фридмана ... отражает универсальный характер распространения по территории радикальных инновационных процессов, независимо от того, какой пространственный уровень мы рассматриваем...» [52].

Теория «центр – периферия» была передовой для своего времени, с её помощью удалось ответить на многие вопросы, связанные с пространственной самоорганизацией общества как у нас в стране, так и за рубежом. Но очевидно, что теория «центр – периферия» уже отжила (или отживает) свой век, поскольку современный мир не вмещается в «прокрустово ложе» этой теории. Следует отметить, что универсальный характер теоретических построений «центр – периферия» не поддерживается в неявной форме и некоторыми сторонниками этой теории. Так, в 1992 г. О.В. Грицай утверждала, характеризуя особенности пространственного развития России: «...Унаследовав византийский духовный склад, систему ценностей, основанную на примате духовного начала, соборности и мессианстве, восточно-европейский мир породил и иной тип пространственного поведения. Для него характерна большая, чем на Западе, поляризованность общества и пространства...» [51, с. 118]. Не совсем ясно, на чём основываются утверждения о примате духовного начала, соборности и т.д., но важно само упоминание о ином типе пространственного поведения.

Решающее преобладание концептуальной модели «центр – периферия» привело к тому, что сформировалась убеждённая уверенность в возможности коренного переустройства территориальной организации общества за счёт

искусственного внедрения полюсов роста, которые должны были стать центрами развития слабоосвоенных или депрессивных регионов. Концепция “полюсов роста” была изложена в завершённом виде ещё в 50-е гг. [216, 217], в последующие годы эта теория активно использовалась, в том числе и у нас в стране (“коридоры роста” при составлении планов Единой системы расселения страны). Однако на протяжении всей истории усиленной эксплуатации идеи полюсов или коридоров роста был выявлен целый ряд проблем, возникающих при её реализации. Так, попытка формирования “полюсов роста” в Испании 60-х гг. закончилась крахом: “...возникавшие новые центры часто представляют собой своего рода “анклавы”, весьма слабо связанные в хозяйственном отношении с окружающей территорией...” [170]. Как писал Е.Е. Лейзерович о планах Единой системы расселения СССР, при её составлении “...на историческом опыте, оставившем нам в наследство так ничем и не обросшую “планировочную ось первого порядка” - железнодорожную магистраль Москва - С.-Петербург, и целый ряд железнодорожных узлов, так и не ставших большими городами, внимание не акцентировалось...” [105]. К настоящему времени концепция полюсов роста отвергнута практически везде, в том числе и в странах Евросоюза: «...Постепенно уходят в небытие т.н. «свободные зоны», «полюса роста», рассматривающиеся как несостоятельные формулы развития одних за счёт других...» [102]. Концепция кольцевых структур обнаруживает некоторое сходство с теорией полюсов роста. Выделяются активные зоны, которые представляют собой «локомотивы» развития, и пассивные зоны, которые движутся вслед за активными. Но различие, и весьма существенное различие, заключается в том, что концепция кольцевых структур определяющими признаёт процессы самоорганизации, вследствие чего воздействие процессов организации на трансформацию пространственной структуры общества (а именно эти процессы считаются определяющими с позиций теории полюсов роста) признаётся крайне ограниченным.

Следует заметить, что концепция кольцевых структур отнюдь не является универсальной, пригодной для всего мира и на все времена. Наш мир многообразен настолько, что универсальные концепции в общественной географии, как и в общественных науках в целом, не могут существовать.

Выводы

Как пространственной, так и временной структуре общества свойственно чередование состояний упорядоченности и хаоса: пространственной структуре – во времени, и временной структуре – в пространстве. Выявление особенностей пространственного взаимодействия между состояниями упорядоченности и хаоса составляет основное содержание концепции кольцевых структур. Исходя из этой концепции, основополагающими процессами развития общества признаются процессы самоорганизации, исследованием которых занимается относительно новое междисциплинарное научное направление – синергетика (к настоящему времени, впрочем, синергетика переросла рамки научного направления и может быть признана самостоятельной наукой). Синергетические подходы к проблемам общественного развития позволяют утверждать, что прослеживается принципиальное сходство между процессами самоорганизации в гидродинамических, физико-химических и других системах с процессами самоорганизации общества.

Уже на начальных этапах развития синергетики было установлено принципиальное сходство процессов самоорганизации, происходящих в общественных системах, с более простыми аналогичными процессами в физико-химических, гидродинамических и других системах. Наиболее подходящим примером для иллюстрации положения об этом принципиальном сходстве является широко известная и часто упоминаемая в синер-

гетических исследованиях реакция Белоусова – Жаботинского (РБЖ). В ходе этой реакции формируются пространственные структуры, способные видоизменяться, причём поддержание реакции обеспечивается как за счёт энергии, поступающей в систему извне, так и возникающей в ходе самой реакции.

Особенности пространственного взаимодействия позволяют выделить пространственные образования, в которых наиболее активными являются центральная и окраинные части. Исходя из особенностей размещения активных зон, эти пространственные образования именуется кольцевыми структурами. В составе каждой кольцевой структуры выделяются активные зоны (центральная, радиальные и краевые), и пассивные зоны (внешние и внутренние). Активные зоны представляют собой «зоны упорядоченности», пассивные зоны – «зоны хаоса», являющиеся источником ресурсов для «зон упорядоченности». Вследствие этого активные зоны требуют постоянного поглощения ресурсов, источником которых являются пассивные зоны. В процессе трансформации кольцевой структуры центральная активная зона развивается в основном за счёт наращивания плотности и мощности связей, её положение остаётся относительно стабильным. Краевые активные зоны развиваются за счёт смещения, направленного вовне кольцевой структуры, и за счёт «вращательного» движения, сопряжённого с перемещением радиальных активных зон.

Концепция кольцевых структур как опирается на более ранние по времени возникновения теория регионального развития, так и в какой-то мере противоречит им. Прежде всего концепция кольцевых структур опирается на одну из основных теорий современной общественной географии – теорию географического поля. Активные и пассивные зоны можно рассматривать как участки географического поля, имеющими разную напряжённость. Отмечается также сходство концепции кольцевых структур с теорией центральных мест В. Кристаллера и «экономического ландшафта» А. Лёша. Кольцевая структуры собственно и представляет собой эко-

номический ландшафт, имеющий упорядоченный характер. Однако концепция кольцевых структур опирается не только на экономико-географические теории, но также и на теории в области социальной географии («культурный ландшафт» Ю.А. Веденина) и политической географии («маргинальная комплиментарность» В.А. Дергачёва).

Однако есть и теории, с которыми концепция кольцевых структур вступает в противоречие. Такова широко известная теория «центр – периферия». Основу расхождения составляет базовое положение концепции кольцевых структур о том, что расположение объектов в географическом пространстве определяется их взаимодействием. Теория «центр – периферия» исходит из обратного: взаимодействие объектов определяется их расположением. Однако это положение не следует понимать таким образом, что существование отношений «центр – периферия» вообще отвергается. Безусловно, такие отношения в географической оболочке существуют, и значение их весьма велико.

Глава 2. Методика исследований и возможности применения

§ 2.1. Методика исследований

Концепция кольцевых структур опирается на исследования взаимодействия между собой пространственных образований, определяемом мощностью и напряжённостью полей взаимодействия, или, образно говоря, «температурой» реакций общественного взаимодействия (социально-экономической деятельности в пределах региона). Чем выше эта «температура», тем выше уровень вовлечённости части кольцевых структур в процессы взаимодействия. Интенсивность взаимодействия определяет движение потоков. Выявление особенностей границ и структуры может проводиться с помощью разных методов. По утверждению А.М. Трофимова, А.И. Чистобаева и М.Д. Шарыгина, в географии используется три основных класса моделей: модели структуры и модели взаимодействия, при объединении которых возникает третий класс моделей – размещения-взаимодействия [178, с. 15]. Можно также разделить модели взаимодействия на два типа: гравитационный и плотностной. В случае использования гравитационной модели учитываются показатели, характеризующие географические объекты (демографические, экономические, социальные и другие), а также расстояние между ними. Они используются как в зарубежной, так и в отечественной географии. Так, например, в 1992 г. гравитационные модели были использованы при исследованиях региональных различий в Европе [223]. В 1994 г. С.Н. Киселёв и Н.В. Киселёва использовали гравитационную модель для определения «информационных предпочтений» жителей Крыма [77]. Однако, на наш взгляд, использование гравитационных моделей возможно главным образом при исследовании взаимодействия «точечных» общественно-географических объектов (например, населённых пунктов). При использовании плотностных моделей

учитывается не расстояние, а плотность тех или иных территориальных процессов (отношение мощности процесса к численности населения территории, её площади или плотности населения). В исследованиях процессов регионального взаимодействия использование плотностных моделей предпочтительнее, чем гравитационных, поскольку в региональных исследованиях чрезвычайно большое значение имеют «физические размеры» региона, например, площадь и численность населения.

К сожалению, не все предпринятые к настоящему времени попытки «привязать» уровень развития к территории и населению могут считаться удачными. Так, в 1997 г. был предложен индекс хозяйственного развития [108], для определения которого валовый внутренний продукт (ВВП) надлежит разделить на квадратный корень из произведения площади и населения территории. Правда, авторы не объясняют, для чего население надо умножать на площадь, в каких единицах надлежит измерять это произведение, зачем извлекать из него квадратный корень, и, наконец, почему нельзя просто разделить валовый внутренний продукт на численность населения, получив при этом давно известный показатель уровня ВВП на душу населения? По мнению В.А. Шупера, «...количественные методы могут привести к нетривиальным результатам только там, где их применение опирается на глубокие теории, вытекающие из содержания самой науки» [188, с. 17].

Для определения уровня вовлеченности территории в процессы взаимодействия требуется определение трёх её основных характеристик: освоённости, развития и значения, обобщаемых в **коэффициенте взаимодействия (КВ)**, рассчитываемого по следующей формуле:

$$\text{КВ} = \text{ПВ} \times \text{ОВ}, \quad \text{где:}$$

КВ – коэффициент взаимодействия; **ПВ** - показатель популяционного взаимодействия; **ОВ** - показатель общественного взаимодействия.

Более прост показатель популяционного взаимодействия (ПВ), характеризующей уровень освоенности части геопространства. В качестве такового можно использовать показатель плотности населения. Этот показатель позволяет установить уровень взаимодействия жителей определённой территории безотносительно к их деятельности. Показатель общественного взаимодействия (ОВ) рассчитывается следующим образом:

$$\text{ОВ} = \text{Д} \times \text{Об}, \quad \text{где:}$$

ОВ - показатель общественного взаимодействия; Д - доля региона в социально-экономической деятельности региона либо государства; Об - индекс объём социально-экономической деятельности в исследуемом году.

Показатель Д (доля территории) важен для определения коэффициента взаимодействия потому, что его использование позволяет установить (с известной долей условности, конечно же, поскольку далеко не всё можно измерить) значение территории для государства либо более крупного региона. Чем выше показатель Д, тем значительнее КВ и уровень развития территории. Показатель Об (индекс объёма социально-экономической территории) характеризует уровень и темпы развития территории. Учёт при определении коэффициента взаимодействия (КВ) как показателя Д, так и показателя Об позволяет выявить общие тенденции трансформации взаимодействия составляющих кольцевой структуры.

Наиболее универсальным показателем, который может использоваться при расчёте уровня общественного взаимодействия, является показатель валового внутреннего (регионального) продукта. Но универсальность не означает оптимальности. Величина ВВ(Р)П, определяемая статистикой, зависит от многих “внеэкономических” факторов и условий. Один из таких факторов - полнота статистического учёта социально-экономической деятельности в пределах той или иной территории. В условиях России применение показателя ВВ(Р)П затрудняется тем, что сам этот показатель рассчитывается для нашей страны лишь с начала 90-х гг. Однако использова-

ние этого показателя вполне возможно, и в этом случае формула определения OB приобретает следующий вид:

$$OB = D_{\text{ВВП}} \times (Об'_{\text{ВВП}} / Об_{\text{ВВП}}), \quad \text{где:}$$

OB – показатель общественного взаимодействия, $D_{\text{ВВП}}$ – доля региона в производстве валового внутреннего продукта государства или группы государств, $Об'_{\text{ВВП}}$ – объём ВВ(Р)П в исследуемом году, $Об_{\text{ВВП}}$ – объём ВВ(Р)П в году, показатели которого принимаются за 1.

Существует и более эффективный, но гораздо более трудоёмкий способ определения показателей D и $Об$, а именно выведение их как среднеарифметических показателей всех исследуемых отраслей экономики и направлений деятельности социальной сферы.

В этом случае показатель D определяется следующим образом:

$$D = (\Sigma(d_{1..n})) / n, \quad \text{где:}$$

D - доля территории в социально-экономической деятельности региона либо государства; $d_{1..n}$ - доли территории в производстве продукции отраслей экономики либо направлений деятельности непродуцированной сферы, представленных на данной территории; N - число отраслей экономики и направлений деятельности непродуцированной сферы, учитываемых для всех исследуемых территорий.

Показатель $Об$ в этом случае рассчитывается как относительная величина, показывающая, как изменилось производство продукции отраслей экономики, а также объёмы деятельности направлений непродуцированной сферы, в исследуемом году относительно года, показатели которого принимаются за единицу (или за 100%). Расчёт показателя $Об$ в этом случае должен вестись следующим образом:

$$Об = (\Sigma((об_1 / об'_1) \dots (об_n / об'_n))) / N, \quad \text{где:}$$

$Об$ - объём социально-экономической деятельности в исследуемом году; $об$ - объём производства каждой отрасли экономики и направления непродуцированной сферы, представленной в пределах данной территории в исследуемом году; $об'$ - объём производства каждой от-

расли экономики и направления непроеизводственной сферы, представленной в пределах данной территории в году, показатели которого принимаются за единицу; n - число отраслей экономики и направлений деятельности непроеизводственной сферы, представленный в пределах данной территории; N - число отраслей экономики и направлений деятельности непроеизводственной сферы, учитываемых для всех исследуемых территорий.

Проблемой, осложняющей применение данной методики для России, является ограниченность статистической базы. До настоящего времени в “открытых” статистических справочниках не публикуются данные о производстве продукции цветной металлургии, многих отраслей машиностроения и т.д. Однако те данные, которые всё же представлены в открытых источниках, позволяют дать достаточно представительный, на наш взгляд, анализ уровней развития, а тем самым - и взаимодействия, субъектов Российской Федерации.

Но здесь есть ещё одна проблема, связанная с проблемой представительности статистических данных. Анализ общедоступных данных позволяет рассчитывать показатели как популяционного, так и общественного взаимодействия лишь по административным единицам разного уровня, но никак не по их отдельным частям. Использование статистических данных по административным образованиям даёт возможность составить “скелетную”, или структурную схему кольцевых структур, но детальное выявление механизма взаимодействия требует дополнительных эмпирических исследований, желательно - экспедиционного характера.

Коэффициент взаимодействия (КВ) позволяет определить место региона в системе общественных связей государства либо группы государств. Сопоставление коэффициентов взаимодействия разных регионов позволяет вычленить кольцевые структуры, выявив в них активные и пассивные зоны. Исходя из этого, можно прогнозировать наиболее вероятные направления территориальной трансформации общества. Региональные

аспекты развития чрезвычайно важны, особенно для нашего чрезвычайно обширного государства, однако как при плановой экономике, так и сейчас, им уделяется крайне недостаточное внимание.

§ 2.2. Кольцевые структуры глобального и континентального уровней

Существование кольцевых структур разных уровней, от глобального до локального, может быть подтверждено рядом примеров. На глобальном уровне существует кольцевая структура, процесс формирования которой продолжается на протяжении всего периода развития мира, который можно назвать «океанским» (примерно с XV в.). Пространственный анализ процессов глобального развития с точки зрения концепции кольцевых структур необходим хотя бы для того, что определить выявить «географические» аспекты исследования процессов глобализации. По утверждению Л. Будда, в географической литературе ведутся развёрнутые дискуссии относительно общих процессов глобализации, но общие её результаты носят антиисторический характер и мало что дают для понимания современных экономических процессов [198].

Существование кольцевой структуры глобального уровня подтверждается сопоставлением уровней общественного развития государств, проведенном по методике автора. Уровень общественного развития (УОР) определялся с помощью следующей формулы:

$$\text{УОР} = \Sigma(X_{1..4}) / \Sigma(Y_{1..4}), \quad \text{где:}$$

УОР - уровень общественного развития; **X₁** - валовый внутренний продукт на душу населения в год; **X₂** – средняя продолжительность жизни; **X₃** - среднее потребление калорий; **X₄** - среднее потребление белков; **Y₁** - общий коэффициент рождаемости; **Y₂** - общий коэффициент смертности; **Y₃** - коэффициент младенческой смертности; **Y₄** -

доля неграмотного населения старше 15 лет (всё - в % к среднемировым показателям).

Показатели, стоящие в числителе формулы, имеют одно общее свойство - чем они выше, тем лучше живёт страна и люди в ней. Валовый внутренний продукт является одной из важнейших характеристик экономического развития страны, в то же время отражая в известной степени уровень благосостояния её жителей. Средняя продолжительность жизни является одной из главных характеристик уровня развития социальной сферы. Среднее потребление калорий и среднее потребление белков свидетельствуют о объёме и сбалансированности питания населения страны. Свойство показателей, стоящих в знаменателе формулы – «чем выше - тем хуже». Высокий уровень рождаемости, как и высокий уровень смертности, являются свидетельством неблагополучия в демографическом развитии страны. Уровень младенческой смертности отражает развитие системы здравоохранения, а доля неграмотного населения в возрасте старше 15 лет - системы образования. Следует отметить, что вышеописанная методика может использоваться при исследовании не только мира в целом, но и региона любого уровня. Так, А.В. Красильниковым [93] была предложена модификация данной формулы для определения уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

С помощью этой формулы был определён уровень общественного развития государств мира (приложения 1 и 2). Государства мира в таблице распределены по широтным поясам. В случае, если территория страны располагается в двух широтных поясах, то её принадлежность определялась исходя из того, к какому поясу относится большая часть территории.

Безусловно, подобный подход страдает некоторым формализмом. Так, в группу стран севернее северного тропика включены столь разные государства, как США, Россия и Афганистан. Но тем не менее применение даже столь простого и «формального» подхода даёт возможность выделить центральную активную зону (страны севера Северного полушария) – у

стран, расположенных севернее северного тропика, средний по группе уровень общественного развития (УОР) составляет 2,02, внутреннюю пассивную зону (юг Северного полушария и север Южного) – УОР группы стран, расположенных между северным и южным тропиком, составляет 0,8, и краевую активную зону (юг Южного полушария) – средний по группе стран южнее южного тропика. УОР составляет 1,5. Следует отметить, что аналогичные результаты достигаются другими исследователями с применением гораздо более сложных методик [225], которые объясняют их с позиций теории «мировых систем» или «центр – периферия» .

Можно утверждать, что в ближайшем будущем развитие мира будет происходить, во-первых, за счёт нарастания мощности связей в пределах центральной активной зоны. Во-вторых, следует ожидать активизации в процессе формирования радиальных активных зон. Такая зона формируется в Америке, протягиваясь вдоль побережья Атлантического океана от США до Аргентины. Признаками, об этом свидетельствующими, является ускоренное развитие, в том числе и индустриальное, ряда государств и территорий Карибского моря. В континентальной части Южной Америки формируется промышленный район в Венесуэле и Бразилии, вытянутый вдоль Атлантического побережья, далее к югу продолжающийся в пределы Аргентины и Уругвая.

Вторая радиальная активная зона глобального уровня складывается в Восточной и Юго-Восточной Азии, соединяя между собой Японию и Австралию. Азиатская зона начала формироваться позднее, чем Американский, отличается более высоким уровнем фрагментации, но и более высокой динамикой развития. Её «магистральное» направление можно проследить следующим образом: Япония – Южная Корея - побережье Китая и Тайвань – полуостров Малакка – Индонезия Медленнее всего идёт формирование Африканской радиальной активной зоны, которая должна была бы проходить вдоль западного побережья Африки, связывая Европу и Южную Африку. Здесь можно выделить лишь отдельные участки – государства,

отличающиеся более высоким уровнем развития в сравнении со своими соседями.

Кольцевая структура глобального уровня представляет собой цельной образование, но в то же время она – совокупность кольцевых структур регионов мира. Примерами кольцевых структур континентального уровня являются три структуры Европы (приложение 3): Пиренейская (Испания и Португалия), Западно-Европейская (страны Западной Европы) и Восточно-Европейская (Европейская Россия и западные республики бывшего СССР). О Восточно-Европейской кольцевой структуре более подробно будет сказано в других главах работы. Любопытно, что подобные структуры выделяются и авторами книги «Центр и периферия в региональном развитии» [53, с. 67 – 68]. Правда, ими выделяются не три, а две структуры, два «мегаядра» в Европе: Западно-Европейское и Восточно-Европейское. «...Мегаядро Западной Европы представляет собой большой овал – неполный, разорванный на востоке, с центром в г. Касселе. Его максимальная протяжённость ...составляет почти 2700 км, а минимальная... 1500 км...Восточноевропейское мегаядро имеет такие же границы, если выделять его в предложенных нами границах – от Лейпцига до Самары и от Ленинграда до Новороссийска. Если же рассматривать ядро вместе с Уралом... то максимальная протяжённость ядра составит 3500 км...Геометрический центр этого образования лежит ... между Черниговом, Гомелем и Брянском» [53]. К сожалению, авторами не объясняется правомерность применения термина «ядро» по отношению к столь обширным образованиям, как не раскрывается и механизм формирования этих ядер (если эти ядра – одно от Барселоны до Хельсинки, другое – от Урала до Лейпцига действительно являются центрами, или ядрами, то где тогда периферия Европы?). Кроме этого, события конца XX в. дают основания утверждать, что во всяком случае восточно-европейское мегаядро от Восточной Германии до Урала является скорее плодом фантазии, нежели реально существующим объектом.

Переходя к рассмотрению кольцевых структур, сложившихся в Европе, отметим, что Пиренейская структура – самая маленькая среди них по территории. Функции центральной активной зоны выполняет Мадрид, краевые активные зоны вытянуты вдоль морских и океанских побережий как Испании, так и Португалии. Активные зоны разделены разными по мощности пассивными зонами. Подтверждением этому является и структура внутренних миграций в Испании, которые «...направлены главным образом из отсталых внутренних в более развитые периферийные районы...» [25]. О том же свидетельствует и само размещение населения. В Испании «...наиболее густо заселены Средиземноморское побережье, Андалузская низменность, западное побережье Галиции и острова... В центральных гористых районах плотность населения падает...». В Португалии «...наиболее густо заселены прибрежные районы от Порту на севере до Сетубала на юге...Горные районы по границе с Испанией заселены слабо...» [25]. Существование Пиренейской кольцевой структуры подтверждается и анализом размещения наиболее развитых в экономическом отношении районов. «В Испании ... к началу 60-х гг. ... насчитывалось только три экономически развитых ареала: Каталонский, Мадридский и Прибискайский. В процессе развития экономики Испании ... возник ряд динамичных образований: Северная индустриально-аграрная зона, протягивающаяся от Астурии до Барселоны, Средиземноморская индустриально-аграрная рекреационная зона, Западно-Андалузская промышленная...» [170]. То, что кольцевая структура Пиренейского полуострова выделяется столь чётко, во многом объясняется историей государств, на нём расположенных. Политические границы здесь не менялись на протяжении столетий. Кроме этого, Пиренейский полуостров представляет собой полуостров в природном отношении, но «остров» в экономическом. На протяжении очень долгого времени экономическое взаимодействие Испании и Португалии с другими государствами Европы было сведено к минимуму.

Западно-Европейская кольцевая структура более сложна, чем Пиренейская, как в пространственном, так и во временном отношениях. Развитие её начинается во второй половине XIX века, когда сформировалась кольцевая структура Германской империи 1870 – 1918 гг. Центральной активной зоной являлся Берлин. Население Берлина, в 1871 г. составлявшее 900 тыс. чел., за 50 лет выросло более чем в 4 раза (1921 г. – 3900 тыс. чел.) [133]. Краевая активная зона начиналась от устья Рейна, далее продолжалась вверх по Рейну до устья Майна, и с Майна переходила в пределы Австро-Венгрии (Чехии). Из Чехии краевая активная зона поворачивала на север, и вдоль верхнего Одера и Вислы доходил до побережья Балтийского моря. В начале нашего века сформировалось продолжение краевой активной зоны от устья Майна на юг, к верховьям Рейна, и далее вдоль Роны к побережью Средиземного моря. От устья Роны (Марселя) краевая активная зона поворачивала на восток, в пределы Италии, в пределы Ломбардской и Паданской низменностей. Таким образом, сформировалось две дуги южного сегмента краевой активной зоны, огибавшие Альпы, северная – вдоль Майна, и южная – вдоль По. Но в то же время очень слабо прослеживались тенденции к смыканию на севере, вдоль побережья Балтийского моря. Причины столь разного «поведения» краевой активной зоны выявить весьма сложно, но одной из причин можно считать традиционное для Германии на протяжении практически всего второго тысячелетия нашей эры стремления к Средиземному морю, при гораздо более слабом интересе к Балтике.

Важно отметить следующее: кольцевая структура Германской империи с самого её возникновения имела трансграничный характер, что позволяло Германии вовлекать в хозяйственный оборот ресурсы сопредельных с ней государств. В 20-е гг. отмечалось, что в конце XIX – начале XX в. «Германия очень быстро становится страной, распространяющей своё влияние на все близлежащие земледельческие страны» [133, с. 108]. Ныне существующая «периметральная» урбанистическая структура Германии,

т.е. концентрация крупнейших агломераций вдоль внешних границ страны [192], сложилась в основных чертах ещё до I мировой войны.

После первой мировой войны замедляется развитие восточного сегмента краевой активной зоны, в пределах которого взаимодействовали Западно- и Восточно-Европейская кольцевые структуры. Причиной этому было возникновение «санитарного кордона», с помощью которого Антанта отгораживала Россию от Европы. Так, в Латвии морской грузооборот в 1939 г. составлял 30,7% от уровня 1913 г., население Лиепайи и Вентспилса, входивших в число главных портов Российской Империи, снизилось в 2 раза [85]. В Эстонии за годы межвоенной независимости была практически ликвидирована крупная промышленность. «Русско-Балтийская судостроительная верфь, ...где в 1916 г. работало 15 тыс. рабочих, полностью прекратила свою деятельность...Также, как Русско-Балтийскую судоверфь, сравнивали с землей и Петровскую...Вагоностроительный завод «Двигатель» был полностью уничтожен...» [23, с. 15 - 16]. Но практически полное прекращение взаимодействия на востоке Германской кольцевой структуры сопровождалось резким усилением взаимодействия на пределах западного сегмента, причём это взаимодействие становится «двунаправленным» – если до первой мировой войны Германия использовала ресурсы сопредельных государств, то в 20-е гг. эти государства начинают использовать ресурсы Германии. Это было связано с поражением Германии в войне и произошедшими после этого территориальными изменениями. В состав Франции возвращаются провинции Эльзас и Лотарингия, отошедшие от него после франко-прусской войны 1870 г. и ставшие за время немецкого владычества одними из наиболее индустриально развитых территорий Германии. Кроме этого, Франция в 20-е гг. Франция оккупировала Рур, а до 1935 г. фактически под французским контролем находилась германская земля Саар. Вследствие частичной переориентации экономических связей, а также наращивания их мощности западный сегмент краевой активной зоны Германии окончательно приобретает черты трансграничной, общеев-

ропейской структуры, послужившей территориальной основой послевоенной европейской экономической интеграции.

Формальное создание западноевропейских интеграционных организаций после войны было лишь подтверждением уже реально существовавших экономических связей. Если бы этих связей, сложившихся главным образом в межвоенное время, не было, то и интеграция была бы невозможна. Первой европейской экономической организацией, которую можно считать интеграционной, становится Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), созданное в 1951 г. в той части Европы, где государственные границы делили на части единые в экономико-географическом отношении территории – западном сегменте краевой активной зоны. В состав ЕОУС вошли Западная Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия. ЕОУС, а также возникшие позднее Европейское Экономическое Сообщество и Евратом послужили основой для формирования нынешнего Европейского Союза.

Однако Западная и Восточная части Европы продолжали развиваться практически изолированно друг от друга. Более того, Берлин, значение которого значительно снизилось уже после I мировой войны, после II мировой войны оказался разделённым на две части, причём Западный Берлин становится своеобразной «твердыней» западного мира за «железным занавесом». Однако его значение остаётся весьма высоким, по уровню ВВП на душу населения Западный Берлин занимал 3-е место среди земель Западной Германии, после Гамбурга и Бремена [205] (формально Западный Берлин в состав ФРГ не входил).

Но тем быстрее развиваются западный и южный сегменты краевой активной зоны Западно-Европейской структуры. Основа западного сегмента – Рейн становится «осью» европейской интеграции. Интеграционные процессы на территориях, примыкающих к Рейну, идут столь интенсивно, что на приграничных территориях Германии, Нидерландов, Бельгии, Франции и Швейцарии (невзирая на то, что Швейцария не входит в

состав Евросоюза) формируются «трансграничные» экономико-географические районы, часть из которых ныне имеет официальный статус еврорегионов (Маас – Рейн и Саар – Лотарингия – Люксембург на границах Германии, Бельгии, Франции и Нидерландов, «Юрская Арка» на границе Франции и Швейцарии, и другие [206, 209, 214]). Уже в 70-е гг. явно выделялись межнациональные интеграционные районы, представлявшие собой западный сегмент краевой активной зоны Западно-Европейской кольцевой структуры. О.В. Соколов в 1974 г. утверждал, анализируя экономико-географические аспекты европейской интеграции: «...Всё более проявляется усиление неравномерности между т.н. «индустриальным ядром», которое включает западные земли ФРГ, северную и северо-западную часть Франции, страны Бенилюкса и юго-восточную часть Великобритании, и другими районами ... Формирование межнациональных районов происходит и за пределами интеграционной зоны ... К числу таких районов можно отнести ... четырёхугольник Генуя – Марсель – Лион – Милан...» [171, с. 399 – 400]. Но взаимное расположение районов, упоминаемых О.В. Соколовым, таково, что они представляют собой сплошной территориальный массив, начинающийся в Великобритании и протягивающийся вдоль Рейна и Роны от Северного до Средиземного моря – «банан», включающий в свой состав наиболее освоенные и развитые территории Европы [см., например, 208]. Бавария и Баден-Вюртемберг, входящие в состав «северной дуги» южного сегмента, становятся самыми динамично развивающимися землями Западной Германии. Суммарный объём ВРП земель Северный Рейн-Вестфалия, Бавария и Баден-Вюртемберг составил в 1994 г. 54% общего объёма ВВП Германии [195]. Очень динамичным регионом становится Восточная Франция, наиболее урбанизированная часть этого государства [115]. Чрезвычайно быстро развивается и «южная дуга», проходящая к югу от Альп через Северную Италию.

Северная дуга вдоль Дуная, а южная дуга – через Словению (СФРЮ) не была столь жёстко «отсечена» от Запада, как страны «советского бло-

ка») выходят в пределы Нижней Австрии, где и соединяются. Исключительно выгодное положение Словении способствовало её динамичному развитию. В 1997 г. ВВП на душу населения в Словении составлял 11880 долларов, при среднегодовом росте в 90-е гг. 4,2%. Для сравнения: в соседней со Словенией Хорватии ВВП на душу населения в 1997 г. составлял 4930 долларов, при среднем ежегодном росте в 2,7%.

Формальному включению Австрии в систему ЕС препятствовало одно из положений Государственного договора 1955 г., запрещавшее Австрийской Республике вступать в союз с Германией: «...Австрия ...не будет вступать в политический и экономический союз с Германией в какой бы то ни было форме...» [49]. Вследствие этого Австрия смогла вступить в Евросоюз лишь после распада СССР, когда рухнула вся «потсдамская» политическая система Европы. С очень высокой долей уверенности можно прогнозировать, что краевая активная зона Западно-Европейской кольцевой структуры продолжится в пределы стран бывшего «советского блока», т.е. произойдёт восстановление восточного сегмента кольцевой структуры Второго Рейха (Германской империи 1870 – 1918 гг.). Вероятнее всего, от Вены она продолжится на северо-восток, в пределы Венгрии, Восточной Чехии и Западной Словакии. Здесь процессы формирования краевой активной зоны происходили уже в 90-е гг. Так, в Венгрии в 90-е гг. (ВВП на душу населения в 1997 г. – 6970 долларов) наиболее активно развивающимися регионами были Центральная Венгрия (район Будапешта) и Дунаутуль, или Трансданубия (западная часть страны). Город Дьер, располагающийся между Веной и Будапештом, по количеству ведущих предприятий – экспортёров уступает в Венгрии лишь Будапешту. Но в Дунаутуле прослеживаются чёткие внутрирегиональные различия: если западная часть региона характеризуется наиболее благополучным положением среди всех регионов Венгрии, то южная часть – наименее [63]. Это легко объяснимо с точки зрения концепции кольцевых структур: краевая активная зона продвигается по направлению Вена – Будапешт. Далее через Западную Сло-

вакию и Восточную Чехию она перейдёт в пределы Польши, и вдоль Вислы продолжится к побережью Балтийского моря. От устья Вислы эта зона повернёт на запад, вследствие чего сформируется её северный сегмент. Переход краевой активной зоны в пределы Словакии и Польши также подтверждается фактами. Эти страны в 90-е гг. отличались чрезвычайно быстрыми темпами роста (или, вернее, восстановления) объёма валового внутреннего продукта на душу населения [206].

Северный сегмент, так же, как и южный, будет состоять из двух дуг, только разделять эти дуги будет море, а не горы. Северная дуга пройдёт вдоль северного берега Балтийского моря, через побережье Швеции и Данию (эта дуга уже существует), а южная дуга – по побережью Польши и Германии.

Центральной активной зоны Западно-Европейской кольцевой структуры будет район Берлина, который уже сейчас восстанавливает своё былое значение. «Берлин трансформируется из разделённого города в ведущую столицу и потенциальный «мировой город» [192, с. 13]. Развитие Берлина как «мирового города» во многом определяется его географическим положением почти в центре освоенных территорий Европы. Расстояние от Берлина до Нижнего Новгорода и Мадрида примерно одинаково, и составляет около 2000 км, до С.-Петербурга 1500 км, до Лондона 1000 км [133].

В дальнейшем, когда формирование краевой активной зоны завершится, начнётся её движение «вовне», которое на некоторых направлениях уже прослеживается. Западный сегмент будет смещаться на запад Франции, южный – на юг Италии и на юг Балкан, восточный – в Прибалтику, Белоруссию и на Украину.

§ 2.3. Кольцевые структуры регионального и локального уровня

В качестве примера страны, в пределах которой чётко выявляются все основные элементы кольцевой структуры, можно привести Индию. Для определения положения регионов (штатов и союзных территорий) в Индостанской кольцевой структуре использовался показатель объёма инвестиций в промышленность до начала периода структурных реформ в индийской экономике, приводимый в статье С. Чакраворти [200] (приложение 4).

Границы штатов Индии таковы, что многие из них, особенно расположенные на юге полуострова Индостан, включают в свой состав как развитые приморские, так и отсталые внутренние территории. Следует отметить и то обстоятельство, что кольцевая структура на полуострове Индостан формировалась во времена Британской Индии, поэтому она включает в свой состав территории не только Индии, но также Пакистана и Бангладеш. Исходя из этого, можно утверждать, что краевая активная зона начинается от устья Инда, включая в свой состав город Карачи и приморские краевая активная зона Пакистана, и затем уже переходит в пределы Индии.

В пределы Республики Индия краевая активная зона вступает в штате Гуджарат (10,05% процентов инвестиций до реформ, 16,89% - после), затем переходит в пределы штата Махараштра (18,11% инвестиций до реформ, 13,44% - после). К югу от штата Махараштра краевая активная зона переходит в штаты Карнатака (3,66% и 7,17% инвестиций), и далее поворачивает на восток, в штат Тамилнад (8,48% и 8,71%), откуда продолжается к северу, на территории штатов Андхра-Прадеш, Орисса и Западная Бенгалия (8,85% и 6,22%, 4,67 и 5,96%, 7,30% и 5,64% соответственно). От Западной Бенгалии краевая активная зона поворачивает на северо-запад, вдоль Ганга в пределы штатов Бихар и Уттар-Прадеш (6,09% и 5,74%; 10,68% и 8,15%), и далее через штаты Харьяна и Пенджаб возвращается в

пределы Пакистана (район Лахора и Фейсалабада). Преимущественное тяготение социально-экономической активности в Индии к окраинам страны подчёркивается при переходе от уровня штатов и территорий к уровню районов. Так, из 20 районов (дистриктов), лидирующих по уровню производства продукции и инвестиций в Индии, пять расположены в штате Махараштра, четыре на побережье штата Гуджарат (в том числе три первых по уровню инвестиций Бхаруч, Сурат и Джамангар), три в штате Карнатака, по два в Ориссе, Западной Бенгалии и Тамилнаде, и по одному в Андхра-Прадеше, Уттар-Прадеше, Пенджабе, Мадхья-Прадеше, Ассаме и Бихаре [200]. Но особенностью Индостанской кольцевой структуры является отсутствие в её пределах центральной активной зоны, что объясняется главным образом политической историей полуострова, на протяжении нескольких столетий представлявшего собой конгломерат разных по политическому статусу и уровню развитию территорий. Попытка «искусственного» формирования центральной активной зоны (ядра) в центре полуострова Индостан, предпринятая Индией в годы независимости, пока существенных результатов не принесла, но в центре Индостана сформировался мощный промышленный узел с центром в Нагпуре.

Можно проследить формирование кольцевой структуры на примере США. Но при этом следует учитывать, что в силу исторических особенностей центральная активная зона здесь расположена резко эксцентрично – на северо-востоке страны. Эта территория представляет собой «сердце» Соединённых Штатов. Отсюда началось заселение их нынешней территории, и здесь же началось индустриальное развитие США. Во второй половине XIX в. в Новой Англии и Средне-Атлантических штатах концентрировался промышленный и инновационный потенциал страны [45]. Краевые активные зоны непосредственно примыкали к центральной активной зоне, и расходились от неё вдоль Великих Озёр и Атлантического побережья. В XX в. краевые активные зоны продвигались вдоль всех побережий США – Тихоокеанского (штаты Калифорния, Орегон и Вашингтон), Мексиканско-

го залива (штаты Техас, Луизиана, Флорида), а также сухопутных границ с Мексикой и Канадой. Экцентричное положение центральной активной зоны на Северо-Востоке и значительная протяжённость краевых активных зон привело к тому, что на Юго-Западе, в Калифорнии, началось формирование активной зоны, которая также выполняет функции центральной. Крайне любопытной тенденцией пространственного развития США является формирования в пределах «исходного» Северо-Восточного ядра «квази-ядра», по А.П. Горкину – района с опережающими темпами производства и перестройки отраслевой структуры, включающего в свой состав Новую Англию, и главным образом её северные штаты [45]. Подобное развитие событий свидетельствует, во-первых, об устойчивости пространственной структуры общества, формируемой процессами самоорганизации (Северо-Восток в третий раз за историю США становится источником нововведений, в данном случае – перехода к постиндустриальному обществу), и во-вторых, является подтверждением действенности одного из основных положений концепции кольцевых структур о том, что разнообразие ресурсов определяет продолжительность существования кольцевой структуры и возможности её восстановления.

Но проявления действенности концепции кольцевых структур можно выявить и на примере не только Индии и США, но и других государств. Так, А. Ковальчук [212], исследуя зависимость социально-экономического развития от местоположения в ряде приграничных польских городов, обнаружил, что во всех этих городах отмечаются признаки полюсов роста польской экономики, затмевающие периферийность. Подобное развитие событий означает формирование в Польше кольцевой структуры государственного уровня, функции центральной активной зоны в которой выполняет Варшава, а краевая активная зона протягивается вдоль границ и побережья. Процесс формирования кольцевой структуры в Польше особенно интересен потому, что само Польское государство было создано в 1918 г. из частей территории трёх ранее существовавших государств, но система

пространственного взаимодействия, сформировавшаяся в межвоенной Польше, была полностью уничтожена в ходе «перекройки» границ в 40-е гг. (переход восточных окраин Польши под власть Советского Союза в 1939 г. и включение в её состав восточных районов Германии в 1945 г.).

Примеры действенности концепции кольцевых структур можно найти и на более низком, внутригосударственном уровне. Кольцевые структуры разной степени сформированности выделяются и в пределах субъектов Российской Федерации. Так, М.Ю. Присяжный [136] в ходе исследования хозяйственного освоения территории Республики Саха (Якутии) выявил, что наиболее высоким уровнем освоенности по улусам Якутии отличаются следующие: территории, подчинённые Якутскому, Мирнинскому и Нерюнгринскому горсоветам, а также Алданский, Оймяконский, Усть-Майский, Хангаласский и Томпонский улусы. Сам М.Ю. Присяжный, правда, отмечает, что выделенные им улусы с высоким уровнем освоения не образуют сплошного района или пояса, но в условиях Якутии это и невозможно. Однако перечисленные выше административные единицы Якутии чётко делятся на две группы – «центральные» (центральная активная зона, Якутский горсовет и Хангаласский улус), и периферийные (краевая активная зона, остальные вышеупомянутые улусы). Краевая активная зона чётче проявляется при анализе на уровне отдельных поселений, главные населённые пункты Якутии находятся на расстоянии 600 – 1000 км от Якутска (Тикси, Удачный, Мирный, Ленск, Нерюнгри, Усть-Мая, Чокурдах и др.).

Н.А. Лунёва [109], исследуя проблемы развития малых и средних городов Воронежской области, утверждает, что к городам с высоким экитическим потенциалом развития относятся Россошь, Лиски и Борисоглебск, а в качестве центров внутриобластных социально-экономических районов (ВСЭР) можно рассматривать также Павловск, Бутурлиновку, Калач, а также п.г.т. Анна. Однако большая часть городских поселений, предлагаемых Н.А. Лунёвой в качестве центров ВСЭР, за исключением

Лисок и Анны, находится на расстоянии 130 – 170 км от Воронежа, и представляет собой часть системы городов, расположенных на примерно таком же расстоянии от Воронежа и представляющих собой краевую активную зону Воронежской кольцевой структуры. В Белгородской области к таким городам относятся Валуйки и Старый Оскол, в Липецкой – Елец и Липецк, в Тамбовской – Мичуринск и Тамбов.

Кольцевые структуры могут быть выявлены не только на региональном, но и на локальном (внутригородском) уровне. Особенности взаимодействия в городах могут быть выявлены на основе изучения движения потоков грузов и пассажиров. Анализ пассажиропотока С.-Петербургского метрополитена (приложение 5) даёт возможность установить существование центральной активной зоны (на пересадочные узлы и центральные станции приходится 34% пассажиропотока, при том, что в среднем на одну станцию приходится 2033,8 тыс. пассажиров), краевой активной зоны (окраинные станции, на долю которых приходится 42% от общего объёма пассажиропотока, на одну станцию – 1520,9 тыс. пассажиров), и внутреннюю пассивную зону (прочие станции, на которые приходится 24% пассажиропотока, в среднем на одну станцию – 1129,4 тыс. чел.). Однако анализ взаимодействия частей С.-Петербурга между собой на основе сведений о движении пассажиров на метрополитене осложняется существованием «размыва», разделяющего 1-ю (Кировско-Выборгскую) линию.

Выводы

Концепция кольцевых структур требует не только собственного теоретико-методологического, но и методического аппарата. В качестве показателя, характеризующего положение территории в составе кольцевой структуры, предлагается использовать коэффициент взаимодействия (КВ), рассчитываемый на основе данных об освоённости территории, её доли в производстве продукции экономики и деятельности отраслей непрое-

ственной сферы, а также абсолютном значении этих показателей. Коэффициент взаимодействия, рассчитанный таким образом, показывает «температуру нагревания» региона, а соответственно – характеризует мощность протекающих в его пределах реакций общественного взаимодействия.

Действенность концепции кольцевых структур доказывается рядом примеров разного территориального уровня. На глобальном уровне чётко выделяется центральная активная зона (страны севера Северного полушария), пассивная зона (приэкваториальные страны) и краевая активная зона (страны юга Южного полушария). Перспективы развития мира в целом связаны в ближайшем будущем с формированием радиальных активных зон между (Американской, Азиатской и Африканской). В Европе выделяется три кольцевых структуры – Пиренейская, Западно-Европейская и Восточно-Европейская. Основа Западно-Европейской кольцевой структуры сформировалась во времена Германской империи 1870 – 1918 гг., и она представляет собой «фундамент» Евросоюза. Кольцевая структура государственного уровня существует на полуострове Индостан, включая в свой состав территории Индии, Пакистана и Бангладеш. Процесс формирования кольцевой структуры можно проследить на примере США; отмечаются тенденции к формированию кольцевой структуры в Польше.

В качестве примеров кольцевых структур внутригосударственного регионального уровня можно привести Якутскую и Воронежскую структуры. Существование кольцевых структур на локальном уровне подтверждается анализом движения пассажиров по станциям С.-Петербургского метрополитена. Для С.-Петербурга, как и для других городов страны, 90-е гг. были временем, когда решающее значение играли процессы самоорганизации. И действие этих процессов проявилось в том, что в пространственной структуре Петербурга чётко выделились центральная и краевые активные зоны, с разделяющей их внутренней пассивной зоной и соединяющими радиальными активными зонами.

Глава 3. Киевская Русь, Московское царство, Российская Империя: развитие кольцевых структур

§ 3.1. Формирование контуров (IX - XVIII вв.)

Началом формирования кольцевых структур на территории современной России можно считать V - VI вв. нашей эры, когда сформировалось два меридиональных пути, проходивших по рекам Восточно-Европейской равнины: Балтийско-Каспийский путь, связывавший Северную Европу и Средний Восток, и Балтийско-Черноморский путь, соединявший Северную Европу с Византией. К концу первого тысячелетия нашей эры уровень хозяйственного освоения территорий, примыкающих к этим путям, становится столь высоким, что здесь возникают города (Ладога, Великий Новгород, Белоозеро, Псков, Смоленск и другие). Можно предполагать, что в это же время или даже несколько раньше Балтийско-Черноморский и Балтийско-Каспийский пути соединяются между собой широтным путём, проходившим по рекам Десна и Ока. Но к XII в. движение как по обоим путям прекратилось. Причинами этого прекращения были военно-экономические. На Византию и мусульманские государства Передней Азии обрушились орды турок – сельджуков. Хозяйство этих стран было почти полностью разрушено, им просто нечем стало торговать с Северной Европой. Кроме этого, в Западной Европе императорам Священной Римской империи германской нации удается смирить «военную стихию», европейские реки и дороги становятся более безопасными, в связи с чем исчезает потребность в использовании обходных путей, каковыми в сущности были пути, послужившие основой для возникновения Киевской Руси.

Но процесс общественного развития, начавшийся с возникновением Балтийско-Черноморского и Балтийско-Каспийского путей, с их исчезновением не прекратился. В соответствии с логикой развития кольцевых

структур начинается формирование центральной активной зоны. В XII в. на Балтийско-Волжском и Волжско-Окском водоразделах основывается множество новых городов. Некоторые из них не сохранились до нашего времени, многие существуют до сего дня, будучи маленькими городами, если не селами, но каждый из этих городов мог стать центральной активной зоной Восточно-Европейской равнины и столицей Русского государства. В борьбе многочисленных городов и княжеств к середине XIII в. определилось два главных соперника - Москва и Тверь, шансы которых на обретение статуса центральной активной зоны были примерно равными. Но сочетание ряда случайностей привело к тому, что в первой половине XIV в. окончательно определилось преобладание Москвы. Первоначально Москва, как только что сформировавшееся центральная активная зона, в цивилизационном отношении представляла собой «плавильный котёл», сочетавший в себе черты нескольких цивилизационных общностей. Однако уже к концу XIV - началу XV в. Москва становится «генератором» новой, великорусской, цивилизационной общности. Начинается новый этап развития кольцевых структур России, когда центральная активная зона воздействует на краевые активные зоны. Москве легко удалось покорить водораздельные территории, частью которых она собственно и была.

Но установление власти Москвы над территориями, входившими в состав краевых активных зон, которые и дали жизнь московской цивилизации, было гораздо более длительным и сложным процессом. Существовавшие здесь цивилизационные общности сложились на несколько столетий раньше московской, и имели с ней очень мало общего. Любопытным и недостаточно исследованным пока вопросом является смена «киевской» цивилизации «московской». Славянско-варяжская цивилизация, сложившаяся в долинах крупных рек, постепенно вытесняется славяно-финно-угорской цивилизацией, формировавшейся на водоразделах. Во всяком случае, можно утверждать, что по мере продвижения власти Москвы менялся расово-антропологический тип населения Европейской России. По

данным краниологических исследования конца XIX в., для населения, жившего в Европейской России в IX – XI вв., была свойственная исключительно долихокефальность (длинноголовость), а в более поздние времена началось расширение брахикефальности (круглоголовости) [154]. Покорение «приречных» территорий завершилось лишь в конце XV - начале XVI в., с включением в состав Московского государства Псковской земли на северо-западе (1510 год) и Рязанского княжества на юго-востоке (1521 год). Знаменитое письмо псковского монаха Филофея «...Москва – третий Рим, а четвёртому не бывать...» можно рассматривать не только в качестве «хвалебной оды» Москве, но и как своеобразное признание «капитуляции» киевско-новгородской цивилизации перед московской.

Краевые активные зоны начинают проявлять стремление к движению вовне. Наиболее простым это движение было для северного сегмента краевой активной зоны, движение которого не сталкивалось с противодействием каких бы то ни было государственных образований. Север Европейской России (Псков, Новгород, Вологда) постепенно становится самой развитой частью Московской Руси XVI в., её “сердцем”. Более сложным было продвижение на других направлениях, но и здесь краевые активные зоны Европейской России обнаруживали стремление к перемещению.

В XVII в. статус Москвы как центральной активной зоны был твёрдо закреплён. Основу восточного сегмента краевой активной зоны к XVII в. представляли собой Волга до впадения в неё Оки. Примерно по линии Вологда - Псков располагался северный сегмент краевой активной зоны Европейской России, представлявший собой наиболее развитую и освоенную часть территории государства. На протяжении нескольких столетий в пределах этой территории располагались крупные торговые города - Великий Новгород, Псков, позднее Вологда. По уровню цивилизационного развития северный сегмент уступал лишь Москве. и превосходил другие сегменты краевой активной зоны. Западный сегмент краевой активной зоны Европейской России был вытянут вдоль западной границы Московского госу-

дарства XVII в., которая в общих чертах соответствует западной границе нынешней Российской Федерации. Развитие западного сегмента определялось как торговыми, так и военными потребностями, и в целом развитие запада России в XVII в. шло быстрыми темпами. К середине XVII в. южный сегмент краевой активной зоны Европейской России смещается от Оки к «засечным чертам».

В конце XVI в. пределы московских владений на востоке резко расширяются, и включают в свой состав Сибирь. Первоначально освоение Сибири шло по двум направлениям - северному, через полярные моря, и южному, по рекам Волжского и Обь-Иртышского бассейнов. Известно и то, что путь через полярные моря («мангазейский ход») был запрещён в 1620 г.

Начало XVIII в. ознаменовано продолжением формирования кольцевой структуры Европейской России, связанным с победой в Северной войне 1700 - 1721 гг. После победы над Швецией и укрепления власти России на отвоёванных землях северная часть западного сегмента смещается к побережью Балтийского моря, что способствует ускорению цивилизационного развития примыкающих к морю территорий. Но одновременно с продвижением к морю внешней границы северной части западного сегмента смещается и его внутренняя граница, что вводит входившие в его состав территории (Новгород, Псков) в состояние стагнации. Однако Петербург, даже будучи объявлен столицей, так и не приобрёл значения центральной активной зоны. Развитие его требовало мощного и направленного привлечения ресурсов из других частей государства, что привело к фактической ликвидации северного сегмента краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России (Псков - Вологда).

Большие изменения в составе кольцевых структур России были связаны с началом горнопромышленного освоения Урала. Урал, на протяжении всего XVII в. выполнявший исключительно функции транзитного региона, формирует собственную кольцевую структуру. Уральская кольцевая

структура на протяжении всего XVIII в. непрерывно расширялась. Функции центральной активной зоны выполнял Екатеринбург.

Во второй половине XVIII в. кольцевая структура Европейской России претерпевает существенную трансформацию, связанную с включением в состав России новых территорий. Присоединение и окончательное закрепление за Россией побережья Чёрного и Азовского морей, происходящее на 70-е - 90-е гг. XVIII в., привело к тому, что южный сегмент краевой активной зоны Европейской России стал обнаруживать устойчивую тенденцию к смещению на юг. Причерноморские и приазовские степи стали распахиваться, а произведённый здесь хлеб вывозится через порты Черноморского побережья. Но в конце XVIII в. подобное развитие событий лишь намечилось, ярко проявившись в первой половине XIX в.

§ 3.2. XIX в.: территориальный рост и качественная трансформация

В первой половине XIX в. в движение приходят все сегменты краевой активной зоны Европейской России (западный, южный, восточный и северный). Движение Западного сегмента было связано со включением в состав России новых территорий - Царства Польского. Если в XVIII в. на запад, в пределы Прибалтики, сместилась северная часть западного сегмента, то в с присоединением Царства Польского в движение пришла его центральная часть. Южный сегмент краевой активной зоны Европейской России окончательно сместился в Причерноморье, в связи с чем территория Центрального Черноземья вступила в стадию “цивилизационной деградации”.

Уже к началу XIX в. возможности расширения восточного сегмента, особенно северной его части, на восток были практически исчерпаны. Организующей осью этого сегмента была Волга, и для развития его водные

пути имели преобладающее значение. Но вследствие этого именно водоразделы были естественными границами сегмента. Там, где водоразделы были ближе всего к Волге, “предельная плотность” насыщения связями достигалась очень быстро, поэтому именно с востока началось поглощение внутреннего внутренней пассивной зоны, отделявшего восточный сегмент от центральной активной зоны Европейской России - Москвы.

С этой точки зрения легко объяснимо и формирование Иваново-Вознесенского промышленного района. Этот район расположился к северо-востоку от Москвы, между Москвой и Ярославлем. Поглощение внутренней пассивной зоны здесь началось уже во второй половине XVIII в., что определялось совместным действием двух факторов: во-первых, именно на этом направлении в то время плотность взаимодействия была чрезвычайно высокой (Ярославль был главным торговым городом на Средней и Верхней Волге, и его значение в этом качестве стало снижаться лишь к концу XVIII в.), и во-вторых, волжско-северодвинский водораздел здесь проходит неподалёку от Волги. Северный сегмент краевой активной зоны Европейской России в первой половине прошлого столетия по сути формировался заново, и он был значительно меньше по размерам, чем Северный сегмент XVII в.

Всё вышеизложенное можно подтвердить сведениями об изменении численности населения крупных районов Европейской России. Так, численность населения Новороссийских губерний (Северное Причерноморье), представлявших собой южный сегмент краевой активной зоны Европейской России, за 1811 - 1863 гг. увеличилась в 2,8 раза (с 1,8 млн. чел. до 5,1 млн. чел.); за тот же период население Центрального Земледельческого краевая активная зона (пассивная зона) возросло в 1,3 раза (с 9,1 млн. чел. до 12 млн. чел.). В Приозерном крае (северо-запад нынешней России) численность населения за то же время увеличилась в 1,3 раза, но увеличение численности населения по отдельным губерниям этого края отличалось ярко выраженной контрастностью. Так, в Петербургской губернии (запад-

ный сегмент краевой активной зоны) за это время увеличилась почти в 2 раза (с 600 тыс. чел. до 1174 тыс. чел.). В Новгородской губернии численность населения за 1811 - 1863 гг. выросла с 766 тыс. чел. до 1006 тыс. чел., а в Олонецкой с 245 тыс. чел. до 296 тыс. чел. Но в Псковской губернии, представлявшей собой часть внутренней пассивной зоны, которая с начала XVIII в. находилось в состоянии стагнации, эти же годы отмечены сокращением численности населения с 782 тыс. чел. до 719 тыс. чел. [141].

Кольцевая структура Урала продолжала развиваться обособленно как от Европейской, так и от Азиатской России. Кольцевая структура Азиатской России в первой половине XIX в. характеризовалась более выраженными тенденциями к “расчленению”, чем в XVIII в. В первой половине прошлого столетия уже можно выделить две относительно самостоятельные кольцевые структуры - Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую, при этом более быстрыми темпами развития отличалась Западно-Сибирская. Так, в первой половине XIX в. в Западной Сибири начала складываться кольцевая структура, основу которой составляли реки - Обь и Иртыш. Обе реки своим верхним течением заходят в пределы Алтая (Обь - Горного, Иртыш - Рудного), и сливаются в центральной части Западно-Сибирской равнины.

Во второй половине XIX в. кольцевая структура Европейской России достигает предела своей “территориальной экспансии”.

Функции центральной активной зоны продолжала выполнять Москва, причём во второй половине XIX в. её значение увеличивалось чрезвычайно быстро. В 1867 – 1897 гг. численность населения Москвы выросла с 351 609 чел. до 1 035 664 чел., т.е. увеличилась почти в 3 раза. В конце XIX в. Москва уступала по численности населения Петербургу (1 267 023 чел. в 1897 г.), но численность населения Петербурга росла медленнее (в 1867 – 1897 гг. в 2,3 раза) (рассчитано по [153]). Промышленное производство в Москве также росло более быстрыми темпами, чем в Петербурге. В конце XIX – начале XX вв. Москва опережала Петербург по числу фабрик и за-

водов, а также численности рабочих, а к 1914 г. опередила Петербург и по объёму выпуска продукции фабрично-заводской промышленности (665 009 тысяч рублей и 476 768 тысяч рублей соответственно) [78].

Краевая активная зона кольцевой структуры Европейской России приобрела устойчивые очертания, а западный сегмент её имел трансграничный характер: в его состав входили приграничные территории России, Германии и Австро-Венгрии. Исходя из закономерностей развития кольцевых структур, по достижении предела территориального расширения начинается устранение фрагментации краевой активной зоны. Именно этот процесс и начался в самом освоенном Западном сегменте. Пассивная зона поглощалась как на севере сегмента (вдоль побережья Балтийского моря, русско-германской и русско-австрийской границы), так и на юге (вдоль границы России с Австро-Венгрией, от Одессы к Львову). Бурное развитие территорий, входивших в состав краевой активной зоны, подтверждается, в числе прочего, данными о росте численности населения городов, расположенных в её пределах. Население Варшавы выросло за 1867 – 1897 гг. со 181 до 638 тыс. чел. Население Лодзи за тот же период увеличилось без малого в 10 раз, с 32 до 315 тыс. чел. Население Риги выросло с 77 до 282 тыс. чел., , Киева с 68 до 247 тыс. чел., Одессы со 119 тыс. до 405 тыс., Екатеринослава с 20 тыс. до 121 тыс. чел., Ростова-на-Дону с 29 тыс. до 120 тыс., Царицына с 8,5 тыс. до 56 тыс., Иваново-Вознесенска с 1,4 тыс. до 54 тыс. [153].

“Промышленный переворот” в принадлежавшем России Царстве Польском и германской Верхней Силезии завершился практически одновременно, в 70-е - 80-е гг. XIX в. [87, 94]. Оба этих района, Царство Польское и Силезия, будучи одними из ведущих индустриальных регионов своих стран, образовывали единый территориальный массив, входивший в состав западного сегмента краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России и восточного сегмента - Германии. Следует отметить, что свободное движение рабочей силы и капиталов, трансграничное хозяй-

ственное взаимодействие, формирование межгосударственных экономических районов и т.д., то, что сейчас относится к достижениям европейской интеграции, существовало ещё до I мировой войны и было утрачено впоследствии. «Первая мировая война положила конец эпохе «открытых границ»... «Мир 1913 года», как Афины времён Перикла, стал во многих отношениях моделью цивилизации. 1913 год представляет собой целую эпоху» [165].

Выявить уровень контрастности территорий, входивших в состав активных и пассивных зон, можно на примере трёх губерний Европейской части России: Псковской, территория которой находилась в пределах внутренней пассивной зоны со времени смещения краевой активной зоны к побережью Балтийского моря (XVIII в.), Лифляндской, входившей в состав западного сегмента краевой активной зоны с XVIII в., и Эстляндской, вошедшей в его состав в ходе устранения фрагментации краевой активной зоны во второй половине XIX в. Площадь Псковской губернии составляла 38,8 тыс. кв. вёрст, население 1 275 тыс. чел., из них городского 82 тыс. чел., или 6%. Фабрик и заводов здесь было 107 при 3 тысячах рабочих, с годовой производительностью в 1900 г. на 3,5 млн. руб. Грамотных в Псковской губернии было 15%. Площадь Лифляндской губернии составляла 42,7 тыс. кв. вёрст, при населении 1 411 тыс. чел. Но городское население Лифляндской губернии составляло 413 тыс. чел., т.е. в 5 раз больше, чем в Псковской губернии. Фабрик и заводов было 514 с годовой производительностью в 85 млн. руб., в 28 раз больше, чем в Псковской губернии. Грамотным было 78% населения. В Эстляндской губернии, при площади в 18 тыс. кв. вёрст и населении 455 тыс. чел., годовая производительность 564 фабрик и заводов составляла 41 млн. руб. Грамотность доходила до 80% [149].

Смыкание краевой активной зоны через Польшу, Галицию и Подолью подтверждается и данными о производстве промышленной продукции в губерниях и областях Российской Империи. Подольская губерния в 1896

г. занимала по общему объёму промышленного производства 12-е место в Империи, несколько опережая даже Харьковскую губернию (в Подольской губернии было произведено продукции на 58 млн. руб., а в Харьковской – на 51 млн.) [154].

Но ускоренное развитие окраинных районов и замедленное – внутренних было характерно не только для западного, но и для южного сегмента краевой активной зоны. Его развитие было ещё более быстрым, чем Западного сегмента. Во второй половине XIX в., с окончанием Кавказской войны, выявился обширный ареал “территориальной экспансии” южного сегмента - Северный Кавказ. Так, М.К. Любавский утверждает следующее: “...Гражданская колонизация Терской области пошла усиленными темпами с конца 60-х гг. XIX в. В последние десятилетия численность населения Терской области быстро возрастала: в 1886 г. в области проживало 692 494 чел., а в 1897 г. уже 933 485 чел., за 11 лет население увеличилось почти на 35%...” [112]. Значение Юга в экономическом развитии страны всё более усиливается, и концу XIX в. территории, входящие в его состав, становятся ведущими производителями как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции в стране. Экономический рост сопровождается и резкой трансформацией социальной сферы - Юг становится ведущим центром “русской имперской” культуры, что прослеживается по географии литературы. Если в первой половине XIX в. большая часть русских писателей происходила либо была с Центральной Россией в целом и Центральным Черноземьем в частности, то к концу прошлого столетия на ведущие позиции в русской литературе вышли литераторы Юга (Причерноморье и Приазовье).

Восточный сегмент развивался медленнее, чем Западный и Южный, но тем не менее его развития продолжалось. Развитие восточного сегмента, так же, как и южного, во многом обеспечивалось за счёт Центрального Черноземья. Это явления было выявлено уже в начале нашего столетия. А.И. Рыков в 1925 г. говорил, что: “...Возвышение Поволжья в качестве

края, производящего хлеб ... происходило одновременно с т.н. оскудением центра... Наши центральные районы...раньше имели большую посевную площадь и играли большую роль в производстве хлеба... Посевная площадь этих районов сокращалась с конца XIX в. из года в год, и своего кульминационного пункта это сокращение достигло за несколько лет до начала войны... Затем стал намечаться обратный процесс...” [156]. “Обратный процесс”, представлявший собой в сущности усиление значения Центрального Черноземья в хозяйстве страны, легко объясним с точки зрения концепции кольцевых структур. Связано это было с формированием радиальной активной зоны, соединяющей краевую активную зону с центральной.

Северный, наименее освоенный сегмент краевой активной зоны, во второй половине прошлого века застыл в своём развитии, что определялось сокращением значения водных путей, которые определяли само развитие сегмента, в жизни России.

Уральская кольцевая структура во второй половине прошлого столетия развивалась, опираясь в целом на те же основы, что и в первой половине века. Два сегмента краевой активной зоны, Западный и Восточный, были разделены фрагментами внутренней пассивной зоны на севере и юге Урала. При этом западный сегмент развивался гораздо быстрее восточного, но внутри этого сегмента происходит трансформация системы взаимодействия. В конце прошлого века резко возрастает значение Перми и Уфы, городов, через которые осуществлялось сообщение Урала, а частично - и Сибири, с Европейской Россией. Резкий рост значения Перми приходится на 80-е гг. прошлого века, а Уфы - на 90-е гг. В обоих случаях это связано с созданием новых транспортных магистралей (Уральской и Транссибирской железных дорог соответственно). К концу прошлого века относится и начало устранения фрагментации краевой активной зоны Уральской кольцевой структуры, особенно чётко проявившееся на юге региона. Северный участок внутренней пассивной зоны поглощался гораздо медленнее, но по-

степенное смыкание Западного и Восточного сегментов осуществлялось и здесь (Богословские заводы).

На востоке Уральская кольцевая структура частично перекрывалась с Западно-Сибирской кольцевой структурой, окончательно сформировавшейся к концу XIX в. в результате разделения единой кольцевой структуры Азиатской России. Функции центральной активной зоны здесь выполнял Омск. Если в 1863 г. население Омска, бывшего почти исключительно «административным» городом, составляло 19,5 тыс. чел., то в 1914 г. 134,8 тыс. чел. [141].

Развитие Восточной Сибири шло крайне медленно. Иркутск, на протяжении двух столетий (XVIII – XIX вв.) выполнявший функции «столицы Сибири», постепенно терял своё организующее значение. Численность населения Иркутска выросла в 1867 – 1897 гг. с 28 тыс. до 51 тыс. чел., или в 1,8 раза, что для России конца XIX в. – медленный рост. Восточно-Сибирская кольцевая структура постепенно «растаскивалась» между Западно-Сибирской структурой и сформировавшейся лишь в самом конце XIX в. Дальневосточной. Города Западной Сибири росли быстро (численность населения Барнаула выросла в 1867 – 1897 гг. в 2,6 раза, с 11 тыс. до 29 тыс. чел., Томска в 2,5 раза, с 21 до 52 тыс. чел.), но города на юге Дальнего Востока росли ещё быстрее. Так, численность населения Благовещенска выросла в 1867 – 1897 гг. с 2,1 до 32,6 тыс. чел., т.е. примерно в 16 раз [153].

Дальневосточная кольцевая структура, включавшая в свой состав не только юг русского Дальнего Востока, но и Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Таким образом, Дальневосточная кольцевая структура имела трансграничный характер. Дальний Восток в начале нашего столетия был «не совсем Россией», что очень чётко ощущалось современниками. «...От Дальнего Востока веет чем-то заграничным, чем-то американским. Он кажется самостоятельным народнохозяйственным и бытовым организмом, во многом отличным от того, что мы видим в разных частях западной

и средней Сибири...” [83]. Особое значение имел Харбин, выполнявший функции центральной активной зоны Дальневосточной кольцевой структуры. “...Выросла новая столица, вырос новый город американского типа, властелин и хозяин Дальнего Востока. Харбин - это символ...” [83]. Харбин действительно был символом, символом русской власти в Азии, центром Китайско-Восточной железной дороги, ставшей основой для закрепления России в Северном Китае. Чрезвычайно быстрое развитие Харбина определялось тем, что город, невзирая на всю “искусственность” своего возникновения, формировался как центральная активная зона естественной кольцевой структуры, не переходившей, как другие кольцевые структуры России, с одной стадии на другую, а буквально “перепрыгивавшей” через них. Единство русско-маньчжурской кольцевой структуры обеспечивалось и полной “прозрачностью” русско-китайской границы. В Северной Маньчжурии жило до 200 тыс. русских [164].

§ 3.3. Начало XX века: апогей и финал естественного развития

Статистика дореволюционной России позволяет определить уровень развития губерний и областей России, а соответственно выявить контуры и определить направленность развития её кольцевых структур (приложения 6, 7 и 8).

Ясно видна кольцевая структура Европейской России. Чётко выделяется центральная активная зона этой кольцевой структуры - Московская губерния. Коэффициент взаимодействия (КВ) Московской губернии в 1904 году составлял немногим менее 2166, а в 1913 году более 4606, увеличившись за 9 лет в 2,1 раза. Можно предполагать, что нарастание коэффициента взаимодействия Московской губернии происходило главным образом за счёт Москвы.

Центральная активная зона (Московская губерния) отделялась от краевой активной зоны внутренней пассивной зоной, наибольших размеров достигавшей в западной и северо-западном направлении от Москвы, а наименьшей – в восточном и северо-восточном. О некоторых губерниях, входивших в состав пассивных зон, уже упоминалось выше. Следует отметить, что по всем направлениям от Москвы прослеживалась одна и та же закономерность - снижения коэффициента взаимодействия на территориях, окружающих Московскую губернию, и его последующее повышение. Так, к западу от Московской губернии это выглядело следующим образом: КВ Московской губернии - 4606, Смоленской губернии - 296, Витебской губернии - 230, Минской губернии - 228, Гродненской губернии - 289, Седлецкой губернии - 72, Варшавской губернии - 2011 (все данные на 1913 год).

Так же чётко, как центральная активная зона, выделяется краевая активная зона Европейской России. Коэффициент взаимодействия Петербургской губернии в 1904 году составлял примерно 1126, а в 1913 году 1866. Для соседних с Петербургской губерний, входивших в состав пассивных зон, эти показатели составляли: для Псковской губернии 62 в 1904 году и 98 в 1913 году, и для Новгородской губернии 39 и 63 соответственно. Однако западный сегмент краевой активной зоны, протянувшийся вдоль всей западной границы Империи, и обеспечивавший взаимодействие нашего государства с Германией и Австро-Венгрией, вследствие своей большой протяжённости отличался достаточно высоким уровнем фрагментации. Так, Петербургскую губернию от Лифляндской (КВ в 1904 году 329, в 1913 году 465), отделяла Эстляндская губерния с коэффициентом взаимодействия 81 в 1904 году и 157 в 1913 году; от высоко развитых губерний Царства Польского Лифляндию отделяли губернии, примерно равные по уровню развития Эстляндской губернии (КВ Курляндской губернии в 1913 г. составлял 186, Виленской 219, Ковенской 212). Краевая активная зона кольцевой структуры Европейской России продолжалась на

территории Германии, и следующим его сегментом вслед за Лифляндией была Восточная Пруссия.

К югу от Восточной Пруссии организующей осью западного сегмента становилась Висла. Петроковская губерния (Лодзинский промышленный район) отличалась наиболее высокими показателями КВ изо всех губерний и областей Российской Империи - в 1904 году 3898 и в 1913 году 7057. Варшавская губерния уступала по этому показателю Петроковской, но и её коэффициент взаимодействия был чрезвычайно высоким - в 1904 году 1526 и в 1913 году 2011. Далее краевая активная зона вдоль Вислы уходил в пределы Австро-Венгрии, к Кракову, резко расширяясь вдоль Карпат на запад, в Силезию, и на восток, к Львову, через Галицию и Подолию вновь переходя в пределы России. Так, коэффициент взаимодействия Подольской губернии составлял в 1904 году 1083, а в 1913 году 1458; далее краевая активная зона переходила в пределы причерноморской Херсонской губернии. КВ Херсонской губернии в 1904 году составлял 696, а в 1913 году 1209.

Уровень фрагментации в южной части краевой активной зоны был ниже, чем в северной, но тем не менее эта фрагментация существовала. Коэффициент взаимодействия Таврической губернии, расположенной к востоку от Херсонской, составлял в 1913 году 299, но в соседней Екатеринославской губернии этот показатель возрастал скачкообразно как в территориальном, так и во временном отношении. КВ Екатеринославской губернии в 1904 году составлял 1404, а в 1913 году 3758, увеличившись за это время в 2,7 раза. Здесь достаточно рано сформировалась тенденция к движению внутренней границы краевой активной зоны вглубь страны, и движение это осуществлялось главным образом вдоль двух рек - Днепра и Северского Донца, что проявлялось в нарастании коэффициента взаимодействия Киевской и Харьковской губерний соответственно. Так, КВ Киевской губернии в 1904 году составлял 810, а в 1913 году 1267; Харьковской губернии 460 и 619 соответственно. К востоку от Екатеринославской

губернии краевая активная зона продолжался в пределы Области Войска Донского, коэффициент взаимодействия которой в 1904 году составлял 227, а в 1913 году 591. С территории Области Войска Донского краевая активная зона переходила в Саратовскую губернию, далее продолжаясь на север вдоль Волги. Коэффициент взаимодействия Саратовской губернии составлял 388 в 1904 году и 468 в 1913 году. Следует отметить, что особенности тогдашнего административно-территориального устройства России позволяют утверждать, что уровень КВ Саратовской губернии характеризует развитие Приволжья, поскольку Заволжье входило в состав Самарской губернии, КВ которой в 1913 году составлял в 1913 году 268. Следует отметить, что вниз по Волге краевая активная зона не продолжался, что явствует из значения КВ Астраханской губернии - 20 (1913 г.). У западных соседей Саратовской губернии, Тамбовской и Пензенской губерний, КВ в 1913 г. составлял 253 и 294 соответственно, т.е. ниже, чем в Саратовской губернии.

Вдоль Волги краевая активная зона поднималась на север, но здесь, так же, как и в других сегментах этого краевая активная зона, отмечался достаточно высокий уровень фрагментации. Так, КВ Симбирской губернии в 1913 году составлял 236, Казанской губернии 481 и Нижегородской губернии 321. Сложнее всего выделить северный сегмент краевой активной зоны Европейской России, связующее звено между Западным и Восточным сегментами. Губернии Северной России были очень большими по площади, включали в свой состав разнородные в хозяйственном отношении территории, и проследить по губернским статистическим данным северный сегмент попросту невозможно. Можно лишь утверждать, что этот сегмент должен был включать в свой состав восточную часть территории Новгородской губернии (КВ губернии в 1913 году 53) и южной части Олонекской губернии (КВ губернии в 1913 году 6). К этому же сегменту можно отнести и западную часть Вологодской губернии (КВ губернии в 1913 году 15). Но при этом однозначно, что северный сегмент отличался самой низ-

кой степень сформированности изо всех сегментов краевой активной зоны Европейской России.

Уральские губернии, разграничивавшие Европейскую Россию и Сибирь, развивались быстрыми темпами. Так, КВ Пермской губернии в 1904 году составлял 253, а в 1913 году 403. Оренбургская губерния имела в начале века уровень развития более низкий, чем Пермская, но развивалась более быстрыми темпами. КВ Оренбургской губернии в 1904 г. составлял 71, а в 1913 году 150. Однако две эти губернии (Пермская и Оренбургская) включали в свой состав весь Средний и Южный, а частично и Северный Урал, поэтому анализ статистических данных по губерниям в данном случае не даёт возможности выявить начертание кольцевых структур. Кольцевая структура Урала выявляется на основе анализа косвенных данных, в частности исследования системы населённых мест и путей сообщения этой территории.

Показатели КВ, определённые для губерний и областей Сибири и Дальнего Востока начала века - очень низкие. Из западносибирских губерний, Тобольской и Томской, более высокими значениями КВ характеризовалась Томская губерния (восточная часть Западной Сибири): в 1904 году - 45, и в 1913 году - 98. Соответствующие показатели Тобольской губернии были значительно ниже: в 1904 г. - 10 и в 1913 году - 20. Столь резкое отличие объясняется несколькими факторами. Во-первых, Тобольская губерния значительно превосходила Томскую по площади. Во-вторых, в пределах Томской губернии гораздо выше разнообразие природных условий и сложнее структура хозяйства. Если в Тобольской губернии основными направлениями хозяйственной деятельности начала века были сельское хозяйство и торговля, то в Томской губернии большую роль играла промышленность.

В восточносибирских губерниях, Енисейской и Иркутской, а также Забайкальской области, значения КВ были заметно ниже, чем в западносибирских, но развитие Восточной Сибири шло быстрее, чем Западной.

Так, коэффициент взаимодействия Енисейской губернии в 1904 году составлял 0,5, а в 1913 году 2,3. Таким образом, за исследуемый период этот показатель вырос здесь более чем в 4 раза, хотя и оставался чрезвычайно низким. В Иркутской губернии положение было несколько иным. КВ Иркутской губернии в 1904 г. составлял 0,8, а в 1913 году 4,5 (рост больше чем в 5 раз). В Забайкальской области показатель КВ был самым высоким в Восточной Сибири: в 1904 г. 7, в 1913 г. 28. Столь резкое преобладание Забайкальской области над Енисейской и Иркутской губерниями определялось тремя основными обстоятельствами: высоким уровнем развития добывающей промышленности (Нерчинские заводы), благоприятными условиями для развития сельского хозяйства (степи Даурии) и чрезвычайно выгодным транспортно-географическим положением её центра, Читы. Кроме этого, в пределах Забайкальской области перекрывались две кольцевые структуры, Восточно-Сибирская и Дальневосточная.

Как уже говорилось выше, Дальневосточная кольцевая структура формировалось на территории двух государств - России и Китая. К сожалению, определить с помощью предлагаемой методики коэффициент взаимодействия китайской части этой кольцевой структуры (Маньчжурии) невозможно, можно лишь выделить центральная активная зона - Харбин. Однако в русской части Дальнего Востока изменение коэффициента взаимодействия было следующим: Приморская область - 1904 г. - 0,2, 1913 г. - 1,1 (в обоих случаях без учёта Сахалинской и Камчатской областей, выделенных из состава Приморской области в 1909 г.), Амурская область - 0,7 в 1904 г. и 2,5 в 1913 году. Таким образом, области юга Дальнего Востока развивались столь же динамично, как и другие части Азиатской России, при этом Приморская область характеризовалась более высокими темпами развития. Коэффициент взаимодействия этой области вырос за исследуемый период, 9 лет, вырос больше чем в 5 раз. Уровень освоенности (коэффициент взаимодействия) областей севера Дальнего Востока был крайне низок и рос очень медленно. Так, КВ Якутской области в 1904 г. составлял

0,2, а в 1913 г. 0,25. Северные окраины государства вообще отличались очень низкими значениями коэффициента взаимодействия (собственно, то же положение сохраняется и в настоящее время), представляя собой своеобразные “экономические острова”.

На южных окраинах положение было несколько иным. Значение КВ в губерниях и областях Закавказья и Средней Азии было достаточно высоким, но определялось оно преимущественно показателем популяционного взаимодействия (ПВ). Единственной южной губернией, где значение КВ определялось показателем общественного взаимодействия (ОВ), была Бакинская, специализировавшаяся на нефтедобыче. КВ Бакинской губернии в 1904 году составлял 229, а в 1913 году 317. Но для других закавказских губерний значение КВ было относительно невелико, и менялось почти такими же темпами, как и в Бакинской губернии: в Тифлисской губернии 81 в 1904 г. и 116 в 1913 г., в Эриванской губернии 139 в 1904 году и 224 в 1913 г.

В среднеазиатских владениях России положение было примерно таким же, как и в Закавказье. Но здесь показатель КВ рос намного быстрее, чем в Закавказье, потому что в Средней Азии увеличивался как показатель ПВ (причем как в русских, так и в туземных областях), так и показатель ОВ, что было связано с вовлечением региона в систему общероссийского разделения труда. Так, в Семиреченской области, где русские составляли значительную часть населения, показатель КВ вырос в 1904 - 1913 гг. с 3,5 до 8,5, или в 2,4 раза. За тот же период в туземной Самаркандской области КВ увеличился с 8 до 29, или в 3,6 раза.

Анализ трансформации коэффициентов взаимодействия губерний и областей Российской Империи в начале XX в. свидетельствует о несоответствии действительности следующего утверждения: «Имперская форма территориально-политической организации служила препятствием для ... динамического прогресса. Зависимые от метрополий территории лишались импульсов к собственной инновационной активности, и метрополиям

обеспечивался верный путь к застою» [51, с. 119]. Как центральные, так и краевые активные зоны всех кольцевых структур, сформировавшихся на территории России к началу XX в., обнаруживали вполне устойчивое стремление к «динамическому прогрессу», причём развитие «окраинных» кольцевых структур (в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии) шло во взаимодействии с «метрополией» (Европейской Россией), но не управлялось ею.

Выводы

Началом формирования кольцевой структуры Европейской России можно считать V – VI вв., когда сформировалось два меридиональных пути, проходивших через эту территорию: Балтийско-Черноморский и Балтийско-Каспийский. Позднее, в IX – X вв., эти два пути соединяются широтным путём, проходившим по рекам Десна и Ока. В начале второго тысячелетия начинается формирование центральной активной зоны, на роль которого претендовали множество городов, основанных практически одновременно, в XII в. Сочетание ряда случайностей приводит к тому, что центральной активной зоной становится Москва. В XIII – XIV вв. уже центральная активная зона начинает воздействовать на краевые активные зоны, послужившие основой для его формирования. К концу XV в. контуры кольцевой структуры Европейской России складываются окончательно, вычленяются три её основные части (центральная активная зона, внутренняя пассивная и краевая активная зона). В XVI – XVIII вв. в соответствии с логикой развития кольцевых структур эта структура расширяется, причём смещение краевых активных зон приводит, как и следует ожидать, к ускорению развитию включаемых в их состав территорий и замедлению – оставаемым. Расширение кольцевой структуры Европейской России останавливается лишь в первой половине XIX в. Одновременно с расширением этой кольцевой структуры формируются другие - Уральская, Сибирская,

постепенно разделяющаяся на две – Западно- и Восточно-Сибирскую, Дальневосточная.

Развитие кольцевой структуры Европейской России в XIX – начале XX века заключалось, во-первых, в качественной трансформации центральной и краевых активных зон, и во-вторых, в устранении фрагментации краевых активных зон, заключавшемся в выравнивании уровня общественного развития окраинных регионов Европейской России (Прибалтики, Польши, Причерноморья, Приазовья, Поволжья). На Дальнем Востоке во второй половине XIX в. сформировалась новая кольцевая структура, не переходившая с одного этапа развития на другой, а буквально «перепрыгивавшая» через них. Центральной активной зоной этой кольцевой структуры был Харбин, город, основанный русскими при пересечении КВЖД и реки Сунгари, а краевой активной зоной – владения и концессии России на Дальнем Востоке. Дальневосточная кольцевая структура, так же, как и кольцевая структура Европейской России, имела трансграничный характер, что способствовало их развитию.

Глава 4. Советский Союз: разрушение и самовосстановление кольцевых структур

§ 4.1. 20-е – 30-е гг.: попытки восстановления и переход к нуклеарным структурам

Первая мировая война, революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война коренным образом изменили характер развития России. Перестала существовать российская “царская” цивилизация, о которой Т.Г. Масарик, первый президент независимой Чехословакии, отзывался следующим образом: “...Царизм сумел цивилизовать Россию в грубых чертах, т.е. дать европейские возможности дворянству, бюрократии, офицерству, но мужик и солдат - мужик - Россия - жили вне этой царской цивилизации, а потому и не защищали её, когда во время войны она не смогла сама удержать себя, благодаря своей скудости и внутренней нищете...”. [113]. Безусловно, оценка Масарика, сугубо “прозападно” настроенного политического деятеля, несколько преувеличена, но во многом и справедлива.

Восстановление народного хозяйства после Гражданской войны, собственно и заключавшееся в восстановлении активных зон, должно было опираться на пассивные зоны. Ничего необычного в этом, конечно же, нет. Так, князь В. Львов уже в 1922 г. утверждал, что “...Революция, оторвавшись от идеи, войдёт в русло исторической необходимости, подчиняясь цепи естественных законов, управляющих природой страны, в которой революция произошла...” [111]. Видимо, в данном случае можно говорить не только и не столько о естественных законах, сколько об общественных, имеющих, так же, как и естественные, “территориальную локализацию”. В данном случае речь идёт о закономерностях развития кольцевых структур.

Перед руководством Советской России встала дилемма: восстанавливать систему экономического взаимодействия, существовавшую в Рос-

сийской Империи, либо формировать новую, «советскую», систему. Безусловно, в те годы подобным образом эта проблема не формулировалась, но реально она существовала. Проявлением этой проблемы в деятельности высших органов государственной и партийной власти была дискуссия о перманентной революции. Сторонники идеи “перманентной революции” склонялись к тому, чтобы силой восстановить границы бывшей Империи, завоевав при этом ещё несколько стран. Они очень чётко осознавали отсталость России и её место в системе международного разделения труда. Так, Л.Д. Троцкий утверждал следующее: “...Динамическое равновесие советского хозяйства ни в коем случае нельзя мыслить, как равновесие замкнутого и самодовлеющего целого. Наоборот, чем дальше, тем больше внутреннее хозяйственное равновесие будет поддерживаться работой экспорта и импорта...” [179]. Их противники, полагавшие возможным “строительство социализма в отдельно взятой стране”, считали необходимым создание новой пространственной системы социально-экономического взаимодействия.

В 1920-е гг. в развитии Советской России преобладали инерционные тенденции. Как во внутренней, так и во внешней политике чётко прослеживается стремление к восстановлению западного сегмента краевой активной зоны Европейской России. Внешнеполитическими действиями, свидетельствующими об этом, являются война с Польшей и установление мирных отношений с прибалтийскими государствами (1920 г.). Столь разные способы восстановления западного сегмента объясняются в первую очередь разными отношениями с государствами - хозяевами «лимитрофов». Если страны Прибалтики входили в сферу влияния Великобритании, которая в первые послереволюционные годы явно стремилась к восстановлению отношений с Советской Россией, то Польша - Франции, бывшей непримиримым врагом Советов до середины 1920-х гг.

Поддержка Великобританией Советского правительства на протяжении гражданской войны всё более усиливалась. Так, в 1918 г. англичане

настаивали на том, чтобы правительство большевиков представляло Россию на мирной конференции [101]. Великобритания стремилась занять место Германии в экономике России, надеясь приобрести в “стране большевиков” доминирующие позиции. “...Задача английского правительства должна была свестись к тому, чтобы приручить Советскую власть, подчинить её английскому контролю...” [120]. Поэтому уже в 1921 г. англичане устанавливают с Советской Россией торговые отношения. “...Заключение торгового договора с Англией легализовало нашу внешнюю торговлю. Договор этот был заключён 16 марта 1921 г., на другой день после речи Ленина о переходе к новой экономической политике...” [138]. Уже с 1920 г. начинаются т.н. «Карские операции» – вывоз леса из Сибири через моря Северного Ледовитого океана, причём основным потребителем этого леса являлась Великобритания. Под освоение ресурсов Сибири, имевшее целью снабжение капиталистических государств, «подводилась» весьма своеобразная «идейная база». Один из «вождей» Советской России 20-х гг. Л.Б. Каменев говорил так: «...У нас есть лес, который необходим в первую очередь...Англии, которая решила строить ежегодно...100 тысяч домов, причём у них на это есть денюжки, в то время как в Москве...мы этого не имеем» [75, с. 32]. Взаимодействие с Великобританией, а затем – с США явилось основной причиной хозяйственного освоения северных окраин страны в межвоенное время.

Советское влияние утверждается в прибалтийских государствах, бывших фактически протекторатами Британской империи. Особенно тесные связи с Советской Россией устанавливает Эстония: «...Ревель, ставший советским окном в Европу, на некоторое время сделался местом сосредоточения «больших» политических вопросов...» [62, с. 27]. В начале 20-х гг. «...русский транзит направился преимущественно через Эстонию...» [164].

Но «...Англия, заинтересованная в хозяйственном восстановлении России, нисколько не заинтересована в восстановлении государственно-

сти... В этом несомненно заключается одна из причин длительной и упорной, хотя первоначально и скрытой, поддержки англичанами большевиков как наилучших разрушителей русской государственности...» [103, с. 287].

Возможности советско-британского взаимодействия существенно ограничивалось тем, что противоречия между Россией и Великобританией в Азии сохраняли свою остроту: «...Владея Кавказом, московское правительство ... попыталось поднять против Англии весь ислам от Египта до Бенгала...» [101, с. 73].

Советскую Россию в первой половине 20-х гг. поддерживало и ещё одно крупное государство – Италия. «...Муссолини ознаменовал свой приход к власти немедленным признанием Советской власти *de jure* и заключением с Москвой торгового договора... [121, с. 94]. Чрезвычайно сложными были отношения Советской России и Германии. Союз двух побеждённых государств, России и Германии, в первой половине 20-х гг. так и не состоялся, хотя предпосылки к этому прослеживались. Так, «...к концу 1920 г. огромное большинство германских политиков были на стороне восточной ориентации (т.е. сотрудничества с Советской Россией – *прим. авт.*)...Германские промышленники стали бояться, что Англия опередит Германию в завоевании русского рынка...» [120, с. 26 - 27]. Однако надежды Германии на Россию рухнули в 1923 г., и связано это было с французской оккупацией Рура. «...Весна и лето 1923 года прошли для Германии в напрасном ожидании советской помощи...» [120, с. 33]. Но «...вся рурская трагедия рассматривалась большевиками как этап на пути к социальной революции в Германии...В самый сложный для Германии момент Рапальский договор никаких результатов не дал...» [120, с. 34].

Соединённые Штаты Америки в первой половине 20-х гг. были единственной крупной страной мира, ни в какой форме не признававшей ни большевистского правительства, ни «расчленения» территории Российской Империи (за исключением Польши). В 1918 г., перед высадкой иностранных войск на Дальнем Востоке, правительство США настояло на том,

чтобы все правительства сделали заявления о неприкосновенности суверенных прав России [46]. 10 августа 1920 года правительство США в своей ноте изложило основные положения политики в отношении России, где выразило твёрдое убеждение в том, что народ преодолеет анархию и бедствия, от которых страдает, и напоминало о своём упорном отказе признавать независимость балтийских государств и т.н. республик Грузии и Азербайджана [101].

1924 год для нашей страны был переломным во многих отношениях. После смерти в январе 1924 г. В.И. Ленина, имя которого вызывало страх в капиталистических странах, эти страны одна за другой начинают устанавливать дипломатические отношения со Страной Советов. Первой из мировых держав дипломатические отношения с СССР устанавливает Великобритания (1 февраля 1924 г.), 7 февраля 1924 г. устанавливаются дипломатические отношения между СССР и Италией. На советско-английской конференции, открывшейся в апреле 1924 г., большевистское правительство идёт на очень значительные уступки Великобритании. По советско-английскому договору, подписанному 8 августа 1924 г., согласно ст. 6 «в порядке изъятия из декретов» было обещано рассчитаться по царским займам, а согласно ст. 10, компенсировать британским подданным стоимость национализированных предприятий и земли. «...Договор между Союзом и Великобританией является первым международным актом, которым закреплено полное равноправие нашего строя, экономического и политического, со стороны крупнейшей мировой политической державы, какой является Великобританская империя...» [75, с. 6] Но этот договор вызвал резко негативную реакцию как внутри страны, так и вне её. Чтобы смягчить отрицательные последствия договора, наследники Ленина вынуждены предпринимать действия, направленные против Великобритании.

В октябре 1924 г. СССР аннексирует территории и ликвидирует как политические образования Хорезмскую и Бухарскую ССР, бывшие протектораты России – Хивинское ханство и Бухарский эмират. Статус этих

территорий как протекторатов определялся российско-британскими договорённостями и соглашениями дореволюционного времени. Таким образом, правительство большевиков идёт на откровенное нарушение статус-кво в Азии. На «европейском» направлении также происходят перемены. В том же октябре 1924 г. устанавливаются дипломатические отношения между СССР и Францией, противостоявшей Великобритании в Европе. Таким образом, большевистское руководство начинает отход от односторонней поддержки Великобритании.

С осени 1924 г. Британская империя начинает борьбу с Советской Россией. В тех странах, где Советской России удалось установить своё влияние или были основания опасаться этого, британцы организуют череду переворотов (1925 г. – Персия (Иран), 1926 г. – Литва и Польша, 1927 г. – Китай, 1929 г. – Афганистан, 1934 г. – Латвия и Эстония; к числу этих переворотов можно отнести и приход нацистов к власти в Германии в 1933 г.). Советское влияние вытесняется из Турции, от СССР отворачивается самый верный его европейский союзник 20-х гг. – фашистская Италия. Разрыв отношений СССР и Великобритании привёл к краху экономики прибалтийских государств, особенно – Эстонии. «Эстония в 1921 и 1922 гг. вела довольно оживлённую торговлю со страной Советов...Началась предпринимательская горячка и бешеная спекуляция в погоне за крупной наживой...Благоприятная конъюнктура сменилась жёстким кризисом в 1924 году» [23, с. 14 – 15].

Борьба Великобритании с СССР поневоле приводит к тому, что Советский Союз в «глобальном» противостоянии начинает выступать на стороне США. СССР и США чрезвычайно быстро наращивают темпы взаимодействия, и уже в начале 30-х гг. утверждалось следующее: «...Не подлежит сомнению, что развитие внешних промышленных связей Союза произойдёт главным образом за счёт американской промышленности...» [118, с. 39].

В то же время Польша активно противодействовала всем попыткам восстановлению хозяйственных связей с Россией, в чём её поддерживала Франция. Отказ от сотрудничества с СССР имел очень тяжёлые последствия для Польши, поскольку всё её индустриальное развитие в дореволюционное время определялось взаимодействием краевых активных зон кольцевых структур Европейской России и Германии. Общий объём промышленной продукции за всё время существования “Второй Речи Посполитой” (межвоенной Польши) не поднялся до уровня 1913 г. на соответствующей территории [94]. Более того, Польша своим существованием препятствовала экономическому взаимодействию России и Германии, поскольку все железные дороги между этими государствами проходили через польскую территорию. В обход польских владений вела лишь одна железная дорога, проходившая через территории Латвии и Литвы – от Даугавпилса через Паневежис к Тильзиту, нынешнему Советску [41]. Однако прекращение экономического взаимодействия с Польшей имело тяжёлые последствия и для Советской России. Потребовалось создание «компенсационных» предприятий, призванных играть в экономике Советской России ту роль, которую в экономике Империи играли польские предприятия. «Та часть Польши, которая прежде была в составе России, принадлежала к числу наиболее развитых областей Российской Империи. В Привислинской полосе было сосредоточено 14% промышленных оборотов Европейской России, при 9% населения» [87, с. 21]. Особенно тяжёлые последствия имела утрата польской угольной и металлургической промышленности, поэтому компенсационное развитие начинается в первую очередь в угольно-металлургических районах. Заключалось оно как в реконструкции уже существующих районов (Урал), так и в создании новых (Кузбасс).

Проследить действие “инерционного фактора” внутри страны проще, чем вне её. Новое строительство в 20-е гг. практически не велось. Л.Д. Троцкий в середине 20-х гг. писал: “...До войны расширение промышленности в основе своей состояло в постройке новых заводов. В наше время в

гораздо большей степени оно состоит в использовании старых заводов и загрузке старого оборудования...” [179]. Кроме этого, стремление к восстановлению существовавших до революции кольцевых структур может быть прослежено по разного рода планам и проектам, выдвигавшимся и осуществлявшимся в 20-е гг.

Так, уже в начале 20-х гг. планируется сверхмагистрализация железных дорог и внутренних водных путей. В сверхмагистрали с последующей электрификацией планировалось превратить железные дороги Ленинград - Москва - Курск - Донбасс - Мариуполь, Кривой Рог - Дебальцево - Царицын и Москва - Нижний Новгород. В сверхмагистрали должны были быть превращены также внутренние водные пути: Волжско - Невский от Петрограда до Астрахани, и Днепровский от Херсона до Киева [164]. Система сверхмагистралей, таким образом, должна была образовывать замкнутое кольцо. Как можно предположить, система сверхмагистралей должна была стать опорным каркасом формирования новой пространственной структуры европейской части СССР.

О преобладании тенденций к сохранению дореволюционной пространственной системы социально-экономического взаимодействия России свидетельствует и реформа административно-территориального деления страны, проводившаяся в 1920-е гг. (районирование). То, что районирование опиралось прежде всего на существующую специализацию хозяйства, очевидно, поскольку при его проведении использовался дореволюционный опыт. По сведениям И.П. Никитина, в дореволюционное время было сделано более 40 опытов разделения России на экономические районы, не считая группировки губерний в различных официальных изданиях [122]. Утверждалось, что «...Каждый район в народном хозяйстве всего Союза приспособлен выполнять одну определённую хозяйственную роль. Например, Центрально-Чернозёмный краевая активная зона должен выполнять роль “житницы” Союза, Урал - снабжать Союз ССР металлом, Центрально-Промышленная область - мануфактурой...» [81]. По мнению И.И. Бело-

усова, «Районы ГОЭЛРО рассматривались как взаимодействующие, работающие друг на друга хозяйственные единицы, связь между которыми поддерживалась межрайонным транспортом» [19]. Но, таким образом, сама идея районирования предполагала восстановление, сохранение и дальнейшее развитие пространственной структуры хозяйства дореволюционной России, и тем самым – сложившихся к началу XX в. кольцевых структур. «В период нэпа восстановилась территориальная структура прежней экономики...» [53]. Но «инерционности» развития было достаточно для того, чтобы восстановить сами экономические объекты (заводы, фабрики, дороги), но не систему взаимодействия между ними, которая существенным образом трансформируется. «Из системы идей экономического районирования ... была воспринята лишь одна часть – административно-территориальная перестройка Союза. Вторая и основная часть – организация районов, как целостных производственных комбинатов с известной специализацией, с определённым распределением хозяйственных функций между Союзом и районами ... встретила непреодолимые трудности» [84, с. 20].

Существенно изменились направления и мощность экономического взаимодействия Москвы: «...В конце восстановительного периода средняя мощность грузопотока от Москвы на запад составляла 77%, а на юго-запад только 47% довоенного грузового потока. Но средняя мощность грузового потока с юга на Москву составляла 148% в сравнении с 1913 г., с Северного Кавказа 150%, а с Урала 240% ...» [190]. Но при этом резко вырос общий объём грузов, проходивших через Московский железнодорожный узел: в 1913 г. он составлял 18,8 млн. тонн, а в 1933 г. – 45,5 млн. тонн, в т.ч. к Москве – 12,5 млн. тонн и 29,1 млн. тонн соответственно [35].

Что же касается Ленинграда, то его взаимосвязи как с другими частями страны, так и с зарубежными странами были полностью разрушены в годы гражданской войны. «В годы революции отрезанный Петроград умирал от голода и холода» [131, с. 72]. В 1929 г. привоз грузов в Ленинград

морем составил 588 тыс. тонн, что в 7,2 раза меньше, чем в 1913 г. Столь резкое сокращение объясняется практически полным прекращением привоза каменного угля из Великобритании, объём которого в 1913 г. составлял 3,1 млн. тонн, а в 1929 г. – 19,5 тыс. тонн. Вывоз грузов из Ленинграда в 1929 г. составлял 2,3 млн. тонн, что ненамного меньше уровня 1913 г. – 2,7 млн. тонн. Но коренным образом изменилась структура вывозимых грузов: если в 1913 г. хлебные грузы составляли 23% морского вывоза, то в 1929 г. – 1%. Доля лесных грузов, в 1913 г. составлявшая 63%, в 1929 г. возрастает до 84% [106]. По этим данным можно судить об изменении не только внешних, но и внутренних направлений экономического взаимодействия Ленинграда. Резкое сокращение объёмов и доли вывозимых хлебных грузов свидетельствует о практически полном прекращении взаимодействия Ленинграда и Поволжья, а следовательно – о резком снижении значения искусственных внутренних водных путей, на протяжении XVIII – XIX вв. являвшихся основой системы транспортных связей Петербурга – Петрограда. В то же время увеличение объёма и доли вывоза лесных грузов свидетельствует о усилении экономического взаимодействия Ленинграда с Северо-Западом России. Общей тенденцией довоенного времени было снижения значения Ленинграда в жизни страны. Если до революции в валовом объёме производства продукции машиностроения доля Северо-Западного района составляла 36%, то в 1937 г. – 20% [76].

Практически одновременно, в конце 1920-х гг., распадаются две кольцевые структуры - Западно-Сибирская и Дальневосточная. Распад Западно-Сибирской кольцевой структуры определялся ускоренной индустриализацией Западной Сибири, связанной с реализацией проекта Урало-Кузнецкого комбината. Но Новокузнецк и Магнитогорск смогли появиться только за счёт “опустошения” территорий, лежащих между ними. Это прослеживается по сокращению абсолютной численности сельского населения в районах Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана. Так, за 1925 - 1939 гг. сельское население Казахстана сократилось на 1 115 тыс. чел., За-

падной Сибири на 200 тыс. чел., Урала на 400 тыс. чел. [86]. Очевидно, что значительная часть этого сокращения приходится на жертв голода начала 30-х гг., но доля миграционного оттока, как можно предположить, была весьма значительной. Снижается значение Омска, представлявшего собой центральную активную зону Западно-Сибирской кольцевой структуры. Темпы его развития резко уступают городам на окраинах Западной Сибири. Если в 1863 – 1914 гг. численность населения Омска выросла почти в 7 раз, в 1914 – 1926 г. в 2,1 раза, в 1926 – 1939 гг. в 1,6 раза, достигнув 289 тыс. чел. [119, 141]. Население Новосибирска выросло за 1926 – 1939 гг. в 3,4 раза, и составило 404 тыс. чел., Новокузнецка более чем в 40 раз (с 4 до 166 тыс. чел.), Кемерово в 6 раз (с 22 до 137 тыс. чел.); Магнитогорск как город в 1926 г. ещё не существовал, а в 1939 г. его население составляло 146 тыс. чел. [119]. Кольцевая структура, формировавшаяся в Западной Сибири в начале XX в., была разрушена, и на её месте образовалось несколько нуклеарных структур, которые предполагалось связать в линейную систему взаимодействия – проект Урало-Кузнецкого комбината (УКК).

Но Урало-Кузнецкий комбинат никогда не действовал так, как предполагали его создатели, а во время войны его функционирование вообще прекратилось. Железная дорога, по которой Новокузнецк и Магнитогорск должны были “обмениваться” углём и рудой, была наполовину (от Магнитогорска до Акмолинска) построена лишь в 1940 г. [24], а от Акмолинска до Новокузнецка доведена лишь после войны, в годы 5-й пятилетки [36]. А уже в 1947 г. Л.М. Кантор писал, что «...освобождение Кузнецкого комбината от уральской руды делает нецелесообразным завоз на Урал каменного угля из Кузбасса...» [76].

Дальневосточная кольцевая структура переживает в это же время существенную трансформацию, что определялось изъятием из этого её состава Маньчжурии. В 20-е гг. СССР контролировал большую часть Северного Китая, из-под юрисдикции Китая были изъяты Танну-Тува (Урянхай-

ский край) и Внешняя Монголия (Монгольская Народная Республика). Согласно статье 5 “Договора об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой” от 31 мая 1924 г., правительство СССР признавало, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики [169]. Однако как Монголия, так и Тува были к этому времени фактически отторгнуты от Китая. В то же время СССР реально управлял и Северной Маньчжурией, поскольку Советской России перешли все права на аренду КВЖД, которые были у царской России. По “Соглашению между правительством СССР и правительством автономных Трёх провинций Китайской Республики” от 20 сентября 1924 г., срок аренды КВЖД был сокращён с 80 лет (считая с 1896 г.) до 60 лет [169]. В июле 1929 г. китайцами был спровоцирован конфликт на КВЖД, который в августе того же года привёл к вторжению Красной Армии в Маньчжурию. Но военная победа сменилась дипломатическим поражением - КВЖД перешла в ведение Китая (в сущности - Японии, которая и поспешила утвердить здесь свою власть в 1931 г.). СССР утратил всякое влияние в Северной Маньчжурии.

Дальневосточная кольцевая структура, центром которого был Харбин, с утратой КВЖД оказалась уничтоженной. Харбин был фактической столицей не только Маньчжурии, но и юга собственно русского Дальнего Востока, его финансовым, транспортным и промышленным центром. Все остальные города Дальнего Востока уступали Харбину как по своему значению, так и по численности населения. Ряд функций Харбина переходит к Хабаровску, значение которого до революции существенно уступало значению Благовещенска и Владивостока. Если в 1897 г. население Хабаровска составляло 15 тыс. чел., то в 1926 г. – 52 тыс. чел., а в 1939 г. – 207 тыс. чел., т.е. выросло за 1926 – 1939 г. почти в 4 раза. Население Благовещенска в 1897 г. составляло 33 тыс. чел., в 1926 г. 61 тыс. и в 1939 г. 58 тыс. чел. Во Владивостоке в 1897 г. проживало 29 тыс. чел., в 1926 г. 108 тыс. чел. и в 1939 г. 206 тыс. чел. В 30-е гг. был построен Комсомольск-на-

Амуре, население которого к 1939 г. составило 71 тыс. чел. [119]. Таким образом, в межвоенное время произошло коренное «перераспределения ролей» между городами Дальнего Востока.

С фактической сдачей Харбина Японии рухнула «дальневосточная» цивилизация, самая молодая из российских цивилизаций, развивавшаяся чрезвычайно быстро и обещавшая очень много. «Культурное наследие» Русского Харбина чрезвычайно велико, но, к сожалению, оно до сих пор полностью не изучено и не оценено по достоинству. Но увы - это всего лишь наследие. Граница СССР и Китая, до конца 20-х гг. бывшая прозрачной, закрывается.

Попытки восстановления кольцевых структур Империи, приходящиеся на 1920-е гг., заканчиваются крахом. Если в 1926 г. И.В. Сталин утверждал, что «... у нас происходит ... двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма...», то подводя итоги первой пятилетки, он говорил: «...Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, вытеснить до конца капиталистические элементы...» [172]. Можно предположить, что в территориальном отношении двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма должен был опираться на восстановление пространственной структуры хозяйства, характерной для дореволюционной России, а «вытеснение до конца капиталистических элементов» привело к формированию принципиально новой структуры хозяйства, новой не только организационно (переход от рыночной экономики к плановой), но и территориально.

Основой экономического развития страны в 30-е гг. становится концепция «технико-экономической независимости СССР». Стремление к формированию новой территориальной структуры хозяйства прослеживается прежде всего в отказе от идеи районирования на основе специализированного хозяйства. «...Мы осуществляем линию на равномерное, социалистическое размещение производительных сил в нашей стране...» [128]. Во всех крупных экономических районах страны считалось необходимым

создания сходной отраслевой структуры хозяйства. Каждый крупный экономический район СССР должен был стать самодостаточным. «XVIII съезд ВКП (б) ... поставил задачи: обеспечения комплексного развития основных экономических районов СССР, при котором каждый район должен производить в размерах, покрывающих его потребности, цемент, алебастр, химические удобрения, стекло, массовые изделия лёгкой и пищевой промышленности. Каждая область, край и республика должны производить у себя ... картофель, овощи, молочные и мясные продукты, муку, кондитерские изделия, пиво, галантерею, изделия швейной промышленности, мебель, кирпич, известь ... Большое значение имеют указания съезда на необходимость решительной борьбы с гигантоманией и широкий переход к строительству средних и небольших предприятий по всей территории Союза» [89, с. 39]. XVIII Всесоюзная конференция ВКП (б), состоявшаяся весной 1941 г., приняла решение о необходимости комплексного развития основных промышленных районов страны, но под комплексностью в данном случае понималось «самодостаточной» отраслевой структуры хозяйства районов. В качестве примера можно привести Ленинград, который, «...используя природные богатства прилегающих районов ... должен создать собственную мощную топливную и энергетические базы, свою большую металлургию, свою базу по производству строительных материалов с тем, чтобы постепенно освободится от дальнепривозного сырья и топлива» [38, с. 85]. Можно утверждать, что реализация концепции технико-экономической независимости СССР, начатая в 30-е гг., была одной из важнейших причин распада государства, свидетелями которого мы были в начале 90-х гг. Такое развитие событий легко объяснимо с точки зрения теории самоорганизации, поскольку «...физическим примером деградации может служить временная эволюция в замкнутой системе к равновесному состоянию (а равномерное размещение производительных сил можно рассматривать в качестве попытки такого перехода – прим. авт.). Действи-

тельно, ведь именно равновесное состояние...является наиболее хаотическим» [79].

Технология формирования новой, советской, системы экономического взаимодействия была предельно простой. Поскольку на развитие даже тех участков кольцевых структур старой России, которые остались в пределах территории СССР, в полном объёме у государства попросту не было средств, то начинает использоваться т.н. “метод приоритетов”. «Ударными темпами» развивались отдельные наиболее освоенные участки активных зон кольцевой структуры Европейской России, и в значительно меньшей степени - других территорий государства. Если в 1912 г. Центрально-Промышленный район, Северо-Запад, Украина и Кавказ производили 79% промышленной продукции страны, Урал 4,7%, Сибирь 2,4%, Средняя Азия и Казахстан 1,8%. Перед Великой Отечественной войной Центральный район, Ленинград и Украина давали более 60% промышленной продукции, Урал 5%, Сибирь менее 3%, Средняя Азия и Казахстан 3,5% [76].

Вся межвоенная индустриализация свелась, в сущности, к ускоренному росту районов «старой индустриализации», оставшихся в пределах СССР. Кольцевые структуры, развивавшиеся на протяжении длительного времени, были фактически ликвидированы, и система экономического взаимодействия в Советском Союзе приобретает нуклеарный характер. Так, по плану 2-й пятилетки, всего за время реализации второго пятилетнего плана капиталовложения в народное хозяйство СССР должны были составить 133, 4 млрд. руб. (в ценах 1933 г.). Из этого объёма капиталовложений 14% приходилось на Московскую область, и столько же - на Урал (Свердловскую и Челябинскую области). Но при этом вложения в Ленинградскую область (включавшую в свой состав весь Северо-Запад России) составляли всего 8%. Территории, входившие в состав пассивных зон, почти не развивались. Так, в развитие Западной области предполагалось вложить 1,3 млрд. руб. (2% от общего объёма капиталовложений по стране), а в Центрально-Чернозёмную область 2,5 млрд., или 4%. В Средне-

Волжский край (центр - Самара), предполагалось вложить 2,8 млрд. руб., что больше чем вдвое больше объёма капиталовложений в Саратовский край (1,3 млрд. руб.) и в полтора раза больше, чем в Сталинградский (1,8 млрд. руб.). В развитие Татарской АССР в годы второй пятилетки планировалось вложить всего 0,9 млрд. руб. [39].

§ 4.2. 40-е - 60-е гг.: линейные структуры

Если в 20-е гг. предпринимались попытки восстановить пространственную структура бывшей Империи в полном объёме, а в 30-е гг. ускоренно развивались её отдельные участки, то во время войны формируется широтная система взаимодействия, соединившая Европейскую и Азиатскую части России, и имевшая линейный характер. «По ориентировочным данным, за первые два года войны было эвакуировано из прифронтовой полосы в тыловые районы свыше 1500 предприятий крупной промышленности... Эвакуация промышленности происходила преимущественно в районы Урала, Западной Сибири, Среднего Поволжья...» [76]. За годы войны промышленное производство на Урале увеличилось в 3,6 раза, в Сибири в 2,8 раза, в Поволжье в 3,4 раза. Менялась и структура промышленного производства. Так, доля машиностроения в производстве промышленной продукции Урала поднялась уже к 1942 г. до 66% против 42% в 1940 г. [24]. Население Челябинска за годы войны удвоилось, а объём промышленного производства вырос в 6 – 7 раз [20]. Строились новые предприятия – например, в Челябинске во время войны был построен металлургический завод, «созданный усилиями коллектива строителей – наркомвнудельцев» [125]. Создавались также новые для определённых районов отрасли – например, в Казахстане появилась чёрная металлургия [140], а в Восточной Сибири – тяжёлое машиностроение (Красноярск) [187].

Линейная система взаимодействия, сложившаяся в году войны под действием чрезвычайных обстоятельств, была всё же шагом вперёд по

сравнению с нуклеарной системой, характерной для межвоенного времени. «В период Отечественной войны ... изменились направления и мощность грузовых потоков. До войны ... наибольшей мощностью грузовых потоков отличались в западной части страны меридиональные направления ... Основными направлениями перевозок на фронт были широтные» [190, с. 104]. Функции центральной активной зоны во время войны выполнял Урал, а функции краевых активных зон выполняли на западе Москва, а на востоке Кузбасс. Невзирая на всю искусственность и «чрезвычайность» формирования линейной системы взаимодействия, она формировалась во многом за счёт процессов самоорганизации. Вследствие этого линейная система взаимодействия, сложившаяся в годы войны, сыграла значительную роль в процессе самовосстановления кольцевых структур, началом которого можно считать вторую половину 60-х – начало 70-х гг.

Конец войны и вторая половина 40-х гг. представляют собой время борьбы двух “партий” в советском руководстве. Одна из этих партий, представленная главным образом “военными выдвиженцами”, стремилась к развитию СССР как “национального” государства (Жданов, Вознесенский, Доронин, Родионов). Они полагали, что по окончании II мировой войны “...для СССР не существовало никакой опасности со стороны фронта западных держав...” [34]. Вторая, представителями которой была “сталинская гвардия” 1930-х гг. (Берия, Маленков), считала необходимым дальнейшее развитие “большевистского” государства, противостоящего всему остальному миру. “...При таком понимании ускоренное развитие военно-промышленной базы страны представало абсолютным приоритетом...” [34]. Но противоречия этих “партий” затрагивали, конечно же, не только “отраслевую” структуру будущей экономики Союза. Они должны были проявиться и в системе взаимодействия между регионами нашей страны, то есть трансформировать тем или иным образом систему экономического взаимодействия. “...Если группа Вознесенского пыталась создать относительно сбалансированный план, в рамках которого экономика

развивалась бы гармонично, то их преемники вернулись к опробованной в 30-х гг. политике приоритетов, которая предоставляла преимущество отдельным крупным проектам и отраслям...” [34]. Победа «большевистской» партии (конец 40-х гг.) приводит к резкому усилению процессов организации в развитии экономики. Закрепляется линейный характер экономического взаимодействия. Так, в 50-е - 60-е гг. практически всё новое железнодорожное строительство сосредотачивается в Азиатской России, либо на выходах из Азиатской России на Урал и в Европейскую часть страны [36].

Вторая половина 50-х гг. – первая половина 60-х гг. в развитии СССР была чрезвычайно противоречивым временем. С одной стороны, в руководстве государства прослеживаются некоторые тенденции к восстановлению хозяйственного значения регионов, пришедших за время сталинской индустриализации в запустение. К таким регионам относятся юг Западной Сибири и север Казахстана. До 20-х гг. эти территории были хорошо освоенными аграрными регионами, но строительство металлургических комбинатов на Урала и в Кузбассе, «расказачивание» и коллективизация привели их в упадок. В 1954 г. начинается кампания по освоению целинных и залежных земель. Обычно внимание акцентируется на первом слове – целинных, а второе слово – залежных будто не замечается. Между тем повторное освоение залежных земель, разрабатывавшихся до 20-х гг. и затем заброшенных, имело чрезвычайно большое значение. Более того, осуждается и сам «метод приоритетов»: «...В период культа личности Сталина в области территориального размещения производительных сил имели место субъективизм, многие решения не обосновывались экономически, часто не принимались во внимание реальные условия развития экономики районов...Партия покончила с волюнтаризмом, с попранием научных принципов размещения производительных сил...» [32]. Последнюю фразу автора книги, вышедшей в хрущёвские времена, можно отнести скорее к благим пожеланиям, характеристика же территориальных аспектов ста-

линского периода строительства социализма в целом верна, хотя и выдержана в нарочито смягчённом стиле.

Но в то же время всё использование метода приоритетов продолжается, особенно в восточных районах страны. Однако освоение восточных районов требовало всё больших и больших усилий. Так, за 1928 - 1955 гг. эксплуатационная длина железных дорог в СССР увеличилась с 77 тыс. км до 121 тыс. км, или в 1,6 раза; за тот же период объём перевозок вырос в 8 раз, а грузооборот в 10 раз. Потребовалось проведение целого комплекса мероприятий по развитию транспортного комплекса страны, включавшего электрификацию железнодорожного транспорта, развитие трубопроводного и морского. «Комплекс мероприятий в 1955 – 1965 гг. привёл к повышению провозной способности основных направлений железнодорожной сети в 2,2 – 2,5 раза, снял затруднения в их работе и резко улучшил экономические и эксплуатационные показатели» [71, с. 11]. За счёт резкого улучшения технического состояния транспортной инфраструктуры у руководства страны появилась возможность развития линейной системы взаимодействия, сложившейся в годы войны, что проявлялось в первоочередном внимании к Азиатской России.

Однако развитие Сибири и Дальнего Востока требовало слишком больших капитальных вложений. К тому же “плановое начало” здесь практически отсутствовало. К концу 1963 г. на строящейся Братской ГЭС были досрочно установлены все агрегаты, а основные мощности на предприятиях - потребителях энергии (алюминиевом заводе и лесопромышленном комбинате) должны были войти в строй лишь в 1966 - 1967 гг. [24]. Известен пример Байкальского ЦБК, построенного специально для переработки леса с ложа Братского водохранилища, который так и не был вывезен. Преимущественное вложение средств в развитие восточных районов страны привело к тому, что западные районы застыли в своём развитии. Так, области Чернозёмной полосы РСФСР и Украины к началу 60-х гг. отлича-

лись наименьшим в СССР удельным весом городского населения (19 - 30%) [32].

Транспортная система СССР, основы которой были заложены в конце XIX - начале XX в., оставалась в целом неприспособленной к преобладанию широтных перевозок. «...Наш железнодорожный транспорт вообще работает с напряжением. Имея всего 16% мировой протяжённости путей, он даёт половину мирового железнодорожного грузооборота...» [6]. За 1960 – 1990 гг. производство продукции народного хозяйства увеличилось в 3,13 раза - с 3,8 млрд. тонн до 11,9 млрд. тонн. За тот же период грузооборот всех видов транспорта увеличился в 4,5 раза, с 1898 млрд. ткм до 8584 млрд. ткм [71]. Опережающее развитие восточных районов требовало адекватного развития сети транспортных коммуникаций, но этого не происходило. К 1975 г. возможности повышения пропускной и провозной способности на главных магистралях страны были исчерпаны [71, с. 11]. Более того, само развитие транспортной сети происходило хаотично. «Исторически сложилось, что между рядом регионов страны было начато строительство магистралей большой протяжённости, отдельные участки которых недостроены до настоящего времени, а построенные участки используются как дороги местного значения» [71, с. 167].

Развитие страны в 70-е гг. столкнулось с целым рядом острых проблем, в том числе и региональных. Но решать их пытались в основном за счёт старых методов – ускоренного ресурсного освоения Азиатской части страны. А.Г. Аганбегян утверждал, что «... прогнозные расчёты убедительно показали, что Сибирь должна развиваться опережающими темпами ... В 1976 - 1980 гг. промышленное производство в районах Сибири намечено увеличить примерно в 1,5 раза (в сравнении со средними данными по стране - 36 - 39%)...» [2]. Сама же Российская Федерация воспринималась главным образом как источник ресурсов для развития остальных союзных республик. По мнению А.Г. Гранберга, определённого в ходе использования математических моделей дальнейшего развития СССР, «...РСФСР не-

сёт значительную нагрузку по формированию фонда накопления второй зоны (ко второй зоне А.Г. Гранберг относил все остальные республики Союза, кроме России - *прим. авт.*), тогда как остальные республики осуществляют значительные затраты материалов, трудовых ресурсов и основных фондов по обеспечению фонда потребления РСФСР...” [50]. Этот “математически моделированные” рассуждения воплощались в жизнь. Освоение “недр и нефтегазового комплекса” Западной Сибири вели, не считаясь с затратами. Суммарный объём капиталовложений в развитие производительных сил Западно-Сибирской равнины должен был составить 26 - 30 млрд. руб. примерно за двадцать лет [1]. В межпереписной период 1970 - 79 гг. численность населения в Камчатской и Магаданской областях увеличилась на 31%, в Якутии на 26%, в Мурманской области на 21%. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах численность населения за этот период удвоилась. Но в то же время в 23 административно-территориальных единицах Нечернозёмной полосы и Чернозёмного центра, а также Полесья и лесостепи УССР численность населения в 1979 г. была ниже, чем в 1970 г. [88].

§ 4.3. 70-е гг.: начало самовосстановления кольцевых структур

Анализ кольцевых структур Российской Империи и СССР, как бы они не были интересны, имеют скорее историко-, чем экономико-географическое значение. Ни Империи, ни Советского Союза больше нет, и восстановления их ожидать не приходится. Но Российская Федерация продолжает существовать. Многочисленные проблемы, с которыми столкнулась страна в 90-е годы, во многом определяются тем положением, которое РСФСР занимала в составе Советского Союза. Безусловно, отраслевая и территориальная структура экономики Российской формировалась в пределах более обширного государства, но для настоящего времени более

актуальным представляется анализ развития коммуникационной среды нашей Федерации, как таковой.

К сожалению, очень многие статистические данные 30-х - 60-х гг. остаются закрытыми, и более или менее полный общедоступный набор этих данных имеется лишь с 1970 года (приложение 9). Расчёт коэффициентов взаимодействия на 1970 – 1997 гг. вёлся по 53 показателям, характеризующим особенности развития как экономики, так и непродуцированной сферы.

В 1970 г. наиболее высокими показателями КВ характеризовались Москва и Ленинград. КВ Москвы составлял в 1970 году 458400, Ленинграда 93167. Третий по значению показатель КВ в РСФСР был у Московской области - 4917. Таким образом, Москва и область однозначно оставались центральной активной зоной страны. Коренным отличием кольцевых структур РСФСР 1970 года от дореволюционной России явилось резкое увеличение значения Урала и Сибири. Дореволюционные уральские губернии (Пермская и Оренбургская) по значению КВ отнюдь не занимали первых мест в Империи, а в 1970 году одна из уральских областей (Челябинская) занимала по этому показателю 4 место в России с показателем КВ, равным 2120. КВ Свердловской области в 1970 г. был равен 1128, Пермской 810, Башкирии 689 и Оренбургской области 274. Восточный сегмент краевой активной зоны, в дореволюционное время проходивший вдоль Волги, в годы войны и послевоенные десятилетия сместился на Урал. Чётко выделяется радиальная активная зона – полоса областей и республик, соединяющих Урал с Центром и имеющих чрезвычайно высокий уровень развития. Значение коэффициента взаимодействия Татарстана в 1970 г. составляло 1423, Куйбышевской области 1540. Особенно ясно эта широтная полоса видна на фоне окружающих её территорий. Так, КВ Саратовской области в 1970 г. составлял 540, т.е. уступал Самарской области в 2,75 раза, а Волгоградской области - 472. Сохранялось высоким значение КВ Нижегородской (в 1970 г. - Горьковской) области - 1251, но Татарстан

и Горьковская область отделялись друг от друга поясом автономных республик, КВ самой развитой из которых (Чувашии) уступал КВ Горьковской области примерно в 3 раза. Но столь высокое значение и место Горьковской области в стране было “рудиментарным”, унаследованным этой областью от Нижегородской губернии дореволюционного времени.

Однако унаследованный характер развития был присущ не только части территорий, входивших до революции в состав активных зон, но и пассивным зонам. В Европейской России выделяются обширные территориальные массивы, имеющие крайне низкие значения КВ. Наиболее мощный из таких массивов располагается к западу и юго-западу от Москвы (Орловская, Калужская, Смоленская, Брянская области). Аналогичный массив сохраняется к юго-востоку от Москвы (Рязанская, Тамбовская, Пензенская области). К пассивным зонам в 1970 г. относились также области на северо-западе староосвоенных территорий Европейской России (Псковская, Новгородская).

Но в то же время отчётливо прослеживаются тенденции к “насыщению связями” многих территорий, входивших в состав пассивных зон. Особенно ясно это видно на примере запада Центрального Черноземья, где формировалась радиальная активная зона, соединяющая центральную активную зону - Москву с южным сегментом краевой активной зоны Европейской России. При этом освоение месторождений Курской магнитной аномалии не было определяющим фактором. Так, наиболее высоким значение КВ в Центральном Черноземье в 1970 г. было в Воронежской области, где значительных месторождений полезных ископаемых нет.

Прослеживаются также тенденции к формированию радиальной активной зоны северо-западного направления, между Москвой и Ленинградом. Об этом свидетельствует относительно высокое значение КВ Тверской области. Но в то же время к 1970 году КВ Тверской области всё же уступал КВ соседней Ярославской области (314 и 450 соответственно), поскольку развитие Ярославской области к этому времени сохраняло унасле-

дованный характер. Относительно высокие значения КВ Вологодской и Кировской областей в 1970 году также можно считать имеющими унаследованный характер. Относительно низкие показатели КВ областей и республик, расположенных на севере Европейской России, объясняются в значительной мере низкими показателями ПВ (популяционного взаимодействия). Значение показателей ОВ (общественного взаимодействия) здесь было достаточно высоким.

Обратная ситуация сложилась на юге Европейской России, в республиках Северного Кавказа. Высокие показатели КВ для этих республики объяснялись высокими показателями ПВ, значения же показателя ОВ здесь было (как, впрочем, остаётся и сейчас), очень низким. К другим особенностям Северного Кавказа относится то, что изменились места регионов, занимающих ведущие позиции. Если в начале столетия первое место по этому показателю занимала Область Войска Донского, а второе место - Кубанская область, то к 1970 г. на первое место вышел Краснодарский край, а Ростовская область оказалась на втором месте (при том, что дореволюционные и нынешние границы соответствующих административных единиц во многом совпадают). С точки зрения концепции кольцевых структур объяснение этого заключается в смещении части внешней границы южного сегмента краевой активной зоны Европейской России на юг, к хребтам Большого Кавказа. Это привело, как и следовало ожидать, к ускорению развития Краснодарского и Ставропольского краёв и замедлению темпов развития Ростовской области. Действие процессов самоорганизации, таким образом, проявилось на востоке Европейской России, где краевая активная зона сместилась на Урал, и на юге, где краевая активная зона стала смещаться к Кавказу.

В Западной Сибири, невзирая на все перемены советского времени, к 1970 г. не только сохранялось, но и ещё более возросло решающее преобладание восточной части Западной Сибири над её западной частью. На востоке Западной Сибири находится Кемеровская область, которая в 1970

г. имела показатель КВ, равный 1275 и занимала по этому показателю 9-е место в России. Высокими были показатели КВ также у Новосибирской области и Алтайского края (217 и 240 соответственно). Рывок в развитии этих регионов приходится на годы войны (“эвакуационная волна индустриализации”). Показатели КВ в западной части Западной Сибири были заметно ниже (Омская область 169, Тюменская область без округов 45). Отставание западной части Западной Сибири от её восточной части объясняется, во-первых, унаследованностью характера развития, а во-вторых, тем, что в ходе реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината и формирования “сибирской” индустриальной цивилизации запад Западной Сибири рассматривался как транзитный регион, или, в терминологии концепции кольцевых структур, пассивная зона.

В Восточной Сибири перемены были гораздо значительнее, чем в Западной. Как уже упоминалось выше, ведущие позиции здесь занял Красноярский край, на втором месте была Иркутская область, и на третьем - Читинская. Любопытно, что до революции положение было существенно иным - Забайкальская область, включавшая в свой состав большую часть территории нынешней Читинской области и Бурятии, занимала первое место, на втором месте была Иркутская губерния, и на третьем - Енисейская губерния. Столь резкие перемены в Восточной Сибири определялись в основном событиями войны и первых послевоенных лет, когда развитию этого района уделялось особое внимание. “Эвакуационная волна индустриализации” заложила основы их промышленного потенциала, и вполне естественно, что воздействие этой волны сильнее всего проявилось в Красноярском крае, самой близкой к Европейской России части Восточной Сибири, меньше - в Иркутской области, и почти никак - в Бурятии и тем более Читинской области. Байкал представляет собой границу двух частей Восточной Сибири, в десятки раз отличающихся друг от друга по величине коэффициента взаимодействия. Абсолютные показатели как Красноярского края, так и Иркутской области уже в 1970 г. были очень высокими. Их

можно сопоставить с соответствующими показателями пассивных зон Европейской России. Так, КВ Псковской области, региона “старого освоения”, в 1970 г. составлял 68, а Красноярского края (без округов) - 121. Если учесть различия показателя популяционного взаимодействия (плотности населения), то становится понятным, насколько велик разрыв в показателе общественного взаимодействия Красноярского края и староосвоенных территорий Европейской России.

На Дальнем Востоке наиболее высокими значениями коэффициента взаимодействия характеризовались два субъекта Федерации - Приморский край (КВ - 166) и Сахалинская область (КВ - 51). Высокий уровень взаимодействия в Приморском крае объясняется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, в недолгие времена существования Дальневосточной кольцевой структуры с центром в Харбине через территорию Приморского края проходила краевая активная зона этой структуры, т.е. развитие Приморского края к 1970 году носило во многом унаследованный характер. Во-вторых, в эту территорию, рассматривавшуюся как форпост СССР на Тихом океане, вкладывались большие средства уже в советское время. Что касается Сахалина, то высокие значения его КВ могут быть объяснены лишь с учётом “исторического фактора”. Уровень развития Сахалина определялся и определяется до настоящего времени в основном предприятиями и отраслями, созданными на Южном Сахалине в японские времена. Ведущей же отраслью хозяйства “японского Сахалина” была целлюлозно-бумажная промышленность. Доля острова в производстве продукции данной отрасли в 1970 г. и определила высокие значения его КВ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что уровень развития юга Дальнего Востока в целом выше соответствующего уровня востока Восточной Сибири. Так, КВ Хабаровского края в 1970 г. составлял 15, а Читинской области 14. При этом следует учитывать, что плотность населения Хабаровского края примерно в 2 раза ниже соответствующего показателя Читинской области.

Север Дальнего Востока, как и север Восточной Сибири, в 1970 г. характеризовался крайне низкими значениями КВ (ниже 1), за исключением Камчатской области (без Корякского автономного округа). Низкие значения КВ здесь определяются двумя основными обстоятельствами: во-первых, данные об отраслях специализации этой территории (золотодобыча, алмазодобыча) в открытых статистических справочниках отсутствуют, и во-вторых, здесь крайне низкая плотность населения. Но можно утверждать, что показатели КВ менее 0,1 свидетельствуют о практически полной неосвоенности территории. Единственное исключение - Таймырский автономный округ, на территории которого расположен Норильск и его агломерацией. Но продукция, выпускаемая предприятиями Норильска, учитывается статистическими органами непосредственно Красноярского края, поскольку город с примыкающей к нему территорией подчиняется краю (это не показано на российских картах, но отражено на зарубежных).

В 70-е гг. трансформация кольцевых структур РСФСР продолжилась. Наиболее высокими значениями коэффициента взаимодействия (КВ) по-прежнему отличались Москва и Ленинград, на третьем месте, как и в 1970 г., была Московская область. Однако темпы роста значения коэффициента взаимодействия в этих трёх административных единицах были различными. Если коэффициент взаимодействия Москвы за 1970 - 1980 гг. вырос в 1,1 раза, а Московской области в 1,4 раза, то КВ Ленинграда за тот же период остался практически тем же, и даже несколько сократился (КВ Ленинграда в 1970 г. - 93 167, в 1980 г. - 92 370). Однако следует отметить, что в то же самое время резко выросли темпы развития Ленинградской области, коэффициент взаимодействия которой вырос за 70-е гг. в 1,7 раза (в 1980 г. - 447).

На Урале прослеживаются тенденции к «растеканию» восточного сегмента. Так, КВ Пермской области в 1970 - 1980 гг. сократился с 810 до 801, Челябинской и Свердловской областей увеличился крайне незначительно (в обоих случаях в 1,1 раза). В то же время КВ Оренбургской об-

ласти вырос за исследуемый период примерно в 2 раза, а Курганской области в 1,4 раза. Но при этом абсолютные значения КВ как Оренбургской, так и, особенно, Курганской области были значительно ниже аналогичных значений Челябинской и Свердловской областей (Оренбургская область 551, Курганская область 86).

Продолжилось формирование радиальной активной зоны, соединяющей Урал с Центром. В его состав включаются новые территории, а значение по значению старых растёт медленно. Так, в Татарстане коэффициент взаимодействия в 1970 году был равен 1423, а в 1980 г. 1346. Крайне слабо вырос КВ Горьковской области, с 1251 в 1970 г. до 1265 в 1980 г. Инерционность, определявшая развитие Горьковской (Нижегородской) области на протяжении всех послевоенных десятилетий, всё более и более ослабевала. Если в 1970 г. по этому показателю область занимала 10-е место в России, то в 1980 г. - 14-е. Но КВ Куйбышевской области вырос в 70-е гг. с 1540 до 1889. Коэффициент взаимодействия Саратовской области вырос в 1,2 раза, Волгоградской в 1,1 раз.

Крайне медленно, как это и можно было ожидать, шло развитие внутренней пассивной зоны Европейской России. Так, КВ Пензенской области, в 1970 г. и 1980 гг. был почти одинаков – 244 и 245 соответственно, Тамбовской области – 346 и 350.

Но на западе Центрального Черноземья продолжилось развитие радиальной активной зоны.. Так, коэффициент взаимодействия Воронежской области в 1970 году составлял 888, а в 1980 г. 1132, Белгородской области 634 и 1080, Курской области 628 и 935 соответственно. То, что в данном случае имело место формирование радиальной активной зоны, а не продвижение внутренней границы краевой активной зоны, подтверждается тем, что динамично развивавшееся Центральное Черноземье “клином” вдавалось между восточной и западной частями внутренней пассивной зоны, находящихся в состоянии стагнации. Так, КВ Брянской области за 70-е

годы снизился с 278 до 256, а Калужской области вырос крайне незначительно, со 126 до 134.

Однако для Смоленской области, через которую проходила вновь формировавшаяся радиальная активная зона между центральной активной зоной и формирующимся западным сегментом краевой активной зоны (Белоруссия) были свойственны иные тенденции развития. Вследствие этого развитие Смоленской области, через которую проходят главные магистрали, связывающие Центра с зарубежной Европой, резко ускоряется. В 1980 г. КВ Смоленской области составляет 279 (в 1970 г. - 170).

Однако на севере Европейской России устойчивый характер приобретает тенденция к формированию северного сегмента краевой активной зоны Европейской России и продолжению формирования северо-западной радиальной активной зоны. Формирование краевой активной зоны проявлялось в увеличении коэффициента взаимодействия Вологодской и Кировской областей (в 1980 г. - 211 и 164 соответственно). Резко выросло и значение коэффициента взаимодействия Костромской области, почти в 2 раза (1970 г. - 69, 1980 г. - 123). Формирование радиальной активной зоны проявилось в резком увеличении значения КВ Новгородской области (1970 г. - 69, 1980 г. - 125).

Резко возрастает коэффициент взаимодействия в северных регионах Западной Сибири, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. КВ Ханты-Мансийского округа с 1970 по 1980 год вырос почти в 50 раз (с 3 до 147), а Ямало-Ненецкого округа более чем в 250 раз (с 0,3 до 78). За десятилетие коэффициент взаимодействия крайне слабо освоенных северных территорий стал выше, чем КВ целого ряда субъектов Федерации на староосвоенных территориях страны. Однако следует отметить, что коэффициент взаимодействия юга Западной Сибири рос в то же время крайне медленно, а по отдельным регионам даже сокращался (Новосибирская область 1970 г. - 217, 1980 г. - 207; Алтайский край - 240 и 265, Омская область - 169 и 194). Но следует отметить, что в то же время развитие Ке-

меровской области продолжалось быстрыми темпами, и значение коэффициента взаимодействия этой области выросло за 70-е гг. почти на четверть, с 1275 до 1691. Однако более быстрое в сравнении с другими областями юга Западной Сибири развитие Кемеровской области было лишь исключением, подтверждавшим общее правило.

А правило заключалось в том, что эвакуационная волна, обеспечившая ускоренную индустриализацию юга Западной Сибири, пришла сюда слишком рано, когда эта территория по уровню общественного развития была попросту не готова достичь такого уровня развития. Переброска сюда ресурсов из Европейской части СССР позволяла на протяжении длительного времени поддерживать индустриальное развитие Западной Сибири, но когда переброска вследствие исчерпания ресурсов прекратилась, Западная Сибирь стала постепенно откатываться к естественной для неё в 70-е гг. стадии преобладающего развития добывающей промышленности.

В Восточной Сибири наиболее быстрыми темпами рос показатель КВ Хакасии. КВ республики (тогда - автономной области) вырос с 1970 по 1980 г. с 19 до 110, или почти в 6 раз. Хакасия и Кемеровская область представляют собой единый территориальный массив, чем в значительной мере и объясняется чрезвычайно быстрое развитие Хакасии. В практическом же плане ускоренное развитие Хакасии определялось строительством Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС и созданием на их основе Саянского ТПК.

КВ Красноярского края вырос меньше, со 121 до 165, или примерно в полтора раза, но очень заметно, почти в два раза, увеличился показатель КВ Иркутской области (1970 г. - 100, 1980 г. - 194). Можно полагать, что здесь проявились воздействие процессов самоорганизации. До революции Иркутская губерния заметно опережала Енисейскую по уровню общественного развития (собственно, и характеризующегося показателем КВ). После революции, особенно в 30-е - 50-е гг., Красноярский край приобрёл большее значение. Но к 1980 г. Красноярский край вновь уступил ведущие

позиции Иркутской области. Коэффициент взаимодействия Бурятии вырос за 70-е гг. в два раза (с 10 до 20), но по-прежнему оставался очень низким. В Читинской области положение было более сложным, область практически застыла на месте (1970 г. - 14, 1980 г. - 17).

На Дальнем Востоке более быстрыми темпами росли значения КВ в Якутии (рост в 4 раза, с 0,5 до 2), Камчатской области (в 2 раза, с 6 до 12), и Еврейской автономной области (в 2 раза, с 5 до 10). В 1,7 раза вырос КВ Амурской области. На более освоенных территориях Дальнего Востока рост КВ был заметно медленнее. Так, КВ Приморского края вырос в 1,4 раза (со 166 до 238), Сахалина в 1,2 раза (с 51 до 63), Хабаровского края в 1,3 раза (с 15 до 20). Причины, определявшие изменения показателя КВ на Дальнем Востоке, были совершенно разными для разных административно-территориальных образований. Развитие Амурской области определялось строительством БАМа. БАМ представляет собой продолжение на восток Южсиба и дороги Абакан - Тайшет, и опыт развития более западных территорий вдоль этой "сверхмагистрали" был достаточно удачным (пример - Хакасия). При строительстве БАМа не было учтено лишь одно обстоятельство, а именно то, что избыточной рабочей силы у страны практически не осталось. Поэтому строительство БАМа на развитии большинства регионов, через которые он проходит, практически не сказалось или сказалось очень слабо. Увеличение КВ Камчатской области, Еврейской АО и Приморского края объясняется, как можно предположить, «военной составляющей» развития. Безусловно, данных, непосредственно об этом свидетельствующих, в открытых статистических справочниках обнаружить не удастся. Но об изменениях, связанных с мероприятиями по укреплению обороноспособности, можно судить по косвенным данным. Особенно чётко это видно на примере Камчатской области, КВ которой без видимых экономических причин вырос в 70-е гг. в 2 раза.

В северокавказских республиках, краях и областях в 1980 г. ситуация оставалась такой же, как в 1970 г. Коэффициент взаимодействия северо-

кавказских республик определялся в основном показателем популяционно-го взаимодействия (ПВ). Первое место по значению КВ на Северном Кавказе занимал в 1980 г., как и в 1970 г., Краснодарский край, КВ которого вырос за 70-е гг. с 2070 до 2444. Коэффициент взаимодействия Ростовской области вырос в 70-е гг. с 1101 до 1197, а Ставропольского края сократился с 696 до 664. Показатели КВ “горской” части Северного Кавказа значительно уступали его “русской” части. Наиболее высоким уровнем КВ из горских республик отличалась Северная Осетия, где этот показатель составлял 232, в остальных северокавказских автономных республиках и областях он был ещё ниже, минимальной величины достигая в Карачаево-Черкесии – 58.

Любопытными были тенденции трансформации пространственной структуры хозяйства на севере Европейской России. За 70-е гг. практически одинаково изменился коэффициент взаимодействия двух “лесных” субъектов Федерации, Карелии и Архангельской области. Если в 1970 г. в обоих субъектах КВ был равен 52, то к 1980 г. он вырос до 68 в Карелии и до 73 в Архангельской области. Гораздо резче изменился КВ Мурманской области, увеличившись с 66 до 109, или в 1,7 раза. Этот рост можно объяснить двумя основными обстоятельствами: во-первых, приоритетным развитием добывающей промышленности, определяемом ростом участия СССР в международном разделении труда, и во-вторых, усилением милитаризованности Мурманской области. Кольский залив (Североморск) представляет собой один из двух выходов России в открытый океан (второй - Петропавловск-Камчатский), что определяло и определяет его военное значение. Подобное развитие событий можно рассматривать как проявление тенденций самовосстановления Беломорской кольцевой структуры, существовавшей в начале XX в. Но если дореволюционная Беломорская структура имела одну центральную активную зону – Архангельск, то нынешняя – две таких зоны, Архангельск и Мурманск, при этом её кольцевой характер сохраняется.

Выводы

После революции и гражданской войны характер развития кольцевых структур меняется. В 20-е гг. прослеживаются попытки восстановления кольцевых структур России в примерно том виде, в каком они существовали до революции. Эти тенденции можно проследить по деятельности как во внутренней, так и во внешней политике. Но в силу ряда причин деятельность, направленная на восстановление «естественных» кольцевых структур дореволюционной России в 20-е гг., заканчивается провалом. В конце 20-х гг. в силу разных причин, но почти одновременно, разрушаются две кольцевые структуры – Западно-Сибирская, центральной активной зоной которой был Омск, и Дальневосточная, центральная активная зона – Харбин. В результате этого полностью распадается уже значительно разрушенная кольцевая структура России, и естественная кольцевая структура замещается искусственной. Тип территориального развития, характерный для Советского Союза 30-х гг., можно назвать нуклеарным – экономическое развитие ряда территорий обеспечивалось за счёт перекачки ресурсов, в том числе и внеэкономической, из других частей страны. Во время Великой Отечественной войны нуклеарный характер сменяется линейным, что обеспечивалось эвакуационной волной индустриализации и формированием сплошной полосы хозяйственного освоения от Москвы до Иркутска. 50-е – 60-е гг. отмечены как устранением фрагментации этой полосы, так и её территориальным ростом.

Но ввиду того, что такая система взаимодействия имела искусственный характер, требовалось постоянного вовлечения новых ресурсов, как природных, так и трудовых. Вторая половина 60-х гг. характеризуется попыткой привлечения этих ресурсов из-за пределов СССР (расширения участия нашей страны в системе международного разделения труда). Но во-

влечение новых ресурсов привело к опережающему росту издержек взаимодействия в сравнении с преимуществами. Вследствие этого к началу 70-х гг. интенсивность процессов организации пространства снижается, и всё большее и большее значение приобретают процессы самоорганизации. Начинается восстановление контуров кольцевой структуры Европейской России: южного и восточного краевых активных зон, а также соединительных фронтов. Значение процессов самоорганизации на протяжении 70-х гг. всё более нарастает, увеличивается связность системы, и к концу 70-х гг. кольцевая структура Европейской части СССР (значительная часть которой располагается на территории нынешней Российской Федерации) складывается окончательно.

Глава 5. Современная Россия: тенденции и перспективы самоорганизации пространства

§ 5.1. 80-е: перед кризисом

Тенденции регионального развития в Советском Союзе были противоречивыми, что чётко проявилось к началу 80-х гг. С одной стороны, продолжалось “движение на восток”, начавшееся в годы войны и продолжавшееся на протяжении 50-х - 60-х гг. С другой стороны, предпринимаются попытки искусственного ускорения развития Европейской России. Одновременное действие этих тенденций приводило к “растаскиванию” страны и нарастанию дезорганизационных процессов. Уже в 1984 г. Э.Б. Алаев утверждал, что “...структура управления на высшем уровне характеризуется сильной фрагментацией, позволяющей говорить о нарушении предела кратности ... Эта модель организации в своём росте подошла к пределу...” [6]. Дезорганизация прослеживалась как в “отраслевом”, так и в территориальном устройстве государства. “...С 1930 г. было создано 184 области, преобразовано 26, упразднено 74...” [6].

Тем не менее в 80-е гг. трансформация кольцевых структур России продолжалась. Наибольшими показателями коэффициента взаимодействия КВ, как и в более ранние периоды развития, характеризовались три субъекта Федерации - Москва, Ленинград и Московская область. Однако изменения КВ в этих трёх субъектах были различны. Значение КВ Москвы медленно, но верно увеличивалось. В 1990 г. КВ Москвы составлял 566 965, что в 1,1 раза выше показателя 1980 г. и в 1,2 раза выше показателя 1970 г. КВ Московской области в 1990 г. был выше показателя 1980 г. также в 1,1 раза, а показателя 1970 г. в 1,6 раза. Таким образом, продолжалось, хотя и значительно замедлилось, расширение центральной активной зоны Европейской России, включившего в свой состав, наряду с Москвой, территорию ближнего Подмосковья. Положение Ленинграда было гораздо

более сложным. Его коэффициент взаимодействия на протяжении 70-х - 80-х гг. неуклонно сокращались. Так, КВ Ленинграда в 1970 году составлял 93 167, в 1980 г. 92 370, а в 1990 г. всего 83 266, или в 1,1 раза меньше, чем в 1970 г. Снижение показателя КВ в данном случае объясняется неуклонным снижением доли Ленинграда во всех исследуемых направлениях деятельности, прослеживающемся на протяжении 70-х - 80-х гг. Впрочем, процессы снижения значения Ленинграда в жизни страны начались ещё раньше, в 20-е - 30-е гг.

Продолжилось снижение значения Урала. За 80-е годы КВ Челябинской области снизился с 2263 (1980 г.) до 2066, Свердловской области с 1211 до 1023, Пермской области с 801 до 735. Наиболее динамично развивающаяся в 70-е гг. область Уральского района - Оренбургская за 80-е гг. увеличила значение КВ всего в 1,05 раза, а вторая по темпам развития область, Курганская, осталась в 80-е гг. в целом на том же уровне развития (КВ 1980 г. 86, КВ 1990 г. 89). Урал уже к началу 70-х гг. утратил возможности развития за счёт собственных ресурсов, привлечение же ресурсов из других частей страны стало невозможным. Ресурсы Европейской России поглощались центральной активной зоной - Москвой, формировавшимися, а также краевыми и радиальными активными зонами. Ресурсы Западной Сибири, широко использовавшиеся Уралом в 30-е - 50-е гг., сменили направление движения с широтного на меридиональное, и поглощались севером Западной Сибири.

В Европейской России к наиболее динамично развивавшимся территориям относились субъекты Федерации, расположенные в пределах радиальных активных зон. В данном случае применимо известное в синергетике положение о "участках прошлого, которые активно готовят будущее". Наиболее мощным по уровню и наиболее быстрым по темпам развития становится радиальная активная зона, соединяющая Южный сегмент краевой активной зоны с центральной активной зоной - Москвой. Так, коэффициент взаимодействия Белгородской области составлял 1722, КВ Липец-

кой области 1688, а Воронежской области 1440. Области, расположенные к западу и востоку от этой радиальной активной зоны продолжали оставаться частью внутренней пассивной зоны. Так, КВ Тамбовской области составлял в 1990 г. 338, т.е. почти в пять раз меньше, чем соседней Липецкой области, а Пензенской области 279. К западу от Центрального Черноземья располагаются Орловская и Калужская области, коэффициент взаимодействия которых составлял 186 и 215 соответственно; КВ Брянской области был равен 380. Коэффициент взаимодействия (КВ) Смоленской области, через которую проходит радиальная активная зона, соединявший Москву с вновь формировавшимся западным сегментом краевой активной зоны, возрастал в 80-е гг. почти столь же быстрыми темпами, как и в 70-е гг. (1970 г. - 170, 1980 г. - 279, 1990 г. - 433). Однако КВ Псковской области, расположенной к северу от Смоленской, через которую радиальные активные зоны не проходили, рос очень медленно, достигнув к 1990 г. 79 (1970 г. - 68). Но к востоку от Псковской области, где формировалась радиальная активная зона, соединявшая Москву с Ленинградом (центральную активную зоны с западным сегментом краевой активной зоны), резко рос коэффициент взаимодействия Новгородской области. Если в 1970 г. коэффициенты взаимодействия Псковской и Новгородской областей были примерно одинаковыми (68 и 69 соответственно), то к 1990 г. КВ Новгородской области превосходил соответствующий показатель Псковской области без малого в 2 раза, достигнув значения 142. КВ Тверской области, через территорию которой также проходит радиальная активная зона, составил в 1990 г. 357.

Одновременно с этим продолжалось формирование Северного сегмента краевой активной зоны Европейской России. КВ Вологодской области в 1990 г. достиг 294, а Кировской области 201. Показатель КВ у субъектов Федерации, через которые проходит формирующийся Северный сегмент, росли гораздо быстрее, чем у их более южных соседей. Так, КВ Вологодской области увеличился с 1970 по 1990 год в 2,1 раза, в то время

как КВ Ярославской области снизился за тот же период с 450 до 290. Коэффициент взаимодействия Костромской области за тот же период увеличился с 69 до 130.

Восточный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России включал в свой состав, наряду с Уралом, Поволжье. Для Поволжья прослеживаются те же тенденции, что и для Урала – краевой сегмент увеличивался территориально, причём этот рост отмечается преимущественно в южном направлении. Так, показатель КВ Самарской области в 1990 г. составлял 2249, увеличившись с 1970 г. почти в 1,5 раза; КВ Татарстана за то же время вырос очень слабо (1423 в 1970 г. и 1531 в 1990 г.). Коэффициент взаимодействия Нижегородской области вообще сократился в 1,2 раза (1970 г. - 1251, 1990 г. - 1091). Но для Саратовской области отмечается последовательное, почти двукратное, увеличение показателя КВ в 70-е - 90-е гг. (1970 г. - 560, 1980 г. - 672, 1990 г. - 946), в то время как для соседней с ней Волгоградской было характерно небольшое увеличение этого показателя в 70-е гг. (с 472 до 505), при последующем его снижении до 484.

В Азиатской России фантастически быстрыми темпами продолжал расти коэффициент взаимодействия автономных округов Тюменской области. КВ Ямало-Ненецкого округа к 1990 г. составлял 239, а Ханты-Мансийского округа 290. Таким образом, за два десятилетия значение двух крайне слабо освоенных регионов не только достигло, но и превзошло значение многих староосвоенных территорий страны. Так, КВ Псковской области в 1990 г. составлял, как это уже упоминалось выше, 79, а Новгородской области 142. К сожалению, анализ трансформации кольцевых структур в Азиатской России по данным, характеризующим состояние субъектов Федерации, затруднен в силу громадных размеров этих субъектов. Однако привлечение косвенных данных (территориального анализа трансформации социально-экономической инфраструктуры) даёт основания утверждать, что в Западной Сибири к 1990 г. начался процесс формирования

кольцевых структур. Но если кольцевая структура Западной Сибири начала столетия была ориентирована на юг, то новая структура разворачивается на север. Районы “старого” и “нового” освоения в Западной Сибири обнаруживают тенденцию к территориальному сближению. Подтверждением этому является “экономическое возрождение” Томска и Тобольска, происходящее на 70-е - 80-е гг. Ускоряется и развитие юга Западной Сибири. КВ Кемеровской области, одной из самых высокоразвитых областей не только Сибири, но и России вообще, вырос за 80-е гг. в 1,5 раза, достигнув уровня 2614; примерно такими же темпами возрастал КВ Томской области, но он оставался достаточно низким (13 в 1970 г., 22 в 1980 г., 36 в 1990 г.). Однако те области и края Западной Сибири, где основным направлением хозяйственной деятельности является не добывающая, а обрабатывающая промышленность, развиваются очень медленно. Так, КВ Новосибирской области в 1980 г. составлял 206, а в 1990 г. 219, Омской области 194 и 222 соответственно, Алтайского края 265 и 318. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что КВ Омской области в 1990 г. превысил соответствующий показатель Новосибирской области. На наш взгляд, подобное развитие событий свидетельствует о начале коренной трансформации кольцевой структуры Западной Сибири и возвращению Омска значения центральной активной зоны этой территории, каким он и был в начале XX века.

В Восточной Сибири трансформация кольцевых структур шла иным путём. Наиболее динамично развивавшейся частью Восточной Сибири оставалась Хакасия, коэффициент взаимодействия которой вырос за 80-е гг. со 110 до 183. За 20 лет, с 1970 по 1990 г, он увеличился без малого в 10 раз. Второе место по темпам роста КВ в Восточной Сибири 80-х гг. занимала Иркутская область. Резко обозначился сложившийся уже в 70-е гг. разрыв между Иркутской областью и Красноярским краем по темпам общественного развития. Если в 1970 г. КВ Красноярского края был выше, чем Иркутской области (121 и 100), то уже к 1980 г. положение стало об-

ратным (КВ Иркутской области стал более высоким, чем Красноярского края), а в 1990 г. КВ Иркутской области в 1,4 раза превосходил КВ Красноярского края (230 и 166 соответственно). В подобном развитии событий также прослеживается стремление кольцевых структур к переходу на естественные основы развития: до революции КВ Иркутской губернии был значительно выше, чем Енисейской.

Развитие других восточносибирских субъектов Федерации в 80-е гг. отличалось неустойчивостью и противоречивостью. Если в 1980 г. КВ Бурятии и Читинской области был одинаковым - 20, то к 1990 г. в Читинской области он таким и остался, а в Бурятии вырос до 28. Подобное развитие событий можно связать со строительством БАМа. Постройка БАМа должна была привести к формированию кольцевой структуры на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока, подобной той, которая существовала до революции. Однако развивалась новая структура отнюдь не так стремительно, как Харбинская в начале века. Объяснение этому весьма простое. В начале века Дальний Восток поглощал ресурсы и энергию распадавшейся кольцевой структуры Восточной Сибири, существовавшей на протяжении двух столетий. В 80-е гг., напротив, Восточно-Сибирская ячейка испытывала тенденции к восстановлению. 80-е гг. для Дальнего Востока были столь же противоречивыми, как и для Восточной Сибири. Чрезвычайно быстрыми темпами рос коэффициент взаимодействия Якутии, почти в 2 раза, с 1,6 до 3. Этот рост был связан с вводом в эксплуатацию АЯМа (Амуро-Якутской магистрали) и началом формирования Южно-Якутского ТПК. Следует отметить, что на протяжении всей истории своего существования кольцевая структура Якутии (или той территории, которая ныне входит в состав Якутии), развивалась в значительной мере изолированно от остальной страны, взаимодействие Якутии с остальной территорией России осуществлялось главным образом через Якутск, который и представляет собой центральную активную зону Якутской кольцевой структуры, краевая ак-

тивная зона которой отличается чрезвычайно высокой степенью фрагментации.

Менее быстрый, но всё же очень значительный рост коэффициента взаимодействия в 80-е гг. был характерен не только для Якутии, но и для подавляющего большинства краёв и областей Дальнего Востока. Так, КВ Приморского края увеличился за 80-е гг. в 1,6 раза, с 238 до 389, Хабаровского края - в 1,3 раза, с 20 до 26, Камчатской области в 1,4 раза, с 12 до 17. На 80-е гг. приходится чрезвычайно быстрый рост не только дальневосточных владений СССР, но и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), самого динамичного сейчас региона планеты. Однако природа развития советского Дальнего Востока и зарубежных государств была совершенно различной. Для стран АТР свойственно формирование кольцевой структуры, развитие которой обеспечивается в основном за счёт тихоокеанского взаимодействия. Но развитие советского Дальнего Востока, являвшееся, насколько можно судить, одним из приоритетов 70-х - 80-х гг., преследовало целью усиление его связей не с соседями по региона, а с остальной территорией СССР. Однако рост КВ был свойственен не всем дальневосточным субъектам Федерации. Так, для Амурской и Сахалинской областей отмечается снижение значения КВ в 80-е гг. (с 24 до 21 и с 63 до 57 соответственно).

§ 5.2. 90-е гг.: кризис

Кольцевые структуры, складывавшиеся на территории СССР в 60-е – 80-е гг., в значительной своей части располагаются в пределах нынешней России. Развитие России, как и республик бывшего Советского Союза, в последние годы определяется состоянием общего социально-экономического кризиса. Падение уровня валового национального продукта в целом по СНГ только за первую половину 90-х гг. (1991 - 1995 гг.) составило почти 50%. Современные объёмы производства не превышают

уровня начала 70-х гг., а по очень многим показателям значительно уступают им. Во всех странах СНГ наблюдается спад инвестиционной активности. Сокращение инвестиций в основные фонды в целом по СНГ составило за 1992 - 1995 гг. 65% [162]. ВВП России наиболее быстрыми темпами сокращался в 1992 г. (19%), 1993 г. (12%) и 1994 г. (15%) [218]. 90-е - крайне тяжёлый период в жизни нашего государства. К сожалению, нет уверенности в том, что этот тяжёлый период уже завершился. Но 90-е гг. были временем не только тяжёлым, но и чрезвычайно противоречивым.

Но «общий кризис» - это общие слова. Российский, как и любой другой, кризис имеет чётко выраженную территориальную составляющую. Однако этой территориальной составляющей уделялось и уделяется явно недостаточное внимание. Такие исследования, даже если они и ведутся, посвящены главным образом реалиям сегодняшнего дня - например, изучение инвестиционной привлекательности и инвестиционного риска регионов России, регулярно проводимые журналом «Эксперт» [см., например, 144]. Однако исследования трансформации территориальной организации общества не только могут, но и должны охватывать по крайней мере несколько десятилетий, что позволяет определять перспективы их дальнейшего развития.

Центральной активной зоной Европейской России остаётся, конечно же, Москва. Но коэффициент взаимодействия её снизился в 1990 - 1994 гг. в 2,2 раза, а с 1994 по 1997 г. ещё в 1,3 раза (198 887 в 1997 г.). Москва переживает кризис достаточно болезненно, и более или менее благополучно выглядит лишь на фоне остальной России. Блеск витрин московских магазинов отнюдь не является свидетельством богатства подавляющего большинства москвичей. Покупательная способность населения в Москве до кризиса 1998 г. составляла всего 7,5% от таковой в Цюрихе [218].

За 1991 - 1994 гг. сокращение объёмов промышленного производства в Москве было более заметным, чем в России в целом [29]. Москва сейчас теряет свои позиции не только в сфере материального производства, но и в

“духовной” сфере. Так, по мнению О. Вендиной и С. Каринского, в настоящее время Москва утратила свой исторический образ, и превратилась из “города - храма” в “город - торжище” [33]. Главная из экономических функций Москвы в настоящее время - сфера обращения. В Москве сосредоточено 40% банков России, через них проходит 70% денежных потоков страны. На долю московских предприятий и организаций приходится 35 - 40% валютных поступлений в Россию

Второй по значению КВ субъект Российской Федерации - С.-Петербург. Как уже отмечалось выше, на протяжении 70-х - 80-х гг. прослеживается тенденция к сокращению значения города. На протяжении 70-х - 80-х гг. отмечается рост КВ Москвы и снижение - Ленинграда. В 1997 г. КВ Петербурга составлял 33 066, что в 6 раз меньше соответствующего показателя Москвы. Положение Московской области, третьего по величине КВ субъекта Федерации, сложнее, чем Москвы и Петербурга. КВ Московской области за 1990 - 94 гг. снизился в 4 раза, а в 1994 - 97 гг. ещё в 1,4 раза. КВ Московской области в 1997 г. составлял 1450, при том, что в 1990 г. он был равен - 7956, а в 1970 г. - 4917.

Ещё более тяжёлыми были последствия кризиса на Урале. Если сокращение коэффициента взаимодействия Урала на более ранних этапах развития было связано со снижением относительных показателей, то в 90-е гг. это сокращение происходило за счёт как абсолютных, так и относительных показателей. Так, КВ Челябинской области в 1997 г. составил всего 417 (1990 г. - 2066, 1970 г. - 2120), Свердловской области - 270 (1990 г. - 1023, 1970 г. - 1128), Пермской области - 233 (1990 г. - 735, 1970 г. - 810). Таким образом, снижение значения Урала превратилось в катастрофическое падение. Однако следует отметить, что не во всех субъектах Федерации на Урале значения коэффициента взаимодействия менялись одинаково. Так, КВ Оренбургской области в 1997 г. составлял 177, что в 3,2 раза ниже уровня 1990 г., но в 1,5 раза - уровня 1970 г. Для Челябинской области значение КВ 1997 г. уступало уровню 1970 г. в 5 раз, Пермской и

Свердловской областей в 3,5 раза. Если в 1970 г. КВ Пермской области был выше, чем Оренбургской, в 3 раза, то в 1997 г. в 1,3 раза.

Очень ярко кризис проявился в областях Центрального Черноземья. Так, КВ Белгородской области в 1997 г. составлял 590, что ниже соответствующего показателя 1970 г. - 634. Но сокращение показателя КВ Белгородской области было относительно небольшим. Кроме Белгородской области, значения КВ в относительно небольших размерах сократились в Липецкой области (1997 г. - 537, 1990 г. - 1688, 1970 г. - 671). В Курской области КВ 1997 г. равнялся 237 (1990 г. - 1196, 1970 г. - 628), в Воронежской области 244 (1990 г. - 1440, 1970 г. - 888). Восточная же часть Центрально-Чернозёмного района, на протяжении всех советских лет остававшаяся частью внутренней пассивной зоны, в годы кризиса деградировала очень быстро: КВ Тамбовской области в 1997 г. составлял 87, при максимальном его значении в 1990 г. - 358.

Западный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры, сложившейся в Советском Союзе последних десятилетий его существования, в пределы территории Российской Федерации практически не заходит. За 1990 - 1997 гг. КВ Смоленской области, представляющей собой часть западной радиальной активной зоны, снизился в 3,4 раза (с 433 до 126). Псковская область была и остаётся частью внутренней пассивной зоны, поэтому кризис лишь сделал более явственными тенденции к деградации, прослеживающиеся в развитии области на протяжении всех послевоенных десятилетий. Коэффициент взаимодействия Псковской области в 1997 г. составлял 17, при максимальном значении 1990 г. - 79 (1970 г. - 68), т.е. снизился в 4,6 раза.

Однако в соседней с Псковской Новгородской области ситуация была существенно иной. Коэффициент взаимодействия Новгородской области в 1997 г. составлял 52, что в 2,7 раза уступало уровню 1990 г., но более чем в 3 раза превосходило соответствующий коэффициент Псковской области в 1997 г. Это сопоставление чрезвычайно важно для того, чтобы

осознать, насколько важно для практической деятельности по развитию территории правильное определение её положения в кольцевой структуре. Инвестиции в Псковскую область в настоящее время помогут лишь удержать её «на плаву», в то время как вложения в Новгородскую область с очень высокой долей вероятности будут работать на её развитие.

Для Ленинградской области были свойственны примерно такие же тенденции развития, как и для Новгородской. Значение КВ Ленинградской области в 1997 г. составляло 157, при максимальном значении 1990 г. - 519 (1970 г. - 261). Вологодская область, через которую проходит северный сегмент, имела в 1997 г. значение КВ - 138, что равнялось показателям 1970 г. Максимального значения - 294 коэффициент взаимодействия Вологодской области достигал в 1990 г. Более сложным было положение в Костромской и Кировской областях. Через территорию этих областей также проходит северный сегмент краевой активной зоны Европейской России, что способствовало их ускоренному развитию в 70-е - 80-е гг. В Костромской области КВ за 1970 - 1990 гг. увеличился почти вдвое, с 69 до 130, а в Кировской области со 125 до 201. Но в 1990 - 1997 гг. в обеих областях наблюдалось резкое снижение КВ. В Костромской области он сократился со 130 до 32, или почти в 4 раза, в Кировской области с 201 до 47, или в 4,5 раза.

Положение в восточном, поволжском сегменте краевой активной зоны было ещё более сложным, чем в северном, особенно – в верхневолжских областях. В Ярославской области значение КВ в 1997 г. составляло 61, что почти в 5 раз уступало уровню 1990 года (КВ - 290). Коэффициент взаимодействия Ивановской области в 1990 - 1994 гг. снизился в 3,5 раза, и в 1994 - 1997 гг. ещё примерно в 1,5 раза (1990 г. - 853, 1994 г. - 248, 1997 г. - 184). Если для Ярославской области на протяжении всего предшествующего периода было свойственно сокращение значения КВ, то для Ивановской области - медленный рост (1970 г. - 782, 1990 г. - 852). Медленные темпы прироста КВ Ивановской области, так же, как и его сокращение

в Ярославской области, объясняются северного сегмента краевой активной зоны Европейской России в пределы Вологодской и Костромской областей. Различия в данном случае между Ивановской и Ярославской областями объясняются тем, что Ярославская область более “открыта” с севера в транспортном отношении, и соответственно краевой активной зоне смещаться здесь проще. Но при этом транспортно-географическое положение Ярославской области будет способствовать тому, что по мере продвижения на север краевой активной зоны на территории Ярославской области будет формироваться радиальная активная зона.

В средневожских субъектах Федерации положение было несколько лучше, чем в верхневожских. Так, в Нижегородской области КВ за 1990 - 1994 гг. снизился в 2,4 раза, и за 1994 - 1997 гг. ещё в 1,3 раза (в 1990 - 1997 г. с 1091 до 357). Чувашия вовлекается в состав радиальной активной зоны в 60-е – 70-е гг. И здесь, как и на многих других территориях, “освоенных” в относительно недавнем прошлом, КВ снижался чрезвычайно быстро, в 1990 - 1997 гг. в 5,2 раза. КВ Ульяновской области снизился в 1990 - 1997 гг. всего в 2 раза, с 441 до 220. В Татарстане коэффициент взаимодействия в 1990 г. составлял 1531, а в 1997 г. 586, т.е. снизился в 2,6 раза. Коэффициент взаимодействия Самарской области за 1990 - 1997 гг. снизился в 3,7 раза, с 2249 до 613. Если в 1990 г. КВ Самарской области был примерно в 1,5 раза выше коэффициента взаимодействия Татарстана, то в 1997 г. их показатели почти сравнялись. Своеобразным было положение Саратовской области. Если в 1990 г. коэффициент взаимодействия Саратовской области уступал КВ Самарской области в 2,4 раза (946 и 2249 соответственно), то к 1994 г. разрыв составил 3,5 раза, а в 1997 г. - в 3,7 раза (165 и 613 соответственно). В целом же значение КВ Саратовской области снизилось за 1990 - 1997 гг. в 5,7 раза. Очень быстро сокращалось значение и юго-восточных частей внутренней пассивной зоны, примыкающих к восточному сегменту. В качестве примера можно привести Пензенскую область, Мордовию и Марий Эл. КВ Пензенской области за 70-е - 80-е гг.

увеличился крайне незначительно, с 244 до 279. Темпы развития Мордовии были значительно выше, её коэффициент взаимодействия в 1970 г. составлял 132, а в 1990 г. - 272, т.е. вырос больше чем в 2 раза. Примерно такими же были темпы развития Республики Марий Эл, но значение её коэффициента взаимодействия было значительно ниже (1970 г. - 86, 1990 г. - 172). Но в 90-е гг. во всех трёх вышеупомянутых регионах происходит обрушение значения коэффициента взаимодействия. В Пензенской области его значение снизилось за 1990 - 1997 гг. в 4,4 раза (до 63), в Мордовии - в 9,7 раза (до 28), в Марий Эл - в 6,1 раза (до 36).

В Волгоградской области значение КВ в 1997 г. снизилось в сравнении с 1990 г. в 4,9 раза (с 484 до 98), в Астраханской области в 3,3 раза (со 177 до 53). На всём протяжении советского периода Астраханская область оставалась частью внешней пассивной зоны, и расширение восточного сегмента краевой активной зоны на юг, к Астрахани, отмечается лишь в последние десятилетия. Ростовская область, через территорию которой проходит южный сегмент, сходна с Волгоградской по отраслевой структуре хозяйства, однако имеет более благоприятные природные условия и экономико-географическое положение. Но снижение КВ здесь было примерно таким же. Если в Волгоградской области коэффициент взаимодействия снизился за 1990 - 1997 гг. в 4,9 раза, то в Ростовской области в 5,2 раза. Краснодарский край в годы кризиса пострадал меньше. Коэффициент взаимодействия (КВ) снизился здесь за 1990 - 1997 гг. в 3,5 раза, с 3075 до 873, однако всё равно оставался достаточно высоким. В Ставропольском крае сокращение было гораздо более значительным - в 5,1 раза, с 816 до 159, т.е. в целом таким же, как в Ростовской и Волгоградской областях.

В «горской» части Южной России положение было ещё хуже, чем в её «русской» части. В Карачаево-Черкесии коэффициент взаимодействия за 1990 - 1997 гг. снизился в 9,1 раза, с 64 до 7; в Северной Осетии в 10,5 раз, с 285 до 28; в Дагестане в 9,3 раза, с 167 до 18. Можно предположить,

что во всех республиках Северного Кавказа, а не только в Чечне, хозяйство придётся создавать практически “с чистого листа”.

В Северной и Азиатской России ситуация даже в самых благополучных нефтегазодобывающих регионах значение КВ снизилось за 1990 - 1997 гг. в 2,5 - 3 раза. Так, КВ “нефтяного” Ханты-Мансийского округа в 1990 г. составлял 289, а в 1997 г. - 94. В “газовом” Ямало-Ненецком округе КВ 1990 г. составлял 239, а 1997 г. - 94, так же, как и в Ханты-Мансийском округе. В собственно Тюменской области (без округов) коэффициент взаимодействия снизился за 1990 - 1997 гг. в два раза, с 80 до 41. В Томской области, вторым по значению “нефтедобывающим” субъектом Федерации в Западной Сибири после Ханты-Мансийского округа, значение КВ снизилось за 1990 - 1997 гг. примерно в 2,5 раза, с 36 до 14.

Однако следует отметить то обстоятельство, что в нефте- и газодобывающих регионах значение КВ 1997 г. либо превосходили соответствующие значения 1970 г. (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа), либо лишь незначительно уступали им (собственно Тюменская и Томская область). Это является, во-первых, свидетельством “территориального переустройства”, происходящего в нашей стране, а во-вторых, подтверждением того, что в Западной Сибири продолжается формирование кольцевой структуры, опирающейся на Транссиб, Обь и Иртыш. Но на юге Западной Сибири положение было гораздо более сложным, чем на севере. Коэффициент взаимодействия Кемеровской области снизился в 1990 - 1997 гг. в 4,8 раза, с 2614 до 543. КВ Алтайского края сократился более чем в 6 раз, с 318 до 51, Новосибирской области - в 4,7 раза, с 219 до 47, Омской области - с 222 до 63, или в 3,5 раза.

В Восточной Сибири всё более явственными становятся преимущества Иркутска. Это подтверждается данными об изменении коэффициента взаимодействия Иркутской области в сравнении с Красноярским краем. КВ Иркутской области в 1997 г. составлял 99, а в 1990 г. - 230, снизившись за годы кризиса в 2,3 раза. Коэффициент взаимодействия Красноярского края

в 1990 г. был равен 166, а в 1997 г. 43. Таким образом, КВ Красноярского края снизился в 1990 - 1997 гг. в 3,9 раза. Следует отметить, что для некоторых восточносибирских субъектов Федерации, так же, как и для западносибирских, отмечается превышение уровня КВ 1997 г. над уровнем 1970 г. Так, в Хакасии КВ 1997 г. превышает уровень 1970 г. больше чем в 4 раза, а в Иркутской области уровень КВ 1997 г. был таким же, как и в 1970 г.

На Дальнем Востоке, в отличие от Восточной Сибири, естественная кольцевая структура тенденций к восстановлению не испытывала, и крах искусственной кольцевых структур сказался на развитии Дальнего Востока катастрофическим образом. Коэффициент взаимодействия самого развитого дальневосточного субъекта Федерации, Приморского края, с 1990 по 1997 гг. снизился в 4,6 раза, с 389 до 83, Сахалинской области, второго по уровню развития субъекта - в 5,7 раза, с 57 до 10. В Якутии значение КВ снизилось в 1,5 раза (с 3 до 2), и она была самым благополучным субъектом Федерации, входящим в состав Дальневосточного экономического района. Самым тяжёлым было положение в Камчатской области, коэффициент взаимодействия которой снизился в 56 раз, с 17 до 0,3.

При расчёте коэффициентов взаимодействия 1998 и 2000 г. (приложения 16, 17, 18) использовались показатели валового регионального продукта по субъектам Российской Федерации, пересчитанные в доллары США по паритету покупательной способности на соответствующие годы. Невзирая на изменение методики определения этого коэффициента (использование вместо натуральных показателей стоимостных) кольцевые структуры и их зоны выделяются достаточно чётко, особенно - кольцевая структура Европейской России, с её центральной активной зоной (Москва и область), краевой активной зоной (той её частью, которая ныне находится на территории России), и радиальными активными зонами: южной, Москва – Донбасс, и восточной – Москва - Урал. Западная (Смоленская область), северо-западная (Тверская и Новгородская области) и северная (Ярославская область) выражены слабее. Процесс пространственной само-

организации общества в Азиатской части страны идёт в целом медленнее, чем в Европейской. Это объясняется, во-первых, тем, что уровень освоенности Азиатской России в целом ниже, чем Европейской, и во-вторых, в Азиатской России унаследованность пространственного развития проявляется гораздо слабее, чем в Европейской части страны. Кольцевые структуры, сформировавшиеся в Азиатской России до революции, в последующие годы были замещены новыми структурами, в формировании которых решающее значение имели процессы организации.

§ 5.3. Перспективы трансформации кольцевых структур и региональная политика России

Тенденции формирования и развития кольцевых структур позволяют прогнозировать их изменения. Как утверждал Ю.Г. Саушкин тридцать лет назад, «При экономико-географическом прогнозировании не надо повторять то, что делается другими наукам... Одна из основных целей экономико-географического прогнозирования ... - определить возможную систему экономических районов на далёкое будущее...» [161, с. 4]. Основным направлением региональной политики в России следует признать содействие формированию складывающихся кольцевых структур. Эти кольцевые структуры отличаются друг от друга по направлениям хозяйственной деятельности, уровню хозяйственной освоенности и направлениям тяготения, поэтому вряд ли возможно предложить общие «рецепты» для всех кольцевых структур. Важно одно – не следует мешать естественному развитию событий. Так, по мнению И. Могилевкина, страна находится перед двумя принципиальными историческими решениями: 1) добиваться реинтеграции постсоветского пространства с тем, чтобы были возвращены ключевые участки пространства; 2) начать историческую переориентацию своих основных экономических, политических и других связей с Запада на Восток.

Речь идёт о том, чтобы отвести хозяйственный и культурный потенциал России из ареала Атлантики и подключить его к бассейну Тихого океана, причём, как утверждает И. Могилёвкин, оба этих варианта не противоречат друг другу [116]. С утверждением о необходимости реинтеграции и возвращении ключевых участков пространства трудно не согласиться эта реинтеграция действительно происходит в основном вследствие действия процессов самоорганизации. Но вряд ли есть смысл в организации переориентации системы связей с Запада на Восток. В каждой крупной части страны сформировалась или формируется своя кольцевая структура, и основное внимание следует уделять не изменению соотношения между ними, а развитию каждой.

Наиболее благоприятными представляются перспективы развития активных зон (центральной, краевой и радиальных). Регионам, входящим в состав активных зон следует уделять наибольшее внимание. Сложно согласиться с мнением С.С. Артоболевского о том, что «Самыми «естественными» объектами российской региональной политики могли бы стать наиболее кризисные территории страны...Государство реально могло бы стимулировать их развитие...Региональная политика такого типа будет «выравнивающей», т.е. направленной на некоторое сокращение пространственных социально-экономических диспропорций за счёт «подтягивания» самых кризисных территорий» [11, с. 13]. Стимулировать развитие можно там, где это развитие идёт естественным путём, следовательно, стимулировать развитие кризисных территорий невозможно хотя бы потому, что такие территории не развиваются, а деградируют. Преимущественное вложение средств в деградирующие территории может быть обеспечено только за счёт изъятия этих средств у динамичных регионов. Таким образом, подобная региональная политика будет аналогом региональной политики советского времени, когда основной задачей провозглашалась ликвидация межрегиональных различий. Ни к чему хорошему, как показала практика, это не привело. Если преимущественное вложение средств в деградирую-

щие регионы не даст практически никакого положительного эффекта (пример – освоение Нечерноземья), то усиление внимания к динамично развивающимся регионам не только обеспечит ускорение процесса их развития, но и обеспечит возможность роста отсталых и депрессивных регионов. Безуспешность «выравнивающего» развития было доказана не только на примере России, но и других стран. Так, в Испании «вопреки попыткам регионального развития, пространственная неравномерность продолжает увеличиваться» [230]. «В рамках ЕС приоритет в региональной политике получают «проблемные», а не отстающие регионы... Испания, Португалия, Греция, Ирландия делали больший упор на отстающие регионы, в то время как Германия и Италия проводили политику, согласно которой предпочтение отдавалось другой группе регионов..., а именно: ресурсы направлялись главным образом в западные земли Германии и северные области Италии» [102].

Центральной активной зоной кольцевой структуры Европейской России останется Москва. Необходимо не только сохранять, но и расширять её «посреднические» функции. Как бы не относился к нынешнему положению столицы, развитие Европейской России обеспечивается главным образом за её счёт. Если посреднические функции сместятся туда, где ныне располагаются наиболее экономически благополучные добывающие регионы – в Азиатскую Россию, то Европейская Россия, колыбель и историческое ядро нашего государства, войдёт в состояние деградации. Но развитие центральной активной зоны кольцевой структуры Европейской России возможно не только и не столько за счёт «посреднических» функций. По утверждению Р. Штернберга, с начала 80-х гг. политика регионального развития в промышленно развитых странах в качестве одной из целей имеет создание условий привлечения «высоких технологий» [221]. Москва и Московская агломерация представляются идеальным для России районом развития подобных технологий. Правда, сам Штернберг утверждает, что размещение районов «высоких технологий» не может объяснить ни одна

теория, однако чрезвычайно любопытным представляется факт нахождения подавляющего большинства таких районов в центральных и краевых активных зонах соответствующих кольцевых структур (Дорога 128 в Массачусетсе и Силиконовая Долина в Калифорнии, Мюнхен в Баварии, Гренобль на восточной границе Франции и т.д.).

Менее очевидно перспективы развития других активных зон. Из четырёх сегментов краевой активной зоны Европейской части СССР (северного, восточного, южного и западного) в пределах нынешней Российской Федерации полностью остались лишь северный и восточный; осталась также значительная часть южного сегмента и совсем небольшая – западного.

Восточный сегмент будет нарастать в двух направлениях, северном и южном. Движение Восточного сегмента на юг, к Каспийскому морю, неизбежно приведёт к включению в его состав северо-западной части Казахстана. Любопытно, что именно эта часть Казахстана в 90-е гг. была одним из относительно благополучных регионов этого государства. Доля Западного Казахстана (Гурьевской, или Атырауской, Актюбинской, Мангистауской и Западно-Казахстанской областей) в валовой добавленной стоимости Казахстана увеличилась в 1999 году до 21,2% против 18,8% в 1996 г. [40]. В северном направлении восточный сегмент будет нарастать в направлении Республики Коми, и тенденции к этому уже прослеживаются.. По мнению В.А. Колосова и Н.С. Мироненко с соавторами, «Срединный пояс страны Ямал – Урал – Волга (территория, собственно и представляющая собой восточный сегмент краевой активной зоны Европейской России в нашем понимании – *прим. авт.*) становится её индустриальным стержнем (55 – 60% производства и экспорта)» [82, с. 9]. Южный сегмент будет смещаться к югу и юго-востоку, включая в свой состав республики Северного Кавказа. В этих республиках сейчас отмечается избыток того, чего так недостает остальной России – трудовых ресурсов. Северный сегмент продолжит своё движение на восток Европейской России, где он должен сомкнуться с вос-

точным сегментом. Когда это смыкание произойдёт, то северный сегмент должен обнаружить тенденцию к движению на север, к побережью морей Северного Ледовитого океана.

Западный сегмент кольцевой структуры, формировавшейся в Европейской части СССР последних десятилетий его существования, сейчас оказался за пределами Российской Федерации. Чрезвычайно важной задачей является сохранение его в составе «экономической России». «Экономическая Россия» гораздо больше политической, поэтому региональная политика в нашей стране должна быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя региональная политика должна быть направлена на преимущественную поддержку регионов, входящих в состав активных зон. Внешняя региональная политика должна быть направлена на то, что территории, входившие в состав активных зон и вышедшие из состава нашего государства, оказались в составе хотя бы «экономической России», политический суверенитет новых государств при этом вполне может быть сохранён. Опыт межвоенного времени, когда СССР фактически прекратил экономическое взаимодействие с бывшими западными окраинами Российской Империи (Польшей, Прибалтикой), показывает, что последствия такого решения одинаково тяжелы для обеих сторон. В этом случае нашей стране придётся разрушать сложившиеся естественные системы взаимодействия, и формировать искусственные, расходуя ресурсы на компенсацию утраченного. Ориентировочная стоимость портовых береговых сооружений и железнодорожного обустройства только в Усть-Луге и Балтийске составит примерно 280 млн. долларов. При этом все строящиеся балтийские порты представляют собой собственность частных компаний без доли государства в уставном капитале [14]. Но если в межвоенное время этих ресурсов (особенно ресурсов рабочей силы) было вполне достаточно, то сейчас их попросту нет. Но если их даже найти, то потрачены эти ресурсы будут впустую. В условиях современного интеграционного мира «автономизация» морского транспорта вряд ли возможна. Так, например, главным пор-

том Германии, несомненно, является Европорт в Роттердаме, что выгодно как Германии, так и Нидерландам. Тенденции к всемерному обособления были характерны для межвоенного периода, и в качестве примера неудачного в целом «портостроительства» того времени можно привести польский порт Гдыня – отстроенный в 30-е гг. по последнему слову техники, после войны он стал всего лишь дублёром Гданьска (бывшего Данцига). Естественным выходом севера и центра Центральной России в Балтийское море являются Рига, Клайпеда и Калининград. Путь налаживания взаимовыгодных отношений с прибалтийскими государствами представляется в долгосрочной перспективе представляется более перспективным, чем строительство новых портов. К сожалению, в 90-е гг. значительно снизились возможности России влиять на процессы, происходящие во всех частях западного сегмента. Со всей очевидностью это проявляется в Прибалтике, меньше – на Украине, наиболее полно удалось сохранить влияние России в Белоруссии.

Южная радиальная активная зона (Москва – Донбасс) должна восстановится в своих прежних границах (западная часть Центрально-Чернозёмного района). Южный сегмент краевой активной зоны Европейской России продолжается в пределах нынешней Украины от Донбасса до Одессы, и вся эта территория представляет собой часть «экономической России». В случае выхода из кризиса можно прогнозировать резкое усиления взаимодействия России и Украины, что самым благоприятным образом скажется на развитии данной радиальной активной зоны. Западная радиальная активная зона, от которой на территории России остался лишь один участок – Смоленская область, восстановит и даже превзойдёт свое было значение лишь в том случае, если западный сегмент краевой активной зоны будет включён в состав «экономической России». Северо-западная радиальная активная зона (Москва – С.-Петербург), проходящая через территории Тверской и Новгородской областей, будет развиваться хотя бы в силу своего «межстоличного» экономико-географического по-

ложения. Это положение, на протяжении XVIII – XX вв. препятствовавшее развитию данной территории, в послевоенные десятилетия стало фактором, способствующим ему. Тенденции развития Северной радиальной зоны будут противоречивыми. С одной стороны, краевая активная зона с этих территорий «уходит» к северу, что должно привести к снижению уровня взаимодействия. С другой стороны, на части этих территорий (Ярославская область) складывается собственно радиальная зона. Восточная радиальная зона (Москва – Урал) будет испытывать тенденцию к смещению на юг, что определяется ростом значения Южного Урала (Челябинская, Оренбургская области) и снижением – Среднего и Северного (Свердловская, Пермская области). Смещение восточной радиальной зоны приведёт к ускорению развития некоторых субъектов Федерации, ныне входящих в состав внутренней пассивной зоны (например, Пензенской области). Что же касается большей части субъектов Федерации, представляющих собой часть внутренней пассивной зоны, то ожидать каких-то существенных изменений их положения в ближайшем будущем, очевидно, не стоит.

В Азиатской России тенденции к формированию кольцевых структур прослеживаются сейчас как в Западной, так и в Восточной Сибири. Функции центральной активной зоны в Западной Сибири, вероятнее всего, будет выполнять Омск, а краевая активная зона этой структура должна включать в свой состав территории как России, так и Казахстана. Исходя из этого, региональная политика России в Западной Сибири, так же, как и в Европейской России, должна быть как внутренней, так и внешней. Внешняя региональная политика в данном случае должна быть направлена на «социально-экономическое» закрепление Северного Казахстана за Россией, в политическом же отношении эта территория может оставаться частью Казахстана. Но здесь следует поспешить, поскольку перенос столицы Казахстана в Астану может привести к тому, что Северный Казахстан, традиционно ориентированный на Россию, может «развернуться» в сторону новой столицы Казахстана.

Центральной активной зоной Восточно-Сибирской кольцевой структуры является Иркутск, а краевая активная зона будет включать в свой состав территории России и Монголии. Но в Монголии сталкиваются интересы России и Китая, и, к сожалению, наша страна в значительной мере утратила своё влияние в этой стране. Однако существуют вполне реальные предпосылки к его восстановлению, которые нужно использовать, тем более что перспективы развития Монголии представляются достаточно благоприятными. Рост ВВП в Монголии начался в 1994 г., причём глубина экономического спада в Монголии была значительно ниже, чем в России [54]. Наиболее сложным положение представляется на Дальнем Востоке. «Современная структура экономики (Дальнего Востока – прим. авт.), сформировавшаяся в основных чертах в 30-е гг., по-прежнему имеет однобокий непрогрессивный характер: на долю добывающей промышленности приходится около 30% общего объёма товарной продукции (этот показатель в 2,5 раза выше, чем в среднем по России)...» [4].

Восстановление кольцевой структуры на «дореволюционной» основе здесь вряд ли возможно, поскольку в нынешних условиях это будет означать включение юга российского Дальнего Востока в состав «экономического Китая». Но в то же время на Дальнем Востоке, как ни в какой другой части страны, проявился распад линейной советской линейной структуры взаимодействия. Она, конечно же, имела искусственный характер, но при этом обеспечивала решение своей главной задачи – взаимодействия Дальнего Востока и остальной страны. Однако есть вероятность, что строительство БАМа и «закольцовывание» тем самым системы путей сообщения юга Дальнего Востока будет способствовать здесь формированию принципиально новой структуры, но какой характер она будет иметь, сейчас определённо сказать невозможно.

Несомненно только одно – Дальний Восток в экономическом отношении должен ориентироваться больше на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, нежели на Европейскую Россию. Можно вспом-

нить мнение о возможных направлениях взаимодействия Дальнего Востока, определённое ещё в 1924 гг.: «...Восточно-азиатская окраина слишком удалена от центров русской промышленности, применять же там систему протекционизма русское правительство не сможет, т.к. это настолько удорожило бы стоимость жизни, что экономически убило бы развитие края...Разработка железа и угля может быть широко поставлена только для удовлетворения потребностей японской индустрии» [46, с. 3]. Как экономически, так и политически взаимодействовать следует, конечно же, не только с Японией, активно используя противоречия между основными тихоокеанскими державами и преследуя свои цели.

20-е гг. во многом сходны с нынешним периодом развития России, поэтому можно вспомнить ещё одно положение тех же авторов, высказанное в середине 20-х: «...Через 10 лет обстановка на русском фронте может радикально измениться, так как восстановление экономического благосостояния России в будущем может пойти гораздо быстрее, чем это принято сейчас думать» [46, с. 250].

Выводы

В 80-е годы трансформация кольцевых структур России продолжилась. Воздействие процессов организации на трансформацию кольцевых структур резко уменьшилось, и определяющее значение приобрели процессы самоорганизации. К 90-му году чётко сложились контуры кольцевой структуры Европейской России, подобной той, которая существовала до революции. Центральной активной зоной этой кольцевой структуры была Москва, а краевая активная зона протягивалась по периферии Европейской России, включая в свой состав территории Приазовья, Предкавказья, Приволжья и Урала, продолжаясь на территории других республик СССР (Украины, Белоруссии, Прибалтики). Наиболее мощные радиальные активные зоны проходили по направлению Москва – Донбасс и Москва –

Урал. Однако разные части краевой активной зоны сформировались в разное время, и потому находились на разных стадиях развития. Особенно большие проблемы были связаны с развитием Урала, который в 70-е – 80-е застыл в своём развитии. Урал был центральным, ключевым звеном искусственной кольцевой структуры, сформировавшейся в годы войны. Стагнация Урала, т.е. «проседание» центральной части этой кольцевой структуры, привело к тому, что вся она начала постепенно разрушаться. Если распад кольцевых структур дореволюционной России начался с окраин (западная часть краевой активной зоны Европейской России, Дальневосточная и Западно-Сибирская кольцевые структуры), то кольцевых структур СССР – из её центральной части, Урала.

Но если для Европейской части России определяющее значение в 80-е гг. имели процессы самоорганизации, то в Азиатской России продолжалось действие процессов организации, заключавшееся в дальнейшем развитии искусственной «советской» кольцевой структуры. Но в то же время для Азиатской России очень большое значение имело развитие её северных добывающих территорий, особенно в Западной Сибири. Однако попытка продолжение искусственной кольцевой структуры на восток (строительство БАМа) не привело к ожидавшимся результатам прежде всего потому, что у страны уже не было свободных ресурсов, которые можно было бы перераспределять.

Кризис 90-х гг. по разному проявился в развитии разных частей России. Наибольшей устойчивостью характеризуется развитие трёх групп регионов: центральной активной зоны, а также наиболее и наименее развитые части краевых активных зон. Быстро деградировали среднеразвитые регионы, вошедшие в состав краевых активных зон в ходе устранения их фрагментации, а также регионы, расположенные в пределах пассивных зон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Части кольцевых структур отличаются друг от друга по уровню, скорости и направленности процессов общественного развития. Исходя из этого, для каждой из этих групп территорий должны реализовываться свои подходы к проблемам социально-экономического развития. Если в центральных активных зонах необходимо лишь стимулирование процессов самоорганизации, то в краевых активных зонах требуется координация процессов самоорганизации и организации. В пределах же пассивных зон единственно возможным представляется действие процессов организации, направленное на то, чтобы хотя бы удержать территории, входящие в состав пассивных зон, от дальнейшей деградации.

Для России в целом оптимальным вариантом дальнейшего развития кольцевых структур является восстановление кольцевых структур, подобных тем, которые существовали до революции. Это позволит восстановить естественный характер взаимодействия регионов страны как между собой, так и с зарубежными странами, в силу чего коммуникационные преимущества преобладают издержки, что будет способствовать развитию страны.

К распаду России как государства формирование кольцевых структур, развивающихся автономно, но во взаимодействии, не приведет. Примаат экономики над политикой, провозглашаемый марксистской теорией развития общества, приводит к тому, что значение экономических связей для сохранения государственного единства сильно преувеличивается. Вне всякого сомнения, экономические связи могут воздействовать на политические, но это воздействие не прямое и не определяющее. Экономические и политические связи имеют принципиально разную природу. Экономические связи определяются перемещением вещества и энергии, осуществляемом главным образом в пространстве, политические – перемещением информации во времени, имеющим чрезвычайно сложный характер («па-

мьять поколений»). Примеров того, что экономика отнюдь не всегда воздействует на политику, множество. В нашей стране самый простой пример – Грозный. Уровень промышленного развития Грозного уступал в Южной России только Ростову-на-Дону. Грозный большую часть сырья получал из других регионов России, и за пределы своей республики отправлял практически всю готовую продукцию. Современные события в Чечне общеизвестны. Можно привести и примеры иного рода. Экономические связи между Канадой и США или Нидерландами и Германией тесны настолько, что соседние территории этих стран зачастую имеют даже общие системы жизнеобеспечения. Но канадцы отнюдь не стремятся украсить флаг США новой звездой (или звёздами), а голландцы – превращать своё королевство в одну из земель Федеративной Республики. Опыт Западной Европы показывает, что коренная реорганизация экономических связей никак не проявляется в политическом отношении. «Единая Европа» едина экономически, но сохраняется различие политического устройства государств Европы. Европейские государства – государства в целом небольшие, им было бы трудно в одиночку существовать в современном мире. Понимание этого пришло к европейцам после двух мировых войн и «холодной войны». Россия пережила те же войны, несколько десятков лет практически в одиночку противостояла всему остальному развитому миру, и сейчас перед ней – проблема выбора, уже решённая Европой. Но если Европа идёт по пути экономической унификации при сохранении политического разнообразия, то нам надо выбрать иной путь – экономической дивергенции при сохранении политического единства.

Список литературы

1. Аверин Г.А. - Проблемы формирования производственной структуры юга Обь-Иртышья (в связи с освоением его северных территорий) // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1972 - № 1 - с. 71 - 77.
2. Аганбегян А.Г. - О сочетании отраслевого и территориального принципов руководства экономикой // Вопросы географии, сб. 109 - Географические аспекты управления. - М.: Мысль, 1978. - с. 12 - 25.
3. Агафонов Н.Т., Исляев Р.А. - Основные положения перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития. - Спб., 1995. - 118 с.
4. Адашова Т.А. – Дальний Восток: стратегия развития // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001. - с. 21 – 23.
5. Аитов Н.А. – Социальное развитие регионов. - М.: Мысль, 1985, 220 с.
6. Алаев Э.Б. – Пути совершенствования организационных структур управления народным хозяйством // Проблемы перспективного территориального планирования. - Л.: ГО СССР, 1984. - с. 23 - 35.
7. Алаев Э.Б. – Развитие понятийного аппарата в географии // Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований. - М.: ИГ АН СССР, 1984. - с. 14 – 21.
8. Алаев Э.Б. - Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. - М.: Мысль, 1983. - 350 с.
9. Анучин В.А. - О сущности географической среды и проявлении индетерминизма в советской географии // Вопросы географии, сб. 41 - Экономическая география СССР. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. - с. 47 - 65.
10. Анучин В.А. - Теоретические проблемы географии. - М.: Географгиз, 1963. - 264 с.
11. Артоболевский С.С. - Региональная политика для России: потребности и реальности // Проблемы региональной политики и регионального анали-

- за. Материалы IV Всероссийского научного семинара 11 – 12 апреля 2000 года. - Смоленск, 2000. - с. 12 – 14.
12. Арянин А.Н. - О территориальной дифференциации экономического развития в России // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001. - с. 36 – 39.
13. Асланикашвили А.Ф. - Предмет познания географии // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1978 - №2 - с. 150 - 156.
14. Балтийский транзитный путь '97 // Морской флот, 1997 - №7 - с. 3 - 5.
15. Баранский Н. – Краткий курс экономической географии, в. 2 – общий обзор СССР в целом. – М.-Л.: Московский рабочий, 1931. - 302 с.
16. Баранский Н.Н. - Экономическая география. Экономическая картография. - М.: Географгиз, 1956. - 368 с.
17. Баранцев Р.Г. - Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика. Труды семинара, т. 3: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». - М.: МГУ, 2000. - с. 353 - 361.
18. Белов А.А. - Территориальная дифференциация социально-экономического пространства в современной России: неизвестное об известном // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001 - с. 59 – 63.
19. Белоусов И.И. - Основы учения о экономическом районировании. - М.: МГУ, 1976. - 320 с.
20. Беляев П. – Сделаем Челябинск благоустроенным городом // Правда - № 36 (9807) – 11 февраля 1945 года.
21. Богданов А.А. - Всеобщая организационная наука (тектология). - М.-Л.: Книга, 1925. - 300 с. (ч. 1); Л.-М.: Книга, 1927 - 268 с. (ч. 2).
22. Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание. - М.: Советская энциклопедия.

23. Брандт Э.А. – Создание экономического базиса социализма в Эстонской ССР. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1957. – 136 с.
24. Брейтерман А.Г. - Экономическая география СССР. - М.: Высшая школа, 1968. - 454 с.
25. Брук С.И. - Население мира: этнодемографический справочник. - М.: Наука, 1981. - 880 с.
26. Бугаев В.К. - Основные особенности социально-экономического развития регионов России в 90-е годы // Изв. РГО, 1 – 2000, с. 32 – 37
27. Бунге В. - Теоретическая география. - М.: Прогресс, 1967. - 280 с.
28. Буровский А.М. - Этнос и культура - космопланетарный фактор формирования антропогеосферы // Этнос, ландшафт, культура: материалы конференции. - Спб., 1999: Европейской Дом. - с. 5 - 13.
29. Вардомский Л.Б., Ершов А.П. - Рыночные преобразования в Москве на фоне российских проблем // Проблемы прогнозирования, 1996 – № 1 - с. 83 - 91.
30. Василькова В.В. - Порядок и хаос в развитии социальных систем. - Спб.: Лань, 1999. - 480 с.
31. Веденин Ю.А. - Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучение // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1990 - № 1 - с. 5 - 18.
32. Ведищев А.И. - Проблемы размещения производительных сил в СССР. - М.: Изд-во экономической лит-ры, 1963 - 280 с.
33. Вендина О., Каринский С. - Москва: образ города и его восприятие // Проблемы расселения: история и современность. - М., 1997, с. 89 - 95.
34. Верт Н. - История советского государства, 1900 - 1991. - М.: издательская группа “Прогресс”, “Прогресс - академия”, 1992 - 480 с.
35. Веселовский Б.Б. - Рост Москвы в сталинскую эпоху // Вопросы географии, сб. 19 - Преобразование природы и хозяйства Союза ССР. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1949 - с. 81 - 111.

36. Вещев Б.И. - Железнодорожный транспорт СССР в шестой пятилетке. - М.: Госполитиздат, 1957. - 174 с.
37. Видаль К. - Динамические неустойчивости, наблюдаемые в системе Белоусова - Жаботинского // Синергетика. - М.: Мир, 1984. - с. 109 - 126.
38. Воронов Н., Рихтер Е. – Ленинград – арсенал социалистической индустрии. – Л.: газетно-журнальное и книжное издательство, 1947. – 116 с.
39. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1934 - 1937 гг.), ч. 1 и 2. - М.: Госплан СССР, 1934.
40. Галимов М.А. - Региональные особенности развития областей Западного Казахстана // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001. - с. 87 – 92.
41. Гаргасас П.А. – Литовская ССР. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1960. – 128 с.
42. Геттнер А. - География: её история, сущность и методы. - Л.-М., 1930. - 416 с.
43. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. - Основы региональной политики. - Спб.: изд-во Михайлова В.А., 1998, 660 с.
44. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. – Регионоведение. – М.: Гардарики, 2000 – 384 с.
45. Горкин А.П. – Обрабатывающая промышленность США: экономико-географические процессы и структуры в эпоху НТР // Изв. ВГО, 1989 – т. 121, в. 2. – с. 157 – 165.
46. Головин Н., Бубнов А. - Тихоокеанская проблема в XX столетии. - Прага: Пламя, 1922. - 292 с.
47. Гольц Г.А. - Географический подход к проблеме интенсификации социально-экономического развития // Изв. ВГО, 1988 - т. 120, в. 1 - с. 32 - 42.
48. Гольц Г.А. - Стадии развития, структурные уровни и константы территориальных общностей расселения и хозяйства // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1986 - № 6 - с. 84 - 99.

49. Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии // Правда. - 16 мая 1955 года - № 138 (13434).
50. Гранберг А.Г. - Опыт моделирования межрегиональных взаимодействий в народном хозяйстве СССР // Проблемы перспективного территориального планирования. - Л.: ГО СССР, 1984. - с. 42 - 48.
51. Грицай О.В. - Россия в новом европейском мире: утопия или политическая реальность // Изв. РАН, сер. Геогр., 1992 - № 3 - с. 117 - 127.
52. Грицай О.В., Трейвиш А.И. - Центр и периферия: стадийные концепции регионального развития // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1990 - № 4 - с. 86 - 97.
53. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. - Центр и периферия в региональном развитии. - М.: Наука, 1991. - 168 с.
54. Гулуунбат О. - Российско-монгольские экономические отношения // Мировая экономика и международные отношения, 1999 - № 1 - с. 96 – 101.
55. Гумилёв Л.Н. - Этногенез и биосфера Земли. - Л.: Гидрометеиздат, 1990 - 528 с.
56. Данилевский Н.П. - Россия и Европа. - М.: Книга, 1991. - 574 с.
57. Демьяненко А.Н. - Социально-экономическая география и управление: возможные направления взаимодействия // Изв. РГО, 1 – 2000, с. 38 – 44.
58. Дергачёв В.А. - География маргинальной комплиментарности // Изв. РГО, 1995 - т. 127, в. 3 - с. 28 - 35.
59. Дергачёв В.А. - Поиски комплиментарного пути развития государства-цивилизации // Изв. РГО, 1996 - т. 128, в. 2 - с. 42-49.
60. Дмитриевский Ю.Д. - Об эволюции этно-экологических процессов // Изв. РГО, 1998 - т. 130, в. 2 - с. 52 - 54.
61. Дмитриевский Ю.Д. - Современный этап формирования единого евроазиатского экономического пространства (экономического союза стран) // Изв. РГО, 1994 - т. 126, в. 4 - с. 8 - 15.
62. Дюшен Б. - Республики Прибалтики. - Берлин: Русское универсальное изд-во, 1921. - 62 с.

63. Евсеев В.А. - О реальности информационного отображения развития венгерских районов в ведущих мировых экономических изданиях (на примере The Economist и Business Central Europe) // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001. - с. 121 – 125.
64. Ежегодник России, 1904 г. - Спб.: 1905. - 404 с.
65. Ежегодник России, 1907 г. - Спб.: 1908. - 410 с.
66. Ежегодник России, 1913 г. - Спб.: 1914. - 368 с.
67. Ежегодник России, 1914 г. - Пг.: 1915. - 360 с.
68. Ермолаев В.Ю. - Самоорганизация в природе и этногенез // Изв. ВГО, 1990 - т. 122, в. 1 - с. 26 - 31.
69. Жекулин В.С. - Введение в географию. - Л.: ЛГУ, 1989. - 272 с.
70. Журавлёв А.Н. - Развитие представлений о процессах взаимодействия географического пространства и нововведений // Изв. РГО, 1992 - т. 124, в. 3 - с. 282 - 288.
71. Зотов Д.К., Ушаков С.С. - Проблемы развития транспорта СССР. - М.: Транспорт, 1990. - 304 с.
72. Ишмуратов Б.Н. - Региональные системы производительных сил. - Новосибирск: Наука, 1979. - 236 с.
73. Каганский В.Л. - Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Изв. РАН, сер. Геогр., 1999 - № 2 - с. 42 - 57.
74. Кадомцев Б.Б. - Предисловие редактора перевода // Синергетика. - М.: Мир, 1984. - с. 3 - 5.
75. Каменев Л.Б. - Речь на собрании ответственных работников Московской организации 22 августа 1924 г. // Международное и внутреннее положение СССР. - М.: ЦК и МК РКП, 1924. - с. 3 - 48.
76. Кантор Л.М. - Перебазирование промышленности СССР // Записки планового института, в. VI. - Л., 1947. - с. 57 - 133.
77. Киселёв С.Н., Киселёва Н.В. - Размышления о Крыме и геополитике. - Симферополь: Крымский Архив, 1994, 64 с.

78. Климов В.И. - 103 важнейших центра фабрично-заводской промышленности Европейской России // Вопросы географии, сб. 50 - Историческая география. - М., 1963, с. 195 - 211.
79. Климонтович Ю.Л. - Введение в физику открытых систем. I. // Синергетика. Труды семинара, т. 3: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». - М.: МГУ, 2000 - с. 100 – 143.
80. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. - Жизнь неживого с точки зрения синергетики // Синергетика. Труды семинара, т. 3: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». - М.: МГУ, 2000 - с. 39 – 61.
81. Колесников А. - Районирование и улучшение государственного аппарата. - М.-Л.: ГИЗ, 1927. - 54 с.
82. Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петрова Н.В., Трейвиш А.И. - Российская общественная география первой половины 90-х годов // Изв. РАН, сер. Геогр., 1996 - №3 - с. 7 - 22.
83. Колосов Е.Е. - Дальний Восток и наше будущее. - Красноярск: Т-во “Сибирские огни”, 1919. - 48 с.
84. Колосовский Н.Н. - Проблема порайонной организации хозяйства СССР // Плановое хозяйство, 1929 - № 6 - с. 20 - 31.
85. Колотиевский А.М., Пурин В.Р., Яунпутинь А.И. – Латвийская ССР. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1955. – 118 с.
86. Константинов О.А. - О сдвиге на восток производительных сил СССР // Вопросы географии, сб. 10 - Экономическая география СССР. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. - с. 53 - 67.
87. Константинов О.А. - Экономические центры Привислинского края на рубеже XIX - XX столетий // Изв. ВГО, 1973 - т. 105, в. 1 - с. 21 - 27.
88. Константинов О.А., Епихин А.А. - Некоторые сдвиги в размещении населения СССР // Изв. ВГО, 1980 - т. 112, в. 1 - с. 3 - 10.

- 89.Коробов А. - Задачи комплексного территориального планирования // Плановое хозяйство, 1940 - № 11 - с. 39 - 46.
- 90.Косариков А.Н. - Энтропийный критерий устойчивости этносоциальных систем // Изв. РАН, сер. Геогр., 1997 - № 5 - с. 32 - 42.
91. Котляков В.М., Преображенский В.С. - С чем мы подходим к рубежам нового века (о некоторых чертах менталитета отечественных географов) // Изв. РАН, сер. Геогр., 1992 - № 3 - с. 4 - 12.
92. Котляков В.М., Трофимов А.Н., Селиверстов Ю.П., Хузеев Р.Г., Комарова В.Н. - Центр и периферия: проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) // Изв. РАН, сер. Геогр., 1998 - № 1 - с. 36 - 44.
- 93.Красильников А.В. - Формирование региональной бюджетно-налоговой системы в условиях экономической нестабильности (на примере Курганской области). Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Курган: КГУ, 1999. - 26 с.
- 94.Краткая история Польши с древнейших времён до наших дней. - М.: Наука, 1993. - 528 с.
- 95.Краткая история Румынии с древнейших времён до наших дней. - М.: Наука, 1987. - 542 с.
- 96.Краткая история Чехословакии с древнейших времён до наших дней. - М.: Наука. – 1988 - 530 с.
97. Култашев Н.Б. - Процессы территориальной самоорганизации жизни населения – фактор регионализации и территориальной дифференциации // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. - Смоленск: Универсум, 2001. - с. 175 – 180.
- 98.Кудряшова Л.Н., Тихомиров О.Ф. - К вопросу об объекте географической науки // Изв. ВГО, 1982 - т. 114, в. 1 - с. 40 - 45.
- 99.Лавров С.Б. - «Север - Юг»: новая формула региональных контрастов в ФРГ // Изв. ВГО, 1987 - т. 119, в. 3 - с. 318 - 324.
100. Лавров С.Б. - Геополитическое пространство России: мифы и реальность // Изв. РГО, 1997 - т. 129, в. 3 - с. 1- 6.

101. Лагард Э. - Признание Советского правительства. - М.: НКИД, 1925. - 154 с.
102. Ландабасо Л.И. - Европейский опыт решения региональных проблем // Европейский Союз на рубеже веков. - М., 2000. - с. 154 – 167.
103. Ландау Г. - Сумерки Европы. - Берлин: Слово, 1923. - 374 с.
104. Лаппо Г.М. - География городов. - М.: Владос, 1997 - 480 с.
105. Лейзерович Е.Е. - Уровни организации пространства: экономико-географический анализ // Изв. РАН, сер. Геогр., 1995 - № 2 - с. 67 - 75.
106. Ленинград. – М.-Л.: Гос. соц. - эк. изд-во, 1931. – 516 с.
107. Лёш А. – Географическое размещение хозяйства. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. - 455 с.
108. Лопатников Д.Л., Эстеров А.И. - Возможность использования индекса хозяйственного развития территории в сравнительном экономико-географическом анализе // Изв. РАН, сер. Геогр., 1997 - № 2 - с. 85 - 89.
109. Лунёва А. - Малые и средние города: потенциал и пути развития в условиях рыночной экономики (на примере Воронежской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. - Воронеж: ВГПУ, 2000 - 22 с.
110. Лукашев К.И. – Империалистические концепции современной американской лжегеографии // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1952 - № 2 – с. 36 – 46.
111. Львов В. - Советская власть в борьбе за русскую государственность. - Берлин, 1922. - 32 с.
112. Любавский М.К. - Обзор истории русской колонизации с древнейших времён до XX века. - М.: МГУ, 1997. - 682 с.
113. Масарик Т.Г. - Мировая революция. - Прага: Пламя-Орбис, 1926. - 234 с. (т.1)
114. Мироненко Н.С. - Проблема генезиса, эволюции и динамики мирового хозяйства (географический аспект) // Вестник МГУ, сер. 5 - геогр., 1995 - № 3 - с. 21 - 31.

115. Мирошникова Е.В. - Городское расселение во Франции: особенности формирования и проблемы современного развития. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. - М.: МГУ, 2000. - 23 с.
116. Могилёвкин И. - Россия: пространство как экономическая и политическая категории // Мировая экономика и международные отношения, 1996 - № 8 - с. 54 - 65.
117. Мукиданов Н.К. - От Страбона до наших дней: эволюция географических представлений и идей. - М.: Мысль, 1985. - 237 с.
118. Мурманская железная дорога как транспортно-промышленно-колониационный комбинат. - Л., 1930. - 100 с.
119. Население России за 100 лет (1897 – 1997 гг.). – М.: Госкомстат, 1998.
120. Неманов Л. - Внешняя политика Советской власти // Русский экономический сборник, в. VIII. - Прага, 1926. - с. 28 - 52.
121. Неманов Л. - От Рапполо до Берлинского договора // Русский экономический сборник, в. VI. - Прага, 1926 - с. 69 – 105; в. VII - с. 24 - 57.
122. Никитин Н.П. – Экономическое районирование в трудах Русского географического и Вольного экономического общества // Вопросы географии, сб. 47: Экономическое районирование СССР - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. - с. 43 - 105.
123. Николаенко Д.В. - Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территории. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. - Спб.: СпбГУ, 1999. - 42 с.
124. Николис Г., Пригожин И. - Познание сложного. - М.: Мир, 1990. - 342 с.
125. Новая победа советских строителей // Правда - № 6(9777) – 7 января 1945 г.
126. О комплексной оценке уровня социально-экономического развития и степени использования регионами инвестиционной привлекательности в

2000 году / Доклад Министерства экономического развития и торговли России - www.economy.gov.ru

127. Ожегов С.И. - Словарь русского языка. - М.: Советская энциклопедия, 1964, изд. 6-е.

128. Основы теории советского хозяйства. - Л.: Прибой, 1931 - 384 с.

129. Перекрёсток Европы. Незамерзающий порт и транспортный узел // Международная жизнь, 1995 - № 6 - с. 70 - 75.

130. Перельман А.И. - Геохимический ландшафт как самоорганизующаяся система // Вестник МГУ, сер. 5 - геогр., 1995 - № 4 - с. 10 - 16.

131. По республикам Советов. - Пг.: Мысль, 1924. - 244 с.

132. Покшишевский В.В. - Территориальное формирование промышленного комплекса С.-Петербурга в XVIII - XIX веках // Вопросы географии, сб. 20 - Историческая география СССР. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. - с. 122 - 163.

133. Попов В. - Очерки политической географии Западной Европы. - М.: Комм. ун-т им. Я. Свердлова, 1924. - 256 с.

134. Приваловская Г.А. - Биполярное пространство Москва - С.-Петербург // Изв. РАН, сер. Геогр., 1995 - № 5 - с. 58 - 67.

135. Пригожин И. - Конец определённости: время, хаос и новые законы природы. - Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. - 208 с.

136. Присяжный М.Ю. - Хозяйственное освоение территории Республики Саха (Якутия) в условиях реформ переходного периода. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. - Иркутск: ИГ СО РАН, 2000. - 21 с.

137. Прокопович С. - О росте народного хозяйства // Русский экономический сборник, в. I. - Прага: Пламя, 1925. - с. 34 - 61.

138. Прокопович С.Н. - Очерки хозяйства Советской России. - Берлин: Обелиск, 1923. - 216 с.

139. Пространственный анализ. - Казань: Новое Знание. - 2000, 116 с.

140. Пуск первого в Казахстане металлургического завода // Правда. - № 2(9773) – 2 января 1945 года.
141. Рашин А.Г. - Сдвиги в территориальном размещении населения России в XIX и в начале XX в. // Вопросы географии, сб. 20 - Историческая география СССР. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. - с. 99 - 122.
142. Регионы России. - М.: Госкомстат, 1999 (т. 1 и 2).
143. Регионы России – М.: Госкомстат, 2000 (т. 1 и 2)
144. Рейтинг регионов России. Результаты рейтинга // Эксперт, № 41 (301) – 2001.
145. Ретеюм А.Ю. - Земные миры. - М.: Мысль, 1988. - 266 с.
146. Родоман Б.Б. - Модель Тюнена и теоретическая география // Изв. ВГО, 1984 - т. 116, в. 5 - с. 415 - 421.
147. Родоман Б.Б. - Территориальные ареалы и сети. - Смоленск: Ойкумена, 1999. - 256 с.
148. Родоман Б.Б. - Территориальные системы // Известия АН СССР, серия Географическая, 1972 - № 4 - с. 114 - 118.
149. Российская Империя, словарь-справочник. - Спб.: изд-во им. А.С. Суворина, 1992. - 96 с.
150. Российский статистический ежегодник. - М.: Госкомстат, 1998. - 814 с.
151. Российский статистический ежегодник. - М.: Госкомстат, 1999. - 621 с.
152. Российский статистический ежегодник. – М.: Госкомстат. - 2000.
153. Россия в конце XIX века. - Спб., 1900. - 968 с.
154. Россия, энциклопедический словарь. - Л.: Лениздат, 1991. - 922 с. (репринтное издание)
155. Руденко А.П. - Самоорганизация и синергетика // Синергетика. Труды семинара, т. 3: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». - М.: МГУ, 2000. - с. 61 - 100.

156. Рыков А.И. - О неурожае и хлебном экспорте // Международное и внутреннее положение СССР. - М.: ЦК и МК РКП, 1924. - с. 49 -73.
157. Рязанцев И.П. - Социально-экономические отношения “центр - регион”: теория, методология, анализ. - М.: МГУ, 1998. - 200 с.
158. Садовничий В.А., Козодёров В.В., Ушакова Л.А., Ушаков С.А. - Устойчивость глобального развития и хаотичность глобальных явлений в нелинейных динамических процессах // Синергетика. Труды семинара, т. 3: материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы». - М.: МГУ, 2000. - с. 5 – 19
159. Самнер Г. – Математика для географов. – М.: Прогресс, 1981. - 296 с.
160. Саушкин Ю.Г. – Введение в экономическую географию. – М.: МГУ, 1970. - 338 с.
161. Саушкин Ю.Г. – Этапы и методы экономико-географического прогнозирования // Вестник Московского университета, серия V – География, 1972 - № 3 – с. 3 – 14.
162. Сафронов В. - Интеграция и стратегические цели социально-экономического развития стран СНГ // Русский экономический журнал, 1995 - № 2 - с. 3 - 10.
163. Свиточ А.А. - Проблема пространства-времени в палеогеографии // Вестник МГУ, сер. 5 - геогр., 1990 - № 6 - с. 3 - 9.
164. Сеницкий Л. - Краткий учебник экономической географии СССР и пограничных государств. - М.: Работник просвещения, 1924. - 154 с.
165. Синцеров Л.М. - Волны глобальной интеграции // Изв. РАН, сер. Геогр., 2000 - № 1 - с. 69 – 78.
166. Синцеров Л.М. - Экономико-географическое единство мира // География в школе, 2000 - № 2 - с. 3 – 10.
167. Смоэс М. - Химические волны в колебательной системе Белоусова - Жаботинского // Синергетика. - М.: Мир, 1984. - с. 139 - 164.
168. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1989, изд. 4-е

169. Советско-китайский конфликт 1929 г. - М.: Литиздат НКВД, 1930. - 90 с.
170. Соколов И.К. - Усложнение территориальной структуры хозяйства стран Южной Европы // Изв. АН СССР, сер. Геогр., 1989 - № 3 - с. 83 - 90.
171. Соколов О.В. - Экономико-географические аспекты империалистической интеграции (на примере ЕЭС) // Изв. ВГО, 1974 - т. 106, в. 5 - с. 396 - 401.
172. Сталин И.В. - Вопросы ленинизма. - М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. - 652 с. (18-е изд).
173. Сунь Цзин Чжи – Экономическая география как наука. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. - 1959, 94 с.
174. Сухоруков В.Д. - Структурная динамика пространственных систем (социально-экономические аспекты). - Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. - 99 с.
175. Сухоруков В.Д. - Теория геопространственных систем. - Смоленск: Ойкумена, 2000. - 192 с.
176. Трофимов А.М., Солодуха Н.М. - О единой теории географического поля // Изв. ВГО, 1985 - т. 117, в. 1 - с. 36 - 41.
177. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. - Общегеографические категории. I. Территориальность // Изв. РГО, 1995 - т. 127, в.6 - с. 1 - 9.
178. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. - Теория организации пространства. Сообщение 1. Географическое пространство-время и структура геообразований // Изв. РГО, 1993 - т. 125, в. 2 - с. 10 - 19.
179. Троцкий Л.Д. - К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). - М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926. - 68 с.
180. Файбусович Э.Л. - Критерии географичности исследований в социальной и экономической географии // Изв. ВГО, 1984 - т. 116, в. 6 - с. 515 - 518.

181. Философский словарь. - М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. - 590 с.
182. Хаггет П. - Пространственный анализ в экономической географии. - М.: Прогресс, 1968. - 392 с.
183. Хакен Г. - Информация и самоорганизация. - М.: Мир, 1991. - 240 с.
184. Хакен Г. - Синергетика. - М.: Мир, 1980.
185. Черваньов І.Г. - Стрімкими сходами - донызу? // Українски географічни журнал, 1995 - № 3 - с. 47 - 51.
186. Четыркин В.М. - О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии, сб. 41 - Экономическая география СССР, М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. - с. 9 - 29.
187. Чумичёв Н. – Новая крупная база тяжёлого машиностроения в Сибири // Правда. - № 42 (9813) – 18 февраля 1945 года.
188. Шупер В.А. - О природе импульсов территориального развития // Изв. РАН, сер. Геогр., 1998 - № 4, с. 10 - 16.
189. Шупер В.А. - Принцип дополнительности и теория центральных мест // Изв. РАН, сер. Геогр., 1996 - № 4 - с. 88 - 94.
190. Экономика транспорта. - М.: Трансжелдориздат, 1955. - 616 с
191. Эпштейн А.С. - О сущности и эффективности экономико-географического подхода к решению хозяйственных проблем // Изв. РГО, т. 127, в. 5, 1995. - с. 8 - 14
192. Юр Е.С. - Трансформация системы расселения в Германии после объединения. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. - М.: ИГ РАН, 2000. - 24 с.
193. Amiti M. - New trade theories and industrial location in the EU: a survey of evidence. (empirical work on European Union) // Oxford Review of Economic Policy, Summer 1998, v.14, n.2, p.45-54.
194. Backhaus J.G., Meijer G. - City and Country: Lessons from European Economic Thought (Critical Essay) // The American Journal of Economics and Sociology, Jan 2001, v.60, i.1, p.59-74.
195. Bayern in Janr 1994 // Bayern Zahlen, 7 - 1995, p. 176 - 181.

196. Bell D.J. - In bed with the state: political geography and sexual politics // *Geoforum*, 4 - 1995, p. 445 - 452.
197. Breschi S. - The Geography of Innovation: A Cross-sector Analysis // *Regional Studies*, May 2000, v.34, i.3, p.213-230.
198. Budd L. - Globalisation, territory and strategic alliances in different financial centres // *Urban studies*, 2 - 1995, p. 345 - 360.
199. Cappelin R. - Theories of local endogenous development and international co-operation // *Development issues and Strategies in the New Europe*. - Aldershot etc., 1992, p. 1 – 21.
200. Chakravorty S. - How does structural reform affect regional development? Resolving contradictory Theory with Evidence from India // *Economic Geography*, 2000, vol. 76, i. 4, p. 367 – 395.
201. Christaller W. - *Central places in Southern Germany*. - New York, 1966, 230 p.
202. Cox O.C. - *The Foundations of Capitalism – L.*: Peter Owen, 1959.
203. Cox O.C. - *Capitalism and American Leadership* - N.Y.: Philosophical Library, 1962.
204. Dunford M. - Integration and unequal development: the case of southern Italy, 1951 – 1973 // *Production, work, territory: the geographical anatomy of industrial capitalism*. - Boston etc.: 1986, p. 225 – 246.
205. Dunford M., Smith A. - Catching Up or Falling Behind? Economic Performance and Regional Trajectories in the "New Europe" // *Economic Geography*, April 2000, v.76, i.2, p.169 – 180.
206. Henges G. - Saar – Lor – Lux Raum. Modellregion für grenzüberschreitende Zusammenarbeit // *Geographie heute*, 153 - 1997, p. 12 – 15.
207. Hier S.P. - The forgotten architect: Cox, Wallerstein and world-system theory // *Race and Class*, Jan-March 2001, v.42, i.3, p.69 – 80.
208. Ivanicka K. - Transfrontier Co-operation in the Geopolitical Strategy of the Slovak Republic // *European integration and transborder co-operation*, proceeding on the international conference. - Banska Bystrica, 1998, p. 10 – 30.

209. Juchelka R. Euroregio Maas – Rhein. Leben im Grenzraum von Belgien, Deutschland und den Niederlanden // *Geographie heute*, 153 -1997, p. 12 – 15.
210. Kellerman A. - Time, Space and Society: Geographical Societal Perspectives. - Dodrecht etc., 1989, 130 p.
211. Kenny C. - Why aren't countries rich? Weak states and bad neighborhoods // *J. Dev. Stud.*, 5 – 1999, p. 26 – 47.
212. Kowalczyk A. - The influence of socio-political and economic transformation on the development of border towns of Poland // *Acta Univ. Carol. Geogr.*, 1997, p. 369 - 375.
213. Krugman P. - What's new about the new economic geography?// *Oxford Review of Economic Policy*, Summer 1998, v.14, n.2, p.7-18.
214. Malatesta D., Lereshe J.-P. - La frontiere lieu de recomposition des pouvoirs: Vers une gouvernance transfrontiere? Notes sur le l'Arc Jurassien // *Globe*, 1997, p. 279 – 289.
215. Meardon S.J. – Modelling Agglomeration and Dispersion in City and Country: Gundar Myrdal, Francois Perroux, and the New Economic Geography (Critical Essay) // *The American Journal of Economics and Sociology*, Jan 2001, v. 60, i. 5, p. 25 – 40.
216. Perroux F. – Economic spaces. Theory and applications // *Quarterly Journal of Economy*, 64 – 1950, p. 90 – 97.
217. Perroux F. – Note sur la notion de pole de croissance // *Economic Appliquee*, 1-2 – 1955, p. 307 – 320.
218. Pleiner W. - Die Russische Foderation: Supermacht oder Armenhaus // *Geographie heute*, 19- 1998, p. 2 - 7.
219. Secomski K. – Modern concepts of space and the space economy // *Concepts and methods in geography*, 1998, v. 3, p. 59 – 71.
220. *Statistical yearbook of UNESCO*. - Paris, 1991.
221. Sternberg R. - Reasons for the genesis of high-tech regions - theoretical explantation and empirical evidence // *Geoforum*, 2 - 1996, p. 205 - 223.

222. Straussfogel D. - World-systems theory: toward a heuristic and pedagogic conceptual tool // *Economic Geography*, Jan 1997, v.73, n.1, p.118-131.
223. Strijker D., Deinum T. - Relative regional welfare differences in the EC // *Development issues and Strategies in the New Europe*. - Aldershot etc., 1992, p. 53 - 64.
224. Terlow C. – The semiperiphery: focal point of regional development or statistical residue? – *Moving Regions*. – Utrecht, 1993, p. 25 - 43 (*Nederlandse Geographische Studies / Netherland Geographical Studies*, v. 161)
225. Terlow C.P. - The regional geography of the world-system: external area, periphery, semiperiphery, core. - Utrecht, 1992, 236 p. (*Nederlandse Geographische Studies / Netherland Geographical Studies*, v. 144)
226. Tsionas E.G. - Regional Growth and Convergence: Evidence from the United States // *Regional Studies*, May 2000, v.34, i.3, p.231-250.
227. UN Demographical yearbook. - New York, 1992
228. UN Statistical yearbook. - New York, 1994
229. Wallerstein I. - *The modern World-System Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16-th Century*. - N.Y., 1974.
230. *Western Europe: Geographical perspectives*. - L.- N.Y., 1985, 194 p.
231. www.kommet.spb.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Уровень общественного развития (УОР) государств мира в начале 90-х годов

государства и территории	УОР
СЕВЕРНЕЕ СЕВЕРНОГО ТРОПИКА	
Япония	5,12
Канада	4,43
Швейцария	4,25
Исландия	4,20
Люксембург	4,16
США	4,06
Нидерланды	4,05
Бельгия	4,04
Франция	4,03
Швеция	3,82
Италия	3,74
Испания	3,54
Финляндия	3,53
Ирландия	3,43
Великобритания	3,39
Австрия	3,38
Дания	3,32
Норвегия	3,29
Германия	3,28
Гонконг (кит.)	3,01

Израиль	2,93
Греция	2,67
Багамские Острова	2,50
Чехия	2,48
Южная Корея (Республика Корея)	2,38
Словения	2,35
Словакия	2,35
Белоруссия	2,27
Болгария	2,24
Эстония	2,23
Литва	2,21
Латвия	2,20
Польша	2,18
Венгрия	2,17
Мальта	2,16
Россия	2,13
Куба	2,07
Армения	2,02
Хорватия	2,02
Украина	2,01
Португалия	1,96
Югославия	1,88
Грузия	1,81
Молдавия	1,79
Босния и Герцеговина	1,78
Катар	1,70
Азербайджан	1,65
Казахстан	1,63
Румыния	1,62

Объединённые Арабские Эмираты	1,55
Бахрейн	1,54
Северная Корея (КНДР)	1,49
Кувейт	1,42
Киргизия	1,41
Узбекистан	1,32
Мексика	1,19
Таджикистан	1,17
Албания	1,1
Туркменистан	1,07
Китай	0,99
Турция	0,96
Оман	0,88
Ливан	0,8
Саудовская Аравия	0,75
Монголия	0,75
Иордания	0,74
Сирия	0,73
Ирак	0,64
Египет	0,62
Алжир	0,56
Мьянма	0,55
Зимбабве	0,51
Иран	0,48
Марокко	0,47
Индия	0,39
Пакистан	0,36
Непал	0,26
Бутан	0,25

Бангладеш	0,25
Афганистан	0,17
средний по группе	2,02
МЕЖДУ СЕВЕРНЫМ И ЮЖНЫМ ТРОПИКОМ	
Сингапур	2,91
Барбадос	2,75
Мартиника (фр.)	2,63
Нидерландские Антильские Острова	2,61
Тринидад и Тобаго	2,31
Бруней	2,16
Гваделупа (фр.)	2,11
Тонга	2,01
Пуэрто-Рико (США)	2,00
Антигуа и Барбуда	1,97
Французская Полинезия	1,95
Маврикий	1,92
Доминика	1,92
Коста-Рика	1,68
Белиз	1,57
Сент-Винсент и Гренадины	1,47
Ангилья	1,47
Венесуэла	1,40
Ямайка	1,31
Сент-Люсия	1,30
Сент-Киттс и Невис	1,26
Шри Ланка	1,23
Панама	1,21
Суринам	1,16
Таиланд	1,14

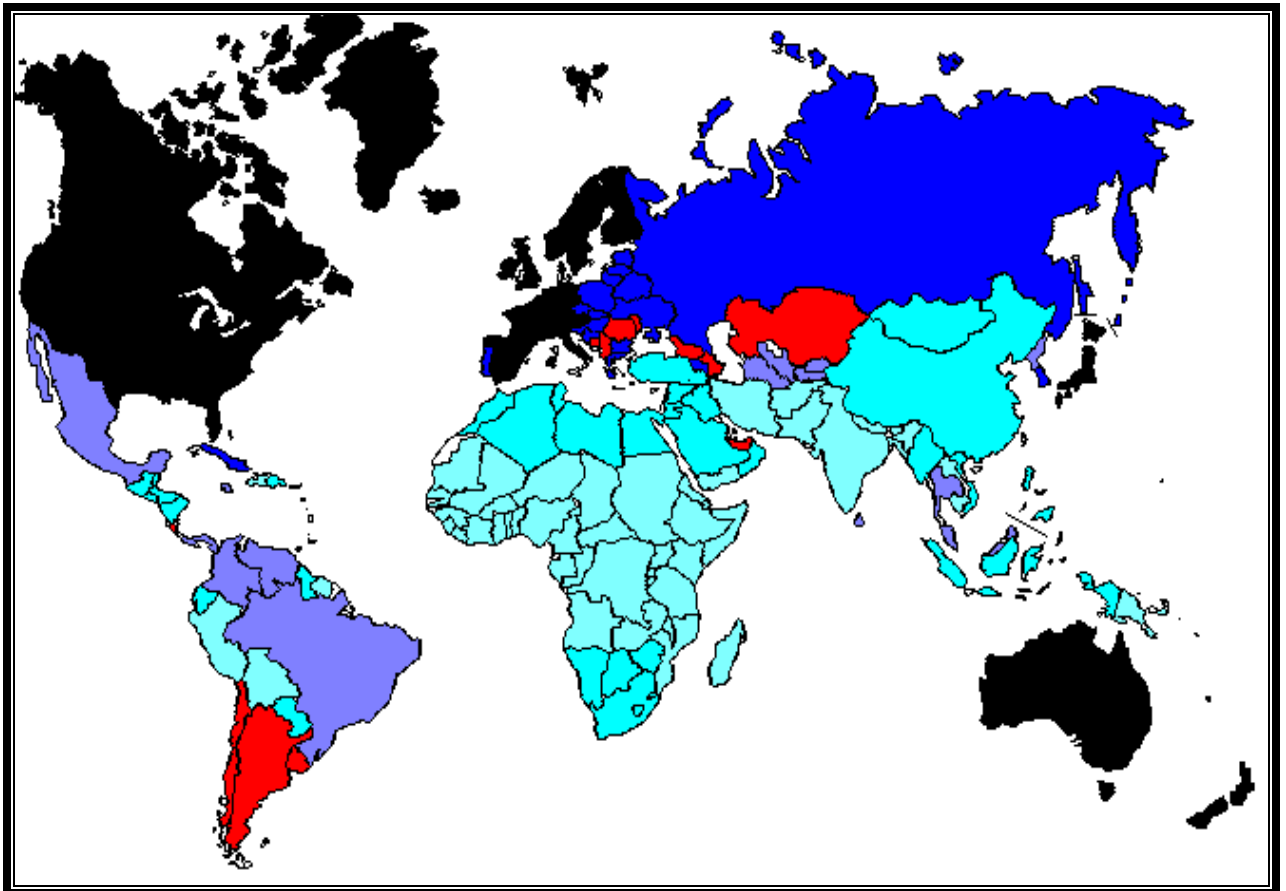
Науру	1,08
Малайзия	1,06
Бразилия	1,03
Колумбия	1,02
Кирибати	0,98
Гренада	0,96
Фиджи	0,9
Сейшельские Острова	0,88
Мальдивская Республика	0,87
Гайана	0,84
Восточное Самоа (США)	0,82
Западное Самоа	0,8
Соломоновы Острова	0,8
Филиппины	0,75
Эквадор	0,71
Доминиканская Республика	0,59
Вьетнам	0,58
Республика Кабо Верде	0,57
Индонезия	0,56
Гватемала	0,54
Сальвадор	0,54
Зимбабве	0,51
Перу	0,46
Никарагуа	0,45
Папуа - Новая Гвинея	0,45
Лаос	0,42
Кения	0,42
Габон	0,38
Кот д'Ивуар	0,38

Гана	0,38
Народная Республика Конго	0,38
Сенегал	0,38
Сан-Томе и Принсипи	0,37
Танзания	0,37
Замбия	0,36
Мадагаскар	0,34
Боливия	0,33
Джибути	0,32
Нигерия	0,32
Демократическая Республика Конго	0,31
Камерун	0,31
Камбоджа	0,31
Мали	0,30
Того	0,29
Йемен	0,28
Гаити	0,28
Мавритания	0,26
Коморские Острова	0,26
Бенин	0,25
Судан	0,25
Уганда	0,25
Экваториальная Гвинея	0,25
Бурунди	0,23
Руанда	0,23
Малави	0,23
Либерия	0,23
Нигер	0,23
Эфиопия	0,23

Центрально-Африканская Республика	0,22
Буркина Фасо	0,22
Гамбия	0,22
Ангола	0,21
Гвинея	0,2
Чад	0,19
Гвинея Бисау	0,19
Сьерра-Леоне	0,17
Мозамбик	0,17
средний по группе	0,8
К ЮГУ ОТ ЮЖНОГО ТРОПИКА	
Австралия	4,16
Новая Зеландия	3,48
Новая Каледония (фр.)	2,40
Аргентина	1,76
Уругвай	1,73
Чили	1,70
Южно-Африканская Республика	0,72
Намибия	0,65
Парагвай	0,62
Ботсвана	0,58
Лесото	0,37
Свазиленд	0,36
средний по группе	1,5

рассчитано по: [220, 227, 228]

приложение 2. Уровень общественного развития (УОР) государств мира

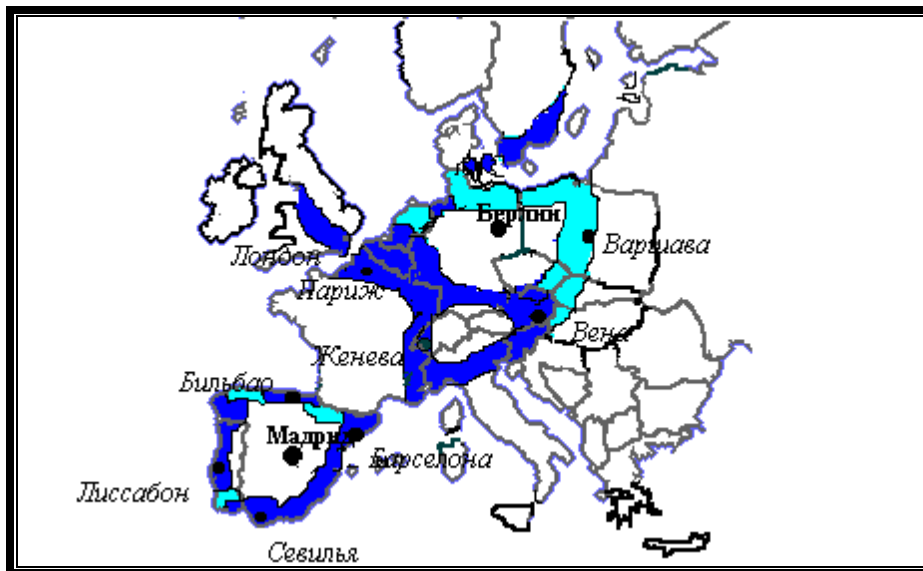

Условные обозначения

	показатель УОР выше 3
	показатель УОР от 2 до 3
	показатель УОР от 1,5 до 2
	показатель УОР от 1 до 1,5
	показатель УОР от 0,5 до 1
	показатель УОР менее 0,5
	нет сведений

Приложение 3.

Кольцевые структуры зарубежной Европы

Условные обозначение

Берлин центральные активные зоны

Севиля важнейшие города

краевые активные зоны

 существующие

 восстанавливающиеся и формирующиеся

примечание: радиальные активные зоны на схеме не показаны

приложение 4. Объём инвестиций в промышленность Индии по штатам и союзным территориям

штаты и союзные территории	объём инвестиций			
	до реформ		после реформ	
	в тысячах рупий	в процентах	в тысячах рупий	в процентах
Андхра-Прадеш	2733339103	8,85	418429600	6,22
Ассам	23104035	0,75	147412800	2,19
Бихар	188161750	6,09	251788700	5,74
Гоа	8957627	0,25	18330000	0,27
Гуджарат	310486668	10,05	1136879500	16,89
Дадра и Нагархавели	2922687	0,09	17153900	0,25
Дели	30995095	1,00	1035200	0,15
Западная Бенгалия	225564228	7,30	379475300	5,64
Карнатака	113196612	3,66	482312800	7,17
Керала	60410959	1,96	87443200	1,30
Мадхья-Прадеш	195744930	6,33	534433500	7,94
Махараштра	559701898	18,11	904281500	13,44
Орисса	144411879	4,67	401311500	5,96
Пенджаб	119248937	3,86	265014600	3,94
Путтучери (Пондишерри)	6514066	0,21	24753800	0,37
Раджастхан	120351083	3,89	249467200	3,71
Тамилнад	262064258	8,48	586282400	8,71
Трипура	951010	0,03	6760300	0,1
Уттар-Прадеш	330060624	10,68	548301400	8,15
Харьяна	78258546	2,53	158839700	2,36
Химачал-Прадеш	24297168	0,79	89672000	1,33
Чандигарх	924165	0,03	3004500	0,05
ИНДИЯ	3089241688	100	6730219400	100

составлено по: [200]

приложение 5. Движение пассажиров по станциям С.-Петербургского метрополитена (без учёта станций за разрывом, апрель 2001 г., по входу, тыс. чел.)

Движение пассажиров по пересадочным узлам и центральным станциям	
Технологический Институт	1470
Сенная Площадь – Садовая	3048,4
Невский Проспект - Гостиный Двор	4129,1
Площадь Восстания – Маяковская	3471
Площадь Александра Невского	2191,4
Владимирская – Достоевская	1410,6
Пушкинская	1094
Чернышевская	1493
Горьковская	1390,4
Петроградская	1711
Василеостровская	1947,7
Лиговский Проспект	1048,7
Движение по пересадочным узлам и центральным станциям: в тыс. чел.	24405,3
в процентах	34
в среднем на станцию	2033,8
Движение по окраинным станциям:	
Лесная	2124,4
Выборгская	604,7
Проспект Ветеранов	2160,8
Ленинский Проспект	1526
Автово	1666
Купчино	2146
Звёздная	1171,4

Московская	2267,3
Проспект Просвещения	2330,9
Озерки	1409,3
Удельная	1120,8
Пионерская	2393,2
Рыбацкое	672,4
Обухово	397,4
Пролетарская	639,9
Приморская	1449,3
Улица Дыбенко	995,6
Проспект Большевиков	1753,3
Ладужская	2207
Старая Деревня	1383,1
Движение по окраинным станциям:	30418,8
в процентах	42
в среднем на станцию	1520,9
Движение по прочим станциям:	
Кировский Завод	1097
Нарвская	1522
Балтийская	1569
Площадь Ленина	2169,3
Парк Победы	1110,7
Электросила	1171,3
Московские Ворота	588,5
Фрунзенская	651,9
Чёрная Речка	1484,6
Ломоносовская	1400,4
Елизаровская	1073,1
Новочеркасская	1499,3

Спортивная	658,9
Чкаловская	710,2
Крестовский Остров	230,9
Движение по прочим станциям: в тыс. чел.	16937,1
в процентах	24
в среднем на станцию	1129,14
ДВИЖЕНИЕ ПАССАЖИРОВ, ВСЕГО	71720,9

составлено по данным [231]

приложение 6.

Кольцевые структуры Российской Империи в начале XX века

примечание: радиальные активные зоны на картосхеме не показаны

Кольцевые структуры:

- I. Восточно-Европейская
- II. Кавказская
- III. Беломорская
- IV. Уральская
- V. Западно-Сибирская
- VI. Восточно-Сибирская
- VII. Дальневосточная
- VIII. Среднеазиатская

приложение 7

Коэффициент взаимодействия губерний и областей Российской Империи

губернии и области	в начале XX века	перед I мировой войной
Акмолинская область	14	25
Амурская область	0,7	2
Архангельская губерния	0,5	1
Астраханская губерния	13	20
Бакинская губерния	229	317
Бессарабская губерния	158	432
Варшавская губерния	1526	2011
Виленская губерния	153	219
Витебская губерния	186	230
Владимирская губерния	438	933
Вологодская губерния	14	15
Волынская губерния	341	532
Воронежская губерния	208	369
Вятская губерния	183	216
Гродненская губерния	220	289
Дагестанская область	15	50
Екатеринославская губерния	1404	3758
Елисаветпольская губерния	201	269
Енисейская губерния	0,5	2
Забайкальская область	7	14
Закаспийская область	0,4	2
Иркутская губерния	0,8	4

Казанская губерния	208	481
Калишская губерния	188	349
Калужская губерния	133	159
Карсская область	6	22
Келецкая губерния	207	286
Киевская губерния	810	1267
Ковенская губерния	119	212
Костромская губерния	108	243
Кубанская область	164	378
Курляндская губерния	61	187
Курская губерния	243	612
Кутаисская губерния	104	138
Лифляндская губерния	326	465
Ломжинская губерния	100	127
Люблинская губерния	308	464
Минская губерния	171	229
Могилёвская губерния	200	305
Московская губерния	2166	4606
Нижегородская губерния	161	322
Новгородская губерния	39	53
Область Войска Донского	227	591
Олонецкая губерния	3	6
Оренбургская губерния	71	150
Орловская губерния	234	465
Пензенская губерния	169	208
Пермская губерния	253	404
Петроковская губерния	3898	7057
Плоцкая губерния	135	166
Подольская губерния	1083	1458

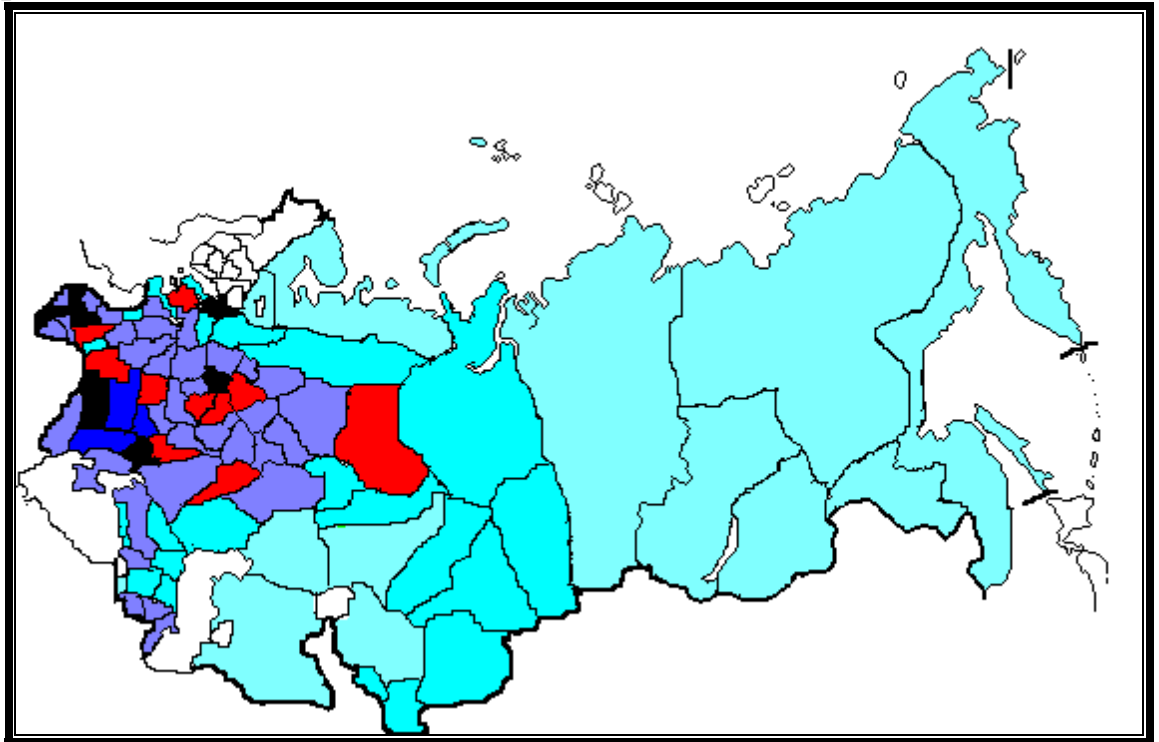
Полтавская губерния	540	798
Приморская область	0,2	1,1
Псковская губерния	62	98
Радомская губерния	172	644
Рязанская губерния	286	510
С.-Петербургская губерния	1126	1866
Самаркандская область	8	30
Самарская губерния	213	268
Саратовская губерния	389	468
Седлецкая губерния	51	73
Семипалатинская обл.	8	9
Семиреченская область	4	8
Симбирская губерния	152	236
Смоленская губерния	157	296
Ставропольская губерния	43	105
Сувалкская губерния	71	98
Сыр-Дарьинская область	0,3	0,4
Таврическая губерния	207	299
Тамбовская губерния	208	254
Тверская губерния	144	248
Терская область	38	102
Тифлисская губерния	81	116
Тобольская губерния	10	20
Томская губерния	45	98
Тульская губерния	296	400
Тургайская область	0,3	0,8
Уральская губерния	2	5
Уфимская губерния	92	188
Ферганская область	18	19

Харьковская губерния	460	619
Херсонская губерния	696	1209
Черниговская губерния	345	572
Черноморская губерния	11	20
Эриванская губерния	139	225
Эстляндская губерния	81	157
Якутская область	0,2	0,25
Ярославская губерния	174	184

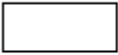

рассчитано по: [64, 65, 66, 67]

приложение 8

Коэффициент взаимодействия губерний и областей Российской Империи, начало XX в.

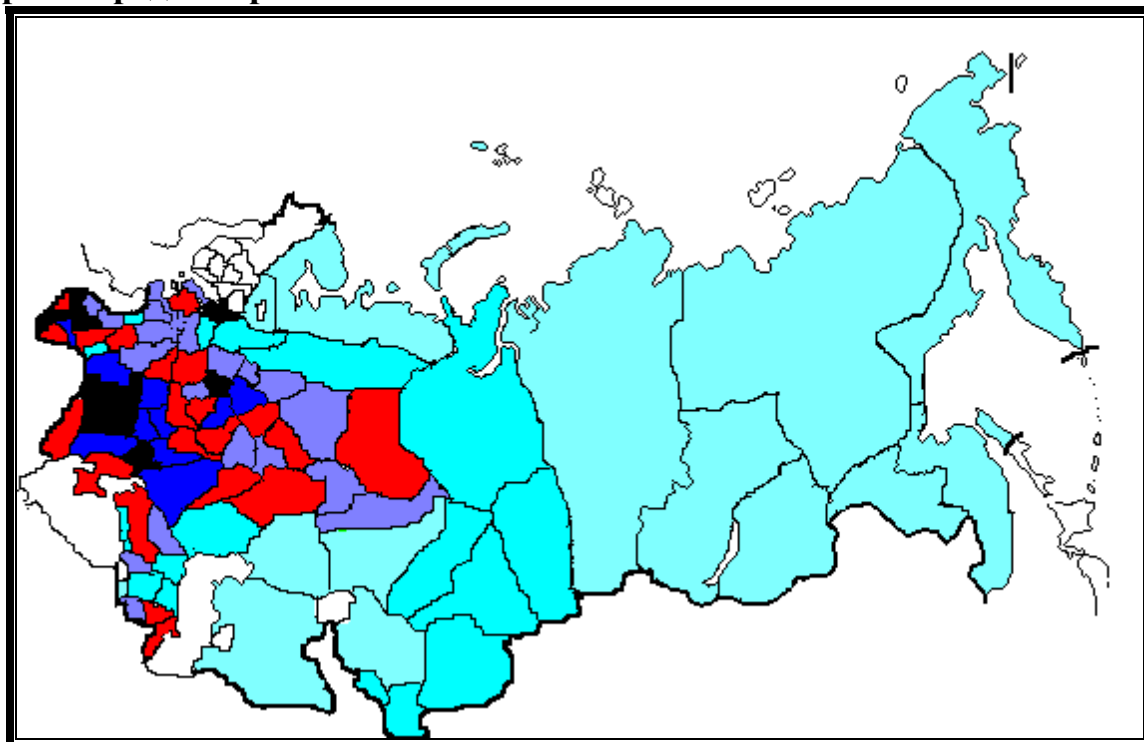

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 9

Коэффициент взаимодействия губерний и областей Российской Империи перед I мировой войной.

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

	больше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 10

Кольцевые структуры СССР к началу 90-х гг.

примечание: радиальные активные зоны на картосхеме не показаны

Кольцевые структуры:

- I. Восточно-Европейская
- II. Западно-Сибирская
- III. Восточно-Сибирская
- IV. Дальневосточная
- V. Среднеазиатская
- VI. Беломорская
- VII. Якутская

приложение 11

**Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации
в 1970 – 1997 гг.**

субъекты Федерации	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1994 г.	1997 г.
Москва	458400	513537	566965	253812	198886
С.-Петербург	93167	92370	83265	41382	33066
Московская область	4917	6975	7956	1994	1450
Челябинская область	2120	2263	2066	568	417
Краснодарский край	2070	2444	3074	1147	873
Тульская область	1904	1403	1335	385	284
Самарская область	1549	1883	2249	809	613
Татарстан	1423	1346	1531	737	585
Кемеровская область	1275	1691	2614	737	542
Нижегородская обл.	1251	1182	1091	460	357
Свердловская область	1128	1211	1023	357	269
Ростовская область	1101	1196	1281	336	246
Воронежская область	888	1132	1439	338	244
Пермская область	810	800	734	301	233
Ивановская область	782	925	852	248	183
Ставропольский край	696	664	815	218	159
Башкортостан	689	751	719	271	206
Владимирская область	682	1264	1504	415	304
Липецкая область	671	1321	1688	695	537
Белгородская область	634	1080	1722	756	590
Курская область	628	934	1196	323	237
Саратовская область	560	672	946	228	165
Калининградская область	500	518	490	83	59

Чувашия	487	586	870	228	166
Волгоградская область	472	505	483	133	97
Ярославская область	454	312	290	83	61
Удмуртия	447	507	622	190	141
Ульяновская область	359	310	441	331	220
Тамбовская область	346	350	358	116	87
Тверская область	314	321	257	84	63
Рязанская область	296	535	622	202	151
Брянская область	278	256	300	69	50
Оренбургская область	274	550	580	230	177
Ленинградская область	261	447	519	205	157
Дагестан	245	181	166	25	18
Пензенская область	244	245	279	85	63
Алтайский край	240	265	318	70	50
Новосибирская область	217	206	219	64	47
Северная Осетия	215	231	285	39	27
Смоленская область	170	279	432	165	126
Омская область	169	194	221	82	62
Приморский край	166	237	388	112	82
Астраханская область	165	174	176	69	53
Орловская область	144	147	215	87	67
Вологодская область	138	211	294	168	138
Мордовия	132	209	272	40	28
Адыгея	128	122	146	19	13
Калужская область	126	134	181	54	40
Кировская обл.	125	163	201	63	47
Красноярский край	121	156	166	57	43
Иркутская область	100	195	229	122	99
Кабардино-Балкария	93	166	238	30	20

Марий Эл	86	124	172	49	36
Новгородская область	69	124	142	66	52
Костромская область	69	123	130	42	31
Псковская область	68	79	79	23	17
Мурманская область	66	109	120	44	33
Курганская область	63	86	89	21	15
Карелия	52	68	75	42	35
Архангельская область	52	73	83	36	28
Сахалинская область	51	63	57	13	10
Тюменская область (без округов)	45	58	80	49	41
Коми	28	48	52	22	17
Карачаево-Черкесия	25	58	64	10	7
Хакасия	19	110	182	102	83
Хабаровский край	15	20	25	5	4
Читинская область	14	16	20	6	4
Амурская область	14	24	21	6	4
Томская область	13	22	36	18	15
Бурятия	10	20	27	6	4
Камчатская область	6	12	17	0,4	0,3
Коми-Пермяцкий АО	5	3	3	1	0,5
Еврейская АО	5	10	11	2	1
Ханты-Мансийский АО	3	147	289	121	94
Усть-Ордынский Бурятский АО	3	3	5	1,5	1
Калмыкия	2	4	5	2	1,5
Тува	1	1	1	0,3	0,3
Магаданская область	1	1	1	0,6	0,5
Алтай	1	1,1	1,1	0,4	0,3

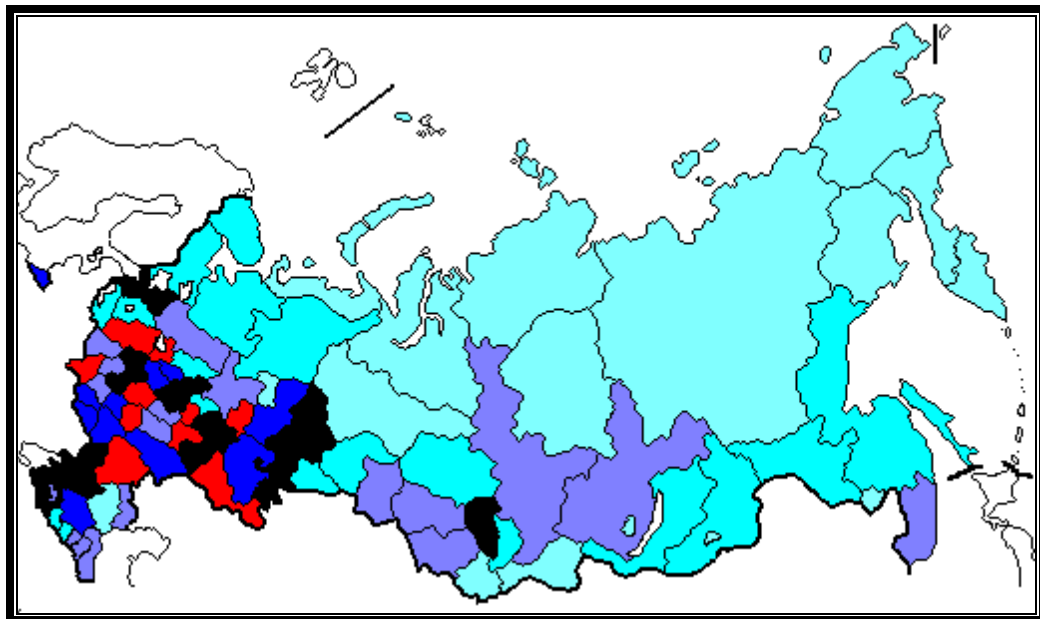
Саха (Якутия)	0,5	2	3	2	2
Агинский Бурятский АО	0,5	4	1	0,2	0,1
Ямало-Ненецкий АО	0,3	78	239	118	94
Чукотский АО	0,1	0,1	0,2	0,01	0,01
Ненецкий авт. округ	0,02	0,07	0,2	0,1	0,01
Таймырский АО	0,005	0,007	0,01	0,007	0,006
Корякский АО	0,003	0,005	0,005	0,0008	0,0005
Эвенкийский АО	0,001	0,001	0,002	0,0007	0,0006

примечание: данные округлены до целых, в случае, если коэффициент взаимодействия меньше 1 - до первой значащей цифры.

составлено по: [119, 142, 150, 151, 152].

приложение 12

Коэффициент взаимодействия республик, краёв, областей, автономных областей и национальных округов РСФСР в 1970 г.

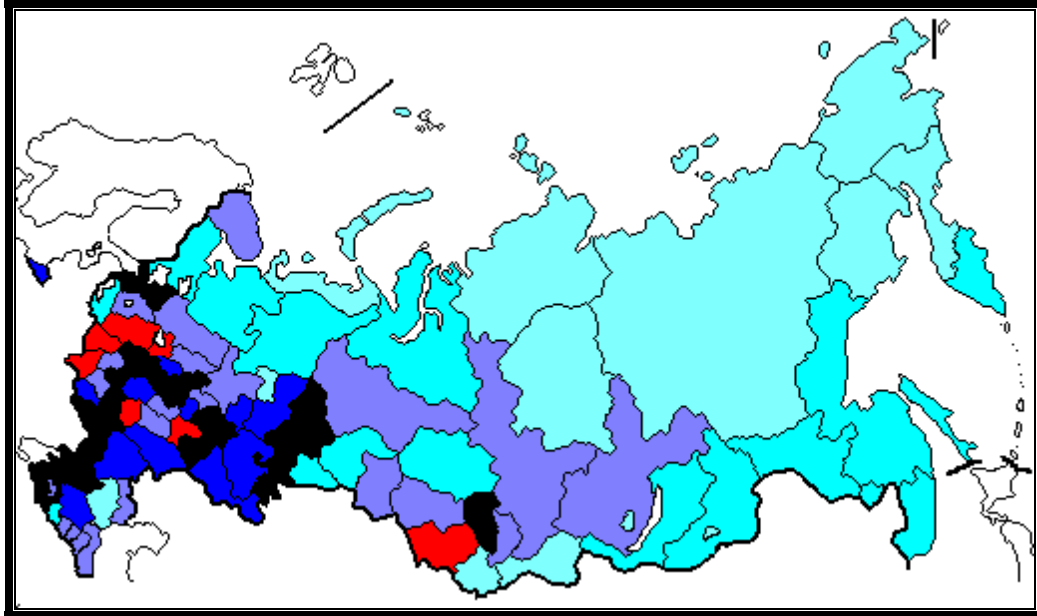

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

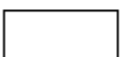

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 13

Коэффициент взаимодействия республик, краёв, областей, автономных областей и автономных округов РСФСР в 1980 г.

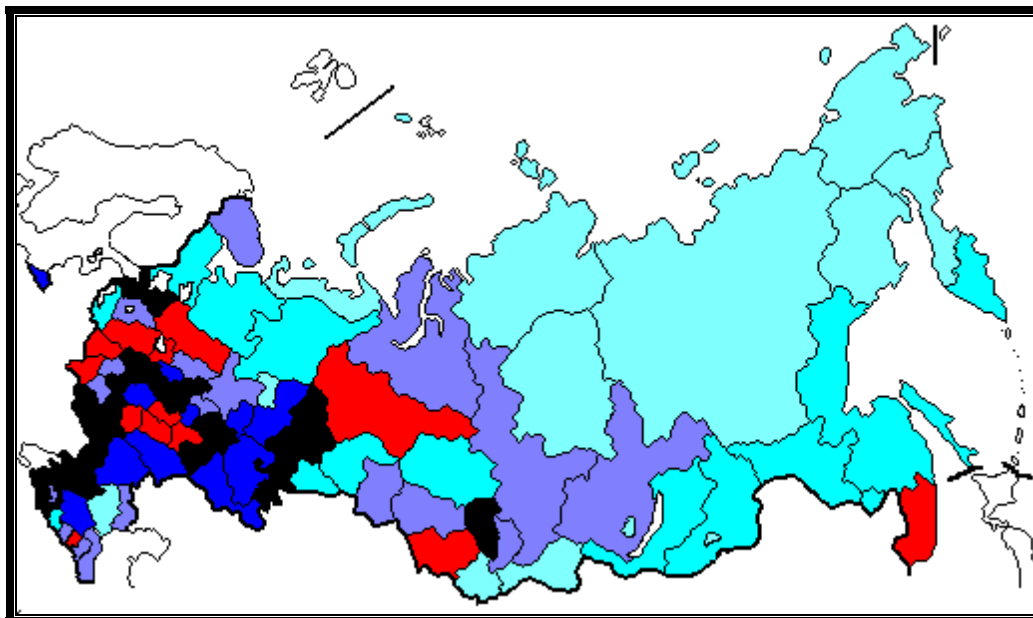

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

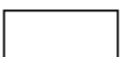

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 14

Коэффициент взаимодействия республик, краёв, областей, автономных областей и автономных округов РСФСР в 1990 г.

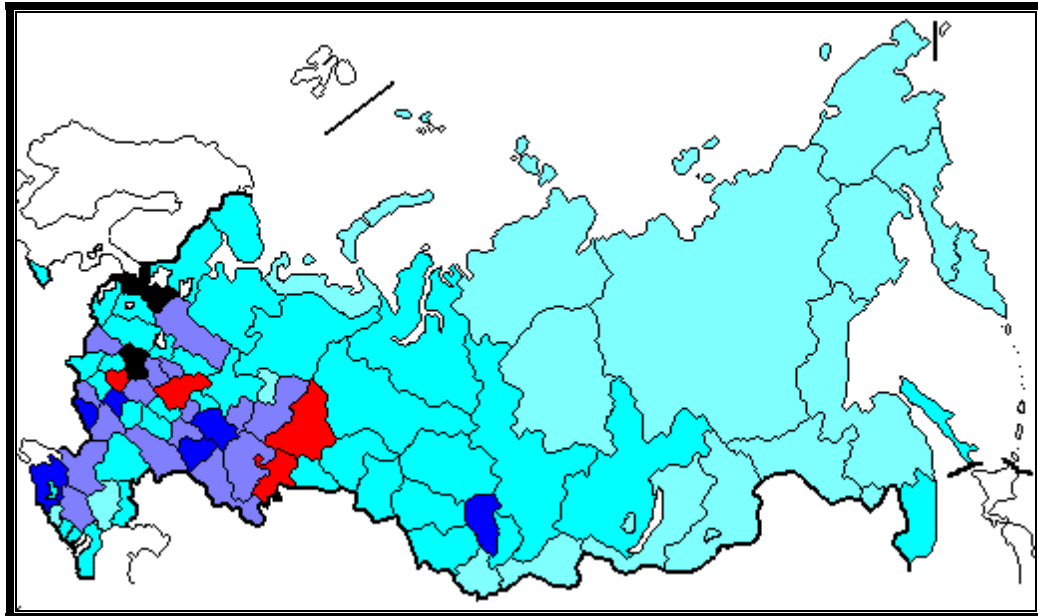

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

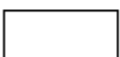

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 15

**Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации
в 1997 г.**

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

приложение 16

**Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации
в 1998 – 2000 гг. (по валовому региональному продукту)**

	1998 год	1999 год	2000 год
Москва	89037	98888	116682
С.-Петербург	9631	8468	10139
Московская область	614	448	656
Республика Татарстан	225	212	294
Самарская область	196	163	191
Краснодарский край	194	242	384
Нижегородская область	129	92	56
Ростовская область	97	83	120
Республика Башкортостан	94	83	118
Челябинская область	90	83	148
Свердловская область	68	64	84
Тульская область	64	46	65
Воронежская область	60	52	53
Пермская область	58	50	66
Кемеровская область	57	43	51
Белгородская область	56	61	55
Ставропольский край	54	36	55
Липецкая область	47	48	69
Чувашская Республика	44	27	31
Владимирская область	44	34	52
Ульяновская область	40	29	33
Курская область	40	24	28
Ярославская область	39	36	41
Саратовская область	37	29	42
Волгоградская область	34	20	22
Удмуртская Республика	33	33	52
Брянская область	27	19	23
Ивановская область	26	14	8
Оренбургская область	26	27	31
Калининградская область	24	28	34
Рязанская область	23	15	21
Тамбовская область	23	19	22
Омская область	21	13	7
Республика Дагестан	20	14	24
Калужская область	19	14	20
Орловская область	18	17	27

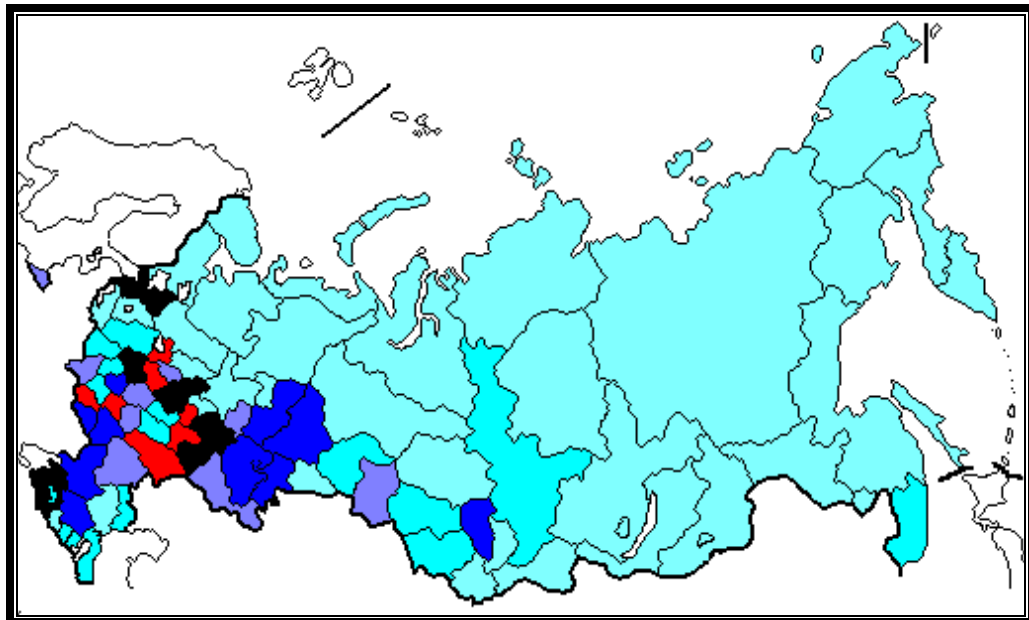
Новосибирская область	18	17	19
Пензенская область	18	17	18
Кабардино-Балкарская Респ.	18	19	38
Ленинградская область	17	19	20
Тверская область	16	11	14
Республика Мордовия	16	8	9
Алтайский край	15	13	17
Респ. Северная Осетия-Алания	15	17	35
Приморский край	14	16	14
Смоленская область	14	12	14
Красноярский край	13	14	17
Тюменская область	12	5	6
Астраханская область	11	10	25
Республика Адыгея	11	8	6
Республика Марий Эл	9	9	8
Кировская область	9	8	8
Вологодская область	9	9	18
Ханты-Мансийский АО.	8	13	11
Курганская область	8	6	6
Иркутская область	7	7	6
Республика Ингушетия	6	4	13
Костромская область	6	4	3
Новгородская область	5	5	5
Мурманская область	5	6	6
Псковская область	5	4	5
Карачаево-Черкесская Респ.	5	3	4
Республика Коми	3	3	2
Томская область	3	2	3
Республика Хакасия	3	3	3
Сахалинская область	2	4	6
Хабаровский край	2	2	3
Архангельская область	2	1	2
Республика Карелия	2	2	3
Республика Бурятия	1	1	1
Амурская область	1	1	1
Читинская область	1	1	1
Ямало-Ненецкий АО	0,7	0,6	0,9
Усть-Ордынский Бурятский АО	0,4	0,3	0,4
Республика Калмыкия	0,4	0,2	0,2
Еврейская авт.область	0,3	0,3	0,3
Коми-Пермяцкий АО	0,2	0,2	0,3
Республика Саха (Якутия)	0,2	0,3	0,3

Камчатская область	0,2	0,2	0,1
Республика Алтай	0,2	0,1	0,1
Республика Тыва	0,1	0,1	0,1
Магаданская область	0,06	0,06	0,06
Агинский Бурятский АО	0,05	0,04	0,03
Ненецкий АО	0,01	0,03	0,04
Чукотский АО	0,003	0,002	0,002
Корякский АО	0,002	0,0005	0,0004
Таймырский АО	0,0007	0,0005	0,0007
Эвенкийский АО	0,0001	0,0001	0,0002

рассчитано по: [126]

приложение 17

**Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации
в 1998 г. (по валовому региональному продукту)**

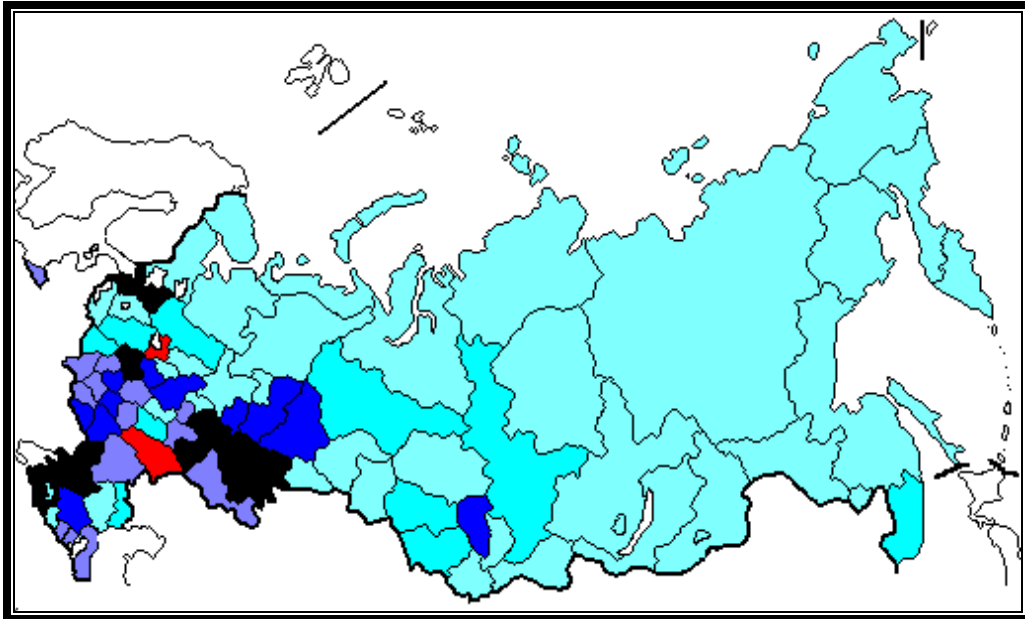

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

	более 200		от 1 до 9
	от 100 до 199		менее 1
	от 50 до 99		нет сведений
	от 10 до 49		

приложение 18

**Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации
в 2000 году, по валовому региональному продукту**

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

	более 200		от 1 до 9
	от 100 до 199		менее 1
	от 50 до 99		нет сведений
	от 10 до 49		

